

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМ.А.РУДАКИ

На правах рукописи

Холботурова Суфия Субхонкуловна

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА НА
ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК**

Специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Муллоев Абдусамад

Душанбе -2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3 – 12
Глава I. Предпосылки формирования русско-таджикских литературных взаимосвязей и история их исследования.....	13-46
1.1. Художественный перевод как фактор развития русско-таджикских литературных взаимосвязей.....	13-22
1.2. История знакомства таджикских читателей с переводами произведений А. Блока на таджикский язык.....	22-33
1.3. Восточные мотивы в творчестве А. Блока.....	33-46
Глава II. А. Особенности перевода творчества Блока на таджикский язык.....	47-144
2.1. Творчество А. Блока в таджикской литературе и проблемы перевода его ранних стихотворений на таджикский язык.....	47-78
2.2. Характеристика произведений А.Блока в переводе на таджикский язык.....	78-102
2.3.Поэма Александра Блока «Возмездие» и ее перевод на таджикский язык	102-117
2.4. Кутби Киром и переводы произведений Александра Блока на таджикский язык.....	117-144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	145-152
БИБЛИОГРАФИЯ.....	153-173

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В силу того, что Республика Таджикистан после обретения государственной независимости перешла на новый уровень международных взаимоотношений, процесс глобализации охватывает практически весь мир, впредь переводческое дело в нашей стране будет занимать существенное место, в связи с чем возрастает и значение переводоведения.

Художественный перевод как особый вид межъязыковой коммуникации издавна служил взаимовлиянию и взаимообогащению культур разных народов. Это мост, связывающий национальные и эстетические ценности народов.

Художественный перевод представляет собой многомерный и многоаспектный процесс, детерминированный множеством факторов. Изучая его историю и особенности можно восстановить и проследить зарождение и развитие культурных и литературных связей, определить размеры литературного влияния, диффузию эстетических традиций. Кроме того, это способствует развитию теории переводоведения, позволяет сформулировать и классифицировать основные ее принципы, методы и приемы как особой формы творческой деятельности.

К теории, как правило, идут от фактов. С этой точки зрения изучение своеобразия и различных подходов перевода поэзии такого индивидуально ярко выраженного художника слова, как Александр Блок, таджикскими поэтами представляет большую научную значимость. Во – первых, это дает возможность ликвидировать существующие «белые пятна» в истории таджикской школы переводоведения, раскрыть особенности перевода поэзии Александра Блока на таджикский язык; во –вторых, позволит определить место этого талантливого поэта и переводчика в становлении и развитии новой таджикской литературы, во многом определившего развитие, в

частности, таджикского художественного перевода, тем более, что к творчеству Александра Блока неоднократно обращались многие таджикские поэты переводчики.

Актуальность данного исследования также определяется недостаточной изученностью темы и отсутствием научных работ, анализирующих становление и развитие темы Востока в творчестве Александра Блока.

В современном мире перевод все больше выступает как основная форма литературных контактов между народами, а переводчики - это прежде всего солдаты межлитературной связи. Через переводы каждый народ получает возможность знакомиться с сокровищами литератур других народов. И, рассматривая проблему взаимосвязей литератур через призму художественного перевода, следует также ставить вопрос об их взаимном обогащении. Художественный перевод помогает сохранить национальные традиции в культуре того народа, на языке которого он выполнен, а национальная литература немыслима без переводной литературы, отвечающей тем же запросам духовной жизни народа, что и национальная.

Переводом художественной литературы - как в России, так и в Таджикистане, - сегодня занят большой отряд профессиональных переводчиков, вооруженных своей методологией и ведущих активную работу в области художественного перевода. Еще в 1934 году, выступая на первом съезде советских писателей, великий пролетарский писатель А.М.Горький отмечал: "Речевая культура наших братских народов, их эпос, их песня благодаря переводу на русский язык становятся достоянием миллионов людей. Перевод на русский язык - это ворота в мир для национального писателя. Так происходит еще потому, что с русского перевода часто делаются все дальнейшие переводы на зарубежные языки" [33,с.145].

В настоящее время значение художественного перевода, способного создать мост между разными культурами, сблизить народы, помочь им в процессе такого культурного диалога лучше понять друг друга и взаимообогатиться, сохраняет свою актуальность. Довольно длительное

время бытовало мнение, согласно которому верность поэтического перевода подлиннику в принципе невозможна, в первую очередь, по причине существования различных систем стихосложения. Загадочный мир поэзии и поэтический перевод остается как самый сложный процесс, имеющий богатый ассоциативно-метафорическую образность, смысловую многомерность. Такой перевод требует от переводчика не только хорошее знание языка, культуры, истории, обрядов стороны жизни, как своего народа, так и того произведения автора, которое он собирается переводить. Переводчик поэтического текста должен понимать специфику национального характера и своеобразие ментальной картины мира того народа, к которому поэт относится, знать, чувствовать особенности индивидуального мира поэта, чтобы угадать и правильно передать своему читателю те художественные образы и мысли, что были представлены в исходном тексте.

Наверное, сегодня было бы невозможно даже просто перечислить имена всех тех писателей, которые благодаря достойным русским переводам стали не только знакомы, но и любимы миллионами современных и зарубежных читателей. Ведь только за последнее время, в годы независимости у нас в Таджикистане и в России вышли тысячи книг классической и современной литературы народов СССР, переведенных на русский язык. Конечно, не все эти книги равноценны по качеству перевода. Но сколько таланта, любви, знания, умения вложено, например, в изданные теперь многотомники сочинений Фирдоуси, Хафиза, Саади, Берды Кербабаева, Андрея Головко, Александра Корнейчука, Константина Гамсахурдиа, Олеся Гончара, Андрея Упита, Мухтара Аузова, Михаила Джавахишвили, Наири Зарьяна и других выдающихся поэтов и писателей, а также сборников поэзии устода Айни, Абулкосима Лахути, Мирзо Турсунзаде, Павло Тычины, Гафура Гуляма, Петруса Бровки, Расула Гамзатова, Ираклия Абашидзе, Давида Кугультинова, Кайсына Кулиева.

Относительно переводов русской литературы на таджикский язык следует отметить, что поэмы Лермонтова появились на таджикском языке благодаря кропотливому труду Хабиба Юсуфи. Таджикский писатель-переводчик Хабиб Ахори мастерски перевел Гоголя. Поэзию Владимира Маяковского перевели поэты Пайрав Сулаймони, Хабиб Юсуфи, а позже и другие более молодые таджикские поэты.

Художественный перевод, как одна из форм творческого освоения иноязычной литературы и одновременно как эстетический феномен, оказывающий влияние на собственную культуру переводчика, имеет в таджикской литературе давние традиции. Однако именно XX век открыл новые возможности для развития перевода, что было связано, в том числе, с ростом книгоиздательства и широким распространением периодической печати. Наступает новый этап художественного перевода, который получил статус посредника во взаимообогащении и взаимоузнавании национальных культур, в перенимании опыта друг у друга, трансформации этого опыта в соответствующую форму с учетом собственных традиций. В конце XIX века появляются первые переводы на таджикский язык произведений таких великих русских писателей, как А.С.Пушкин и Л.Н.Толстой.

Однако как можно более полно и адекватно представить таджикскому читателю творчество столь глубоко национального русского поэта, чья поэзия была наполнена в то же время общечеловеческим содержанием и идеалами, являлось задачей достаточно сложной. Избрав предметом исследования переводы лирических произведений А.Блока, мы полагаем, что этот богатый и поучительный материал представляет значительный интерес для освещения истории таджикского художественного перевода, тем более, что к творчеству А.Блока неоднократно обращались многие таджикские мастера художественного слова. Это дает возможность проследить и обобщить опыт разных поколений переводчиков, которые в своих работах так или иначе отразили принципы и требования разных этапов развития

таджикской школы художественного перевода. Актуальность избранной темы определяется и тем, что в последние годы переводческое дело в Таджикистане оказалось в определенном застое, что было связано с общественно-политической и экономической ситуацией в стране. Историко-литературное изучение перевода, на наш взгляд, необходимо также и для правильной оценки путей развития собственной литературы.

Поэт - переводчик, создавая свои творения, проникает в сферу духа, сознания, заглядывает в суть вещей, явлений, жизни, интуитивно постигает тайны мироздания, прозревает до многих истин человеческого бытия. Чтобы уловить образно-метафорическую логику художественного текста, переводчик должен в той или иной форме пройти этот же путь. Эти и многие другие вопросы становятся основой дискуссий для исследователей, что определяет актуальность данной темы.

Степень изученности. Перевод с одного языка на другой произведений художественной литературы является одним из важнейших факторов не только взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур, но и гармонизации отношений между культурами и народами. Перевод художественной литературы на таджикский язык в последние годы привлекает в Таджикистане все более пристальное внимание специалистов. Диалог между таджикской и русской литературой имеет давние традиции. В современном таджикском культурном пространстве все заметней растет интерес к русской культуре, особенно к поэзии. Если говорить об истории таджикско-русского и русско-таджикского перевода, то он имеет древние корни. В Таджикистане за это время сформировалась не одна плеяда блестящих переводчиков, открывших для своего читателя мир русской поэзии, показавших всю его сложность, красоту и уникальность, познакомивших с произведениями авторов, которых можно считать знаковыми фигурами русской культуры. Имена русских поэтов, чьи произведения для таджикского читателя оказались особенно интересны,

стали известными благодаря переводчикам: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. А. Крылов, А. А. Блок, В. В. Маяковский, С. А. Есенин, М. И. Цветаева, А. А. Ахматова, А.А.Блок и др. И в то же время изучены многие аспекты творчества великих представителей персидско-таджикской классической поэзии, таких как Фирдоуси, Хайям, Саади, Хафиз и другие русскими ориенталистами Н. Конрадом, В. Эберманом, Ю. Марра, Е.Э. Бертельсом, А.Н.Больдеревым, И.С.Брагинским и т.д.

Проблемам художественного перевода в таджикском и русском переводоведении посвящено немало исследований. Исследователей привлекает многогранность этого явления, неисчерпаемость проблематики перевода, метафоричность поэтического текста, которая наполовину утрачивается в переводе поэтических текстов. В связи с этим, значительный интерес представляет изучение литературных связей, взаимодействия, взаимовлияния, взаимообогащения таджикской литературы с другими литературами народов мира, и, в первую очередь, русской литературой. Всестороннее исследование природы перевода можно увидеть в научных исследованиях таджикских ученых Х.Ахори, Р.Хашима, М.Шукрова, А. Сайфуллаева, А. Сатторова, З.Мулладжановой, В.Самадова, Ш.Мухтора, М.Ходжаевой, А.Абдусатторова, А.Абдуманнонова, А.Аминова и др. Особо следует отметить значение исследований Х.Шодикулова и А.Давронова в изучении теоретических и прикладных аспектов процесса перевода литературного произведения. Практически никто из русских классиков в их взаимосвязях с литературой Востока не обойден вниманием таджикских литературоведов, но одно из особых мест по праву принадлежит Александру Блоку, переводы произведений которого на таджикский язык до сих пор не подвергнуты специальному исследованию.

Объектом данного исследования являются таджикские переводы произведений Александра Александровича Блока и их оригиналы, а также сопоставительно-типологический анализ переводов творчества этого поэта,

выполненных таджикскими поэтами Хабибом Юсуфи, Боки Рахимзода, Мухиддином Фархатом, Мастоном Шерали, Аминджоном Шукухи, Кутби Киромом, Г. Сафиевой, Бахромом Фирузом, Асламом Адхамом, Хикматом Рахматом, Доро Наджотом, Искандаром Идиевым и др.

Цель и задачи исследования. Исследование принципов перевода поэзии Блока таджикскими поэтами, сравнительный анализ этих переводов с оригиналами произведений даст возможность выявить особенности развития переводческой школы в таджикской литературе, определить уровни мастерства различных поэтов – переводчиков.

В соответствии с поставленной целью, в исследовании решаются следующие задачи:

- исследовать произведения А. Блока в изданиях на таджикский язык;
- собрать материал о всех переводчиках, осуществивших перевод поэзии А. Блока;
- обобщить опыт отечественных и зарубежных исследователей в области перевода форм поэтических и прозаических текстов и использовать его при исследовании поставленной проблемы;
- проследить воздействие оригинального мировоззрения А.Блока на творчество таджикских поэтов;
- определить лексико-стилистические особенности языка перевода Александра Блока на таджикский язык;
- определить специфику переводов произведений Александра Блока на таджикский язык;
- выявить степень влияния персидско-таджикской литературы на творчество А. Блока;
- на материале исследований, которые посвящены поэзии Александра Блока, установить их значимость, особенности функционирования;
- изучить историю переводов Александра Блока на таджикский язык, и на их

основе выявить материалы, используемые при сравнительном анализе, и их оценки в разные периоды;

-определить отличительные признаки переводов произведений А.Блока на таджикский язык.

Методы исследования. В качестве основного метода исследования диссертантом избран сопоставительный метод, позволяющий выявить адекватность оригинала и его перевода, эквивалентность языковых средств, привлеченных при переводе художественных произведений с русского языка на таджикский. В процессе исследования за основу взят текстологический, сравнительно-исторический методы, позволившие провести сравнительный анализ явлений, понятий и проблем литературы, сопоставить в историко-литературном контексте сходства и различия в интерпретации ряда важных мировоззренческих вопросов. При решении поставленных задач были использованы методологические и общетеоретические выводы, сделанные в трудах Г.Р. Гачечиладзе, А.В. Федорова, К. И. Чуковского, В. Шора, М.Л. Гаспарова, А.Поповича, О. Паса, Ю.Д. Левина.

В работе исследуются поиски переводчиками адекватных образов и художественных эквивалентов в процессе перевода оригинальных произведений Александра Блока на таджикский язык. Основным теоретическим материалом, для анализа перевода и его сравнения с оригиналом в аспекте образной адекватности послужили работы отечественных ученых Мухаммаджона Шукурова, Атакона Сайфуллоева, Закии Муллоджановой, Ш.Мухтора, М.Абдуллоева, А.Азимова и др.

При сопоставлении художественных текстов переводов и оригиналов исследуются проблемы сохранения национально-художественного своеобразия, воссоздания образной системы, влияния стиля переводчиков на идейно-художественную целостность оригинала, где использован подстрочник.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том,

что впервые в современном таджикском литературоведении исследуются особенности художественного перевода поэзии А. Блока на таджикский язык, в ходе которого изучается воздействие его творчества на таджикскую литературу XX века, на мировоззрение таджикских поэтов – основных проводников его эстетических идей в таджикскую литературу.

Основные положения, выносимые на защиту:

- В развитии таджикского переводоведения и таджикской литературы значительную роль играет переводческая традиция. Существуют русско-таджикская и таджикско-русская переводческие традиции.
- При переводе происходит не только контакт двух языков, но и соприкосновение двух культур. Знание языка и культуры текста оригинала направляют процесс перевода. Перевод текста на другой язык подразумевает не только передачу смысла текста средствами данного языка, но и передачу национально-культурных особенностей народа.
- Таджикское переводоведение имеет, с одной стороны, свои специфические формы развития, с другой – повторяет вехи развития переводческого искусства русской и зарубежной литературы.
- Литературный анализ художественных произведений, так же как и перевод, должны предприниматься вновь на более качественном уровне, что будет способствовать развитию, как литературоведения, так и переводоведения в Таджикистане.
- Необходима дальнейшая работа по совершенствованию переводческого искусства в Таджикистане в области перевода художественных произведений русского поэта Александра Блока на таджикский язык, а также оптимизация процесса изучения творческого наследия писателя в целом.
- Каждый персонаж Александра Блока говорит своим неповторимым языком, речь персонажа – важнейший характеризующий признак в произведениях. В переводе персонажи говорят одинаковым нивелированным языком, что нейтрализует важнейшую отличительную особенность поэзии

данного поэта.

- Особую роль в оригиналах анализируемых произведений играет просторечие, которое также нивелируется в переводе.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке и чтении общих и специальных лекционных курсов (на факультативных занятиях и семинарах) для студентов и аспирантов по истории литературы, литературоведению. Выводы исследования также могут быть полезны при написании диссертационных, дипломных, курсовых и реферативных работ студентами филологических специальностей и факультетов высших учебных заведений. Основные положения диссертации вносят определенный вклад в изучение русского поэтического наследия и могут стать опорой для продолжения научно-исследовательской работы по изучению таких вопросов, как взаимовлияние русской и таджикской литератур, влияние персидско-таджикской литературы на творчество А. Блока и на литературу народов мира.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры русской и мироий литературы Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни. (протокол № 6 от 18 июня 2019 г). Основные положения диссертации нашли свое отражение в выступлениях на научных конференциях, (2015-2017), а также в 7 статьях, из них 3 опубликованных в журналах «Вестник Таджикского национального университета» и «Вестник Таджикского государственного педагогического университета», входящих в реестр ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения. Общий объём диссертации составляет 173 стр.

Глава I. Предпосылки формирования русско-таджикских литературных взаимосвязей и история их исследования

1.1. Художественный перевод как фактор истории русско-таджикских литературных взаимосвязей

Среди многочисленных сложных проблем, которые изучает современное литературоведение, важное место занимает изучение переводческой деятельности. Благодаря переводам таджикский народ получил доступ к культурным достижениям других народов, что сделало возможным взаимодействие и взаимообогащение литератур и культур. Перевод сыграл важную роль в становлении и развитии многих национальных языков и литератур, сделав доступным для всего человечества гениальные творения Гомера и Шекспира, Данте и Гёте, Толстого и Достоевского. Будучи одним из важнейших способов вхождения произведения слова в другую культуру, перевод не может существовать без опосредованности переводческой интерпретации. Безусловно, исследователей всегда волновал вопрос о том, каким произведение предстает перед читателями после перевода, в чем отличается его трактовка от тех, что приняты в культуре оригинала, и каковы причины изменений?

Вопросы перевода художественной литературы - важнейшая часть общей проблематики культурных связей между народами. В современном мире перевод все больше выступает как основная форма литературных контактов между народами, а переводчики – это, прежде всего, солдаты межлитературной связи, или, как теперь принято говорить, межлитературных связей. Через переводы каждый народ получает возможность знакомиться с сокровищами литератур других народов. И, рассматривая проблему взаимосвязей литератур через призму художественного перевода, следует также ставить вопрос об их взаимном обогащении. Художественный перевод помогает сохранить национальные традиции в культуре того народа, на языке которого он выполнен, а

национальная литература немыслима без переводной, отвечающей тем же запросам духовной жизни народа, что и национальная.

Переводчики несут высокую ответственность и осознают важную роль перевода в культурной жизни народа, в XX веке советские переводчики пытались донести до читателя всю идейную и художественную ценность лучших произведений мировой классики. С древних времен, постепенно, переводчиками вырабатывались принципы полноценного перевода, как правильно избегать буквализма и неоправданных вольностей по отношению к оригиналу. В таджикской литературе появилась целая плеяда блестящих переводчиков, создавших славу современной таджикской переводческой школы. Широкое признание получили достижения таких мастеров перевода, как Хабиб Юсуфи, Пайрав Сулаймони, Абдулкасим Лахути, Сотим Улугзаде, Лоик Шерали, Бозор Собир, Кутби Киром, М.Муллоджонов, Хабиб Ахори, Э.Муллокандов, Рахмат Хикмат, Шерали Мастон, и мн.др.

Этими переводчиками за прошедшие десятилетия проделана большая работа по переводу на таджикский язык произведений классической и современной прозы и поэзии братских народов. Благодаря переводам, простому читателю стали доступными монументальные эпические произведения других народов. В таджикской литературе основными переводчиками являлись сами поэты, писатели. Заслуги переводчиков, среди которых много известных поэтов и писателей, не могли не привлечь внимания исследователей, которыми неоднократно делались попытки теоретически осмыслить и объяснить деятельность таджикских переводчиков, сформулировать критерии оценки качества переводов, определить факторы, оказывающие влияние на ход и результат процесса перевода. Однако переводческая практика значительно опередила теорию перевода и саму науки. Исследователи искали ответ на вопрос, как переводчики решают проблемы, с которыми они постоянно сталкиваются в ходе своей деятельности: проблема выбора между различными вариантами

перевода, решением, что в переводимом тексте является наиболее важным и должно быть обязательно передано, отдавать предпочтение тому или иному способу преодоления возникающих трудностей. Перед исследователями постепенно стал назревать вопрос о том, какие видоизменения получают гениальные произведения русских поэтов в переводе и в каком виде они доходят до таджикского читателя. Эта проблема остается актуальной в современном переводоведении.

Хотя в большинстве случаев такой выбор делался интуитивно, все же порой переводчик пытался осмыслить и объяснить свои предпочтения. В последнее время большой интерес проявляется к восприятию русской литературы в Таджикистане (см.: Валиев Н.У. Маяковский и таджикская гражданская лирика, Душанбе 1990 г.; Нозимов А.А. М Горький и таджикская литература. Душанбе 1989 г.; Бобокулов Ч.А. Перевод произведения И.А. Бунина на таджикский язык. Душанбе 2016 г.; Рустамова Г.Р. Л.Н.Толстой и таджикская литература. Душанбе 2017 г.; Киматби Элназар. Проблемы перевода и воспроизведения стиля, ритмико-intonационных особенностей поэзии А.А.Ахматовой на таджикский язык. Душанбе 2017 г.), исследователи пытаются комплексно изучить проблему художественного перевода с обязательным учетом творческой манеры, литературных пристрастий, взглядов на перевод, автора и переводчика. Мы затронули лишь один из аспектов - интерпретационный, но он является основным, так как предполагает построение самостоятельной и полноценной методики изучения художественного перевода.

В развитии переводческого дела в Таджикистане огромную роль сыграла Октябрьская революция, открывшая переводчиками величайшие перспективы. В 1936 году в связи со 100-летием А.С.Пушкина после Постановления Комиссариата по делам национальностей появляется первое переведенное произведение - повесть "Дубровский", которая вышла отдельным изданием, а также частично была включена в Хрестоматию

литературы, предназначенную для таджикских школ. Автор перевода Саидризо Ализаде перевел и другие произведения русского поэта, которые затем неоднократно переиздавались.

Переводом художественной литературы - как в России, так и в Таджикистане, - сегодня занят большой отряд профессиональных переводчиков, вооруженных своей методологией и ведущих активную работу в области художественного перевода. Еще в 1934 году, выступая на первом съезде советских писателей, великий пролетарский писатель А.М.Горький отмечал: "Речевая культура наших братских народов, их эпос, их песня благодаря переводу на русский язык становятся достоянием миллионов людей. Перевод на русский язык - это ворота в мир для национального писателя. Так происходит еще потому, что с русского перевода часто делаются все дальнейшие переводы на зарубежные языки" [33,с.45].

Все это, безусловно, поднимает роль перевода, как одного из факторов движения литературы и как одного из непременных компонентов литературного процесса.

Классики марксизма-ленинизма всегда придавали большое значение переводам художественной, общественно-политической и научной литературы. В их многосторонней деятельности перевод как оружие идеологической борьбы занимает заметное место. Известны их высказывания о художественном переводе в научной литературе .

Вопросы теории и практики художественного перевода постоянно освещаются в сообщениях, информаций , на всесоюзных и республиканских совещаниях переводчиков, а также на международных конгрессах, конференциях, симпозиумах.

В 1934 году в Москве состоялся I Съезд писателей СССР, который сыграл большую роль в развитии переводческой деятельности таджикских литераторов, где впервые был поднят вопрос о взаимном изучении литератур и культур народов СССР, обмена духовными ценностями, где переводу была

отведена главная роль.

Влияние переводной литературы, особенно передовой русской литературы, на творческий путь таджикских поэтов и писателей и творческое усвоение ими ее опыта, претворение его в собственных произведениях способствует возникновению и развитию качественно новых явлений и в их родной литературе. Прогрессивная русская литература с каждым годом находит все большее признание у таджикских писателей и читателей.

Сегодня к творчеству русских писателей обращаются многие таджикские ученые, писатели, деятели культуры. Многие талантливые мастера художественного слова Таджикистана в своей повседневной деятельности часто обращались к мировой культуре, в том числе к русской литературе. Так, Садриддин Айни, Абулкосим Лахути, Пайрав Сулаймони, Хабиб Юсуфи, Рахим Джалил, Джалол Икроми и многие другие творчески выросли благодаря тому, что они смело черпали художественные средства из таджикской классической и русской литературы.

Изучение творчества русских писателей-классиков, переводы их произведений открывали таджикским писателям новые творческие возможности, содействовали утверждению индивидуального почерка, индивидуального стиля известных мастеров художественного слова Таджикистана.

Таким образом, 30-е годы были временем становления и развития таджикской школы перевода, воспитания профессиональных кадров переводчиков, способствовавших своей гуманной деятельностью расширению эстетических поисков, совершенствованию художественного мастерства таджикских поэтов. В эти годы впервые были переведены на таджикский язык и опубликованы прозаические произведения А.С.Пушкина «Капитанская дочка», «Дубровский», «Пиковая дама», «Повести Белкина», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о попе и его работнике Балде».

Это стало причиной систематического обращения таджикских

переводчиков к величайшему наследию русских поэтов. Так, в 1938 году появляется перевод «Кавказского пленника» /пер. Х.Юсуфи/, в 1939 году – «Метели» и «Бориса Годунова» /пер. С.Улуг-заде, поэтическая обработка Сухайли/, в 1940 году «Бахчисарайского фонтана» /пер. М.Рахими/, «Братьев-разбойников», «Полтавы» /пер. Х.Юсуфи/. Безусловно, появилось много статей и исследований современных литературоведов, которые создали достаточно верное представление о красоте русской литературы, ее многогранности, мастерстве художников слова, о ее незаменимом значении для развития других народов. В этих статьях и исследованиях проблема литературного взаимодействия через призму творчества отдельных поэтов и писателей стала одной из ведущих, где особое внимание уделяется проблемам освоения творчества русских писателей и их влияния на национальные литературы. Работа над переводами произведений русских классиков стала для таджикских поэтов и писателей школой подлинного мастерства. И в то же время и в русской литературе появляются шедевры персидско-таджикской литературы, пути вхождения которых в мир русской культуры исследователи видят в основном через перевод. Всестороннее исследование природы перевода можно увидеть в научных работах таджикских ученых Х.Ахори, Р.Хашима, М.Шукрова, А. Сайфуллаева, А.Сатторова, З.Муллажановой, В.Самадова, Ш.Мухтора, М.Ходжаевой, А.Абдусатторова, А.Абдуманнанова, А.Аминова и др.

Особо следует отметить значение исследований Х.Шодикулова и А.Давронова в изучении теоретических и прикладных аспектов процесса перевода литературного произведения. В этот период перевод качественно меняет свою структуру, приобретая новые качества и совершенно иной мотив. Ему становится свойственно непосредственная значимость, неповторимая индивидуальность по характеру мотивов, необыкновенная широта сюжетных пространств, политическое и высокодидактическое начало. Переводческая деятельность имела

положительные результаты на творчество таджикских поэтов, таких как Мумин Каноат, Лоик Шерали, Бозор Собир, которые активно занимались также переводами богатого наследия русской литературы, особенно в период эволюции исторического и национального самопознания 70-80 гг. XX века.

После второй мировой войны на таджикский язык было переведено множество произведений русской литературы, в том числе проза и поэзия А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, басни И.А.Крылова, произведения И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, М.Е.Салтыкова-Щедрина, А.П.Чехова, А.М.Горького, С.Маршака и других писателей.

За последние годы вошел в орбиту новых литературных и культурных взаимоотношений с Россией и таджикский народ. Это не могло не повлиять и на состояние переводческой деятельности, которая в известном смысле достигла своего нового расцвета.

Постепенное развитие и совершенствование переводческой деятельности в Таджикистане выдвинуло ряд вопросов теории и практики художественного перевода с русского на таджикский язык. В наши дни появилось большое число статей, монографий, рецензий, сообщений и очерков по проблемам перевода с русского языка на таджикский, а также о роли этих переводов в повышении уровня переводческого мастерства в таджикской литературе и развитии русско-таджикских культурных и литературных связей.

Наряду с активизацией переводов в 50-е годы XX века эволюционирует критика перевода. Так, по вопросам перевода А.Дехоти в статье «Во имя высокого качества перевода поэтических произведений» рассматривает множество вопросов этой сферы литературного творчества, в том числе роль переводчика в переводе поэтического наследия, вопросы недочетов в переводческой дешифровке реалий поэтики. В статье также впервые делается попытка определить значимость переводов поэзии русского поэта А.Жарова Пайравом

Сулаймони.

Ценные, заслуживающие внимания мысли и суждения относительно теории и практики литературных связей высказали в своих исследованиях литературоведы Е.Э. Бертельс, И.С. Брагинский, М. Шукров, А. Маниязов, Г.И. Ломидзе, Л.Н. Демидчик, А. Нуралиев, А. Сайфуллоев, Т.Гольц, Шокир Мухтор, В. Самад, Х. Шодиколов, Н. Зохидов, Т. Мардонов, Ш. Мухтор, А. Давронов, М. Зайниддинов. Н. Одинаев, Ш. Амонаева и другие. Весомое значение в изучении и осмыслении вопросов теории перевода и создании теоретических основ таджикского перевода имеет статья литературоведа, переводчика и критика Рахима Хашима «Способы взаимопонимания» [249,с.24], где критик уделяет особое внимание недочетам в переводе поэзии. Так, автор убежден, что в последние годы из творчества отдельных советских поэтов, особенно из русской поэзии, переведено множество образцов их творений, в переводе которых активное участие принимали таджикские поэты. Однако поиски высококачественных переводов, отражающих истинный смысл, высокие и вечные цели автора, сугубо авторский, индивидуальный стиль и мастерство поэтов, не всегда приводили к ожидаемым результатом и желаемому удовлетворению. Другие факты также показывают особенности переводческой практики и динамику теоретических воззрений относительно вопросов таджикского перевода. Как подчеркивает Х.Шодиколов, стихотворение А.С.Пушкина «Узник» Х.Юсуфи в 1938-1939 гг. дважды перевел на таджикский язык.

В последующий период, по просьбе А.Пирмухаммадзаде, переводчик повторно перевел это стихотворение. Поэт-переводчик «в первичном варианте перевода поэзии соблюдал требования этого искусства и учитывал ожидания времени, передавая то, что имеется в оригинале и сохраняя это в переводе на таджикский язык. Однако в нем менее чувствуется поэтическая мысль и интонации оригинала, будто слова идут не от глубины всего сердца» [234,с.55].

Вторая половина 80-х годов XX века ставит перед исследователями перевода серьезные задачи, требующие определения статуса и положения переводческого наследия. В знакомстве с русской культурой большую роль сыграл перевод наследия С.Айни на русский язык. Политическими мотивами в этот период отличались переводы А. Лахути. Вопросы перевода неоднократно становились объектом обсуждения на съездах и пленумах Союза писателей, на страницах литературной печати, и вокруг них велись творческая полемика и дискуссии.

Переводы последних лет, начиная со второй половины XX века, становятся все осмысленными в оценке вопросов перевода, а также сложных и трудных ситуаций переводческой практики, которая должна раскрыть значимые аспекты и новации, актуальные вопросы современной переводческой деятельности.

Появление Блока в Таджикистане связано с общими закономерностями изучениях русской литературы в Центральной Азии. Для таджикских переводчиков более актуальными оказались мотивы идеальной влюбленности, мысль о преображающей человека силе любви, ненависть к несправедливости и надежда на преобразующую силу революции, неповторимый лиризм блоковских произведений. Близки и понятны для таджикского читателя также последовательная направленность поэта от символизма к реализму. Первые переводы стихов Блока на таджикский язык были сделаны в начале XX века. Выбор произведения для перевода всегда определялся идеологическими запросами переводчиков. На этом этапе поиски стимулов для инновационного развития таджикских поэтов становятся особенно актуальными, что и активизирует переводческую деятельность. Переводная литература, органически включившись в эволюционный процесс таджикской литературы, восполнила недостаток ее потенциала. Литературы помогают друг другу в самопознании, лучше разглядеть

себя, свои цели и задачи. Отметим, что огромный интерес к личности А. Блока и его творчеству во всем мире остается неизменным и сегодня.

Итак, мы можем сделать вывод, что благодаря переводам поэзии русских и мировых поэтов на таджикский язык возникли переводческие школы, со своими особенностями стиля и спецификой.

1.2. История знакомства таджикских читателей с переводами произведений А. Блока на таджикский язык

Имя Александра Блока стало известно таджикским читателям в 1930 году. Думается, что обращение к русской поэзии в этот период является, с одной стороны, стремлением сохранить национальную самобытность, с другой – овладеть художественным опытом, накопленным писателями Запада и России. Вторая интенция «объединила многих таджикских литераторов – критиков, переводчиков, писателей, и поэтому «первая половина XX века стала для таджикской литературы периодом освоения эстетических достижений западноевропейской, русской и американской прозы и поэзии ». [107, с.88].

Исследование особенностей перевода творчества Блока невозможно без изучения творческой жизни поэта, который пережил сложную эволюцию. Особенно процессы пробуждения политического энтузиазма, вызванные Февральской революцией, оказавшиеся столь непрочными. Его мысли о завершённости периода истории, связанного с русской монархической государственностью, его сотрудничество с ВЧК. Неприятие Временного правительства, основу которого составляли кадеты, породило в поэте сложный комплекс умонастроений, которые сам поэт называл условно словом «большевизм». Но это не подразумевало принадлежность к реальной партии большевиков. При переводе поэзии Блока на другой язык важно понимать взгляды и настроения поэта, которые окончательно оформились, благодаря сближению с критиком левоэсеровской ориентации Ивановым-

Разумником , группой поэтов и писателей, объединенных под его эгидой на страницах сборников "Скифы". Прочувствовать влияние идеологии политической партии левых эсеров, во изменившее его мировоззрение и отразившееся в его поддержке своим творчеством левоэсеровской газеты "Знамя труда" и журнала «Наш путь».

Таджикских поэтов при переводе особенно интересовало творчество поэта в период его болезненно переживаемых сомнений, разочарований, когда реальность государственного режима, установившегося после прихода большевиков к власти и устранения с политической арены левых эсеров, начавшаяся гражданская война развеяли блоковские иллюзии, которые он сам называл еще «январскими восторгами», сознание Блоком некоторой своей причастности к острой идейной борьбе тех лет. Важно было отразить в переводе эволюцию болезненного восприятия Блоком наступающего НЭПа как возвращение «страшного мира». Более интенсивное изучение русской литературы в Таджикистане приходится на первую половину ХХ века. Основоположник таджикской современной литературы, устод Садриддин Айни даже призывал новых таджикских писателей донести до читателей через перевод, приложения или литературно-критический анализ образцы, которые публикуются и распространяются в литературах различных народов, в частности, в литературах России. Но литературная ситуация в Таджикистане также характеризуется схожими тенденциями. На волне этого интереса к русской литературе и появляется первая публикация стихотворения Александра Блока в таджикском журнале «Садои Шарк», перевод одного из самых известных стихотворений поэта «Незнакомка», выполненный известным таджикским поэтом и переводчиком Хабибом Юсуфи. Здесь же была опубликована и небольшая статья переводчика, где подчеркивалась принадлежность Блока к символическому направлению. При этом автор ссылался на русские литературные журналы, где были опубликованы переводы стихотворений Александра Александровича Блока.

Следует отметить, что в этом переводе читателю открывался только «поверхностный» смысл лирического сюжета: видение таинственной незнакомки, которое являлось одинокому и тоскующему лирическому герою. На эту публикацию откликнулись, прежде всего, символисты. Хотя символизм и не стал влиятельным направлением в таджикской литературе, однако некоторые поэты - Кутби Киром, Лоик Шерали отметили красоту и иносказательность стихотворения Александра Александровича Блока. После этой публикации, не вызвавшей широкого интереса к русскому поэту, наступает достаточно долгий период молчания о Блоке.

Лишь в 1962 году таджикский писатель и переводчик с русского языка на таджикский Рахим Хошим публикует в журнале «Садои Шарқ» статью «Влюбленный поэт», где знакомит таджикских читателей с творчеством Александра Александровича Блока. Основное внимание автора статьи привлек сборник Блока «Стихи о Прекрасной Даме».

Эти стихи, которые написаны А.Блоком в период с 1901 по 1903 гг., и нашли живой отклик в сердце автора статьи, увидевшего в них только поэтизацию первой любви. Автор статьи не углублялся в философские основания ранней лирики Александра Александровича Блока, в философию любви Владимира Соловьева, понимая, что эти идеи не будут близкими таджикскому читателю. Рахим Хошим восхищался, прежде всего, лирическим пафосом стихотворений, увидев несомненную близость этих стихов с любовными стихами таджикских авторов. Именно поэтому автор статьи назвал Блока «меджнуном». Ведь Блок, как и арабский юноша, который от любви к Лейле сошёл с ума, безумно любил свою невесту Л. Менделееву, и эту любовь он пронёс через всю свою жизнь, до самой смерти. Героиню ранней блоковской лирики и влюбленного героя автор статьи называет «Лейла и Меджнун» поэзии Александра Александровича Блока.

При этом таджикский автор ссылается на статью одного из французских критиков (его имя не названо), где подчёркивалось, что

«...традиция восточной, классической литературы... оказывает воздействие на Александра Блока в тот период, когда русский поэт писал свои стихи» [250, с.85].

В 50-60- е годы XX века интерес к творчеству Блока становится более интенсивным, но он связан не столько с любовной лирикой поэта, сколько с его поэмой о революции, что определяется политической ситуацией. Таджикский журнал «Садои Шарк» («Голос Востока») в одном из номеров 1969 года опубликовал статью о Блоке и о позиции, которую занял поэт по отношению к революции 1917 года. Автор статьи, Б. Гадоев, основываясь, вероятнее всего, на той концепции пути Блока от символизма к реализму, которая утверждалась в советском блоковедении, именно так и определял эволюцию блоковского творчества. По мнению автора статьи, Блок неоднократно проявлял свое несогласие с программой символистов. Он даже назвал их «сочинителями невиданных ощущений» [228, с.55]. Чувствуя приближающийся закат своего направления, символисты все ещё надеялись на спасение, благодаря огромному авторитету Блока. На деле, они пытались прикрыться именем большого поэта, хотели воспользоваться его творческим наследием в своих целях и интересах. Автор статьи явно утрировал противоречия между Блоком и символистами, точнее, драматизировал их, возможно, с помощью мелодраматических вымыселенных перипетий этих отношений пытаясь вызвать интерес читателя. Согласно автору, бывшие сподвижники ополчились на Блока, создавая о нем самые мрачные легенды. Однако Блок не сдался, он мужественно выдержал их враждебность, стойко перенося их злые нападки. Он включился в строительство новой культуры. Таджикский автор мотивирует позицию Блока тем, что он был истинным поэтом, пламенным патриотом, противником «старого мира». Б.Гадоев цитирует слова Блока о бывших сподвижниках: « нас разделил не только 1917 год, но даже ещё 1905-й». Согласно автору статьи, Александр Блок восхищался революцией, которая «разрубила» узы зла и гнёта. В этом же

журнале была напечатана статья М. Хамидова о творчестве Александра Блока. В ней говорилось об отношении Александра Блока к прошлому и о характере видения Блоком будущего. По мнению автора статьи, Александр Блок всегда верил в живую диалектику трёх основных элементов жизни: прошлого, настоящего и будущего. По мнению М. Хамидова, исторические события освещались у Александра Блока заревом будущего, в частности, крупная битва на Куликовом поле, к которой Александр Блок обращался неоднократно, справедливо придавая ей решающее значение в судьбе своего народа [247, с.90].

Автор статьи М. Хамидов указывает на то, что Куликовская битва, завершившаяся победой русского войска во главе с московским князем Дмитрием Донским, долго занимала внимание Александра Блока. В журнале «Помир» печатались статьи о творчестве Александра Блока. В статье А. Фазилова [243] о мировой литературе, и, конкретно, о русской литературе и ее классиках, упоминается имя Блока рядом с именами Горького, Чехова, Маяковского и др. В 40-е и 50-е годы XX века выросло количество материалов о жизни и творчестве Александра Блока, опубликованных на страницах таджикских журналов. В течение этих лет таджикская периодика была насыщена литературой на военную тему. Во время второй мировой войны на таджикский язык переводились достаточно интенсивно публикации из советских газет о войне и сопротивлении в России, а также статьи, имеющие отношение к проблеме войны и мира, революции. Среди этих материалов были стихотворения и статьи Александра Блока, и нельзя не заметить, что выбор произведений для перевода соответствовал «социальному заказу» времени, как и само истолкование произведений Александра Александровича Блока.

Так, на страницах таджикского журнала «Садои Шарќ» («Голос Востока») в 1941 году появились статьи, очерки, которые были посвящены творчеству Блока периода Первой мировой войны и революции 1917 г.

Автор статьи, который подписался псевдонимом «Обозреватель», считался хорошим знатоком русской литературы и творчества Блока в частности. Статья появилась под заглавием «Поэзия против войны и гнёта». По мнению автора, обращение поэта к «племени младому» было не только выражением поэтической прозорливости поэта, но и проявлением его глубокой связи с жизнью народа. Неслучайно тема Родины и народа, России и революции занимает значительное место в творчестве Александра Блока. Выражение блоковской позиции автор статьи увидел в словах поэта:

Дай гневу правому созреть!

Приготовляй к работе руки....

Таджикский журнал «Садои Шарқ» в 1945 году опубликовал статью Абдуллы Алиева о Блоке. Представляя вслед за другими таджикскими писателями путь Александра Блока как эволюцию от символизма к реализму, автор пишет о том, что поэт перестал говорить о красоте мистической, небесной («Стихи о Прекрасной Даме»), а стал писать о земной красоте: природы, искусства, любви. Статья сопровождена переводом отрывка известной статьи «Народ и интеллигенция» (1908) и поэмы Александра Блока «Скифы», которая была создана наряду с важнейшим произведением этих лет - поэмой «Двенадцать» на волне подъема периода «романтики на Галерной». Наряду со стихотворением «Скифы» поэма «Двенадцать» - это единственные поэтические произведения, где отразились надежды, которые связывал Блок с революцией в начале 1918 года; духовный максимализм и абстрактная революционность этих стихов, как и ряда созданных тогда же статей, во многом объяснялись близостью к Иванову-Разумнику, укреплявшего революционность поэта, этот критик левоэсеровской ориентации оказался одним из первых интерпретаторов блоковского творчества этих дней. Следует отметить, что статья Абдуллы Алиева носит реферативный характер, а перевод отрывков осуществлён с русского языка.

Журнал «Памир» опубликовал статью Х. Бобоева [19], посвященную теме народного возмездия в творчестве мировых поэтов. В этой статье, значительная часть которой отведена поэзии Александра Блока, автор утверждает, что идея исторического возмездия, до конца не воплощённая в неоконченной поэме Блока «Возмездие», получила своё развитие в знаменательной статье «Интеллигенция и революция» (1918). Но автор статьи не усмотрел до конца тот момент, что проза, созданная Блоком после Октября, по сравнению с дореволюционной, обладает рядом особенностей, тематически она не противополагается ей и послереволюционная статья «Интеллигенция и революция», по сути, завершает цикл дореволюционных статей, существенным изменениям подвергается лишь сам творческий процесс, который оказался заключен в рамки общественной и служебной деятельности, вторгшейся в его биографию и подвергшей глубокой перестройке весь его жизненный уклад. При переводе статьи автор пытается передать роль служебной деятельности в послеоктябрьской творческой судьбе Блока, которую современники оценивали по-разному. Одни видели в ней помеху и тормоз творчеству, другие почву, где развеялись романтические иллюзии, связанные с новым строем. В таджикском литературоведении советского периода предпринимаются настойчивые попытки отметить вклад Блока в становление советской культуры, учёные пристально вглядываются в огромную и исключительно добросовестную общественную деятельность Блока, отмечая, что не всегда она, может быть, согласовывалась с чисто бюрократическими рамками тех заданий, которые выполнял Блок, но едва ли и следовало ждать от него простой исполнительности. Драма, как отмечалось, заключалась в том, что сами культурно-просветительские учреждения и инициативы, рождавшиеся в тот период, были зачастую обречены на гибель в условиях политической анархии, перманентной перестройки и перехода власти в сфере культуры из одних рук в другие. Литератуведы отмечали, что Блок на этом поприще

колебался между двумя крайностями: он или вкладывал в дело всего себя, или, напротив, в период разочарования начинал изнывать под бременем казавшихся ему бессмысленными дел. Благодаря поэтическим строкам при сравнении отношения Блока к разнообразным поприщам, переводчики указывали на повторяющуюся схему: начало работы неизменно сопровождалось пробуждением надежд на то, что здесь удастся реально воплотить свои заветные стремления, и на первых порах служба носила неизменно окрыленный характер, но постепенно, убедившись, что требования оказались в очередной раз неприложимыми, поэт вступал в область все новых и новых разочарований. Пафос сменяла ирония, которую было трудно отразить при переводе творчества этого периода.

Несмотря на все эти указанные публикации, в Таджикистане имена А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, И.С.Тургенева, Н.А.Некрасова, Л.Н. Толстого, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского были в то время более популярными, чем имя Александра Блока. Ситуация изенилась в лучшую сторону во второй половине XX века благодаря деятельности переводчиков.

В 1958 году на базе Таджикского университета открывается кафедра русского языка, целью которой является подготовка кадров по изучению языков. Государство стремится к связи с культурой и искусством других народов. В Таджикистане одной из важнейших тенденций становится расширение связей с русской литературой, причем приоритетом пользуются писатели с активной гражданской позицией.

Политическая проблематика блоковского творчества привлекает внимание таких таджикских поэтов, как А.Лахути, М.Турсунзаде, А.Дехоти и М.Каноат, опубликовавшего статью, посвященную теме революции в произведениях известных западноевропейских и русских поэтов. Источником для его статьи послужили публикации на эту тему в таджикских журналах. Среди мировых величин автор особо выделил Александра Блока.

Таджикский поэт Мирзо Турсунзаде, сосредоточил свое внимание на

известной статье поэта «Интеллигенция и революция». Суть блоковского отношения к революции, по мнению автора статьи, отчетливо передают высказывания самого поэта. Тема революции в произведениях крупнейших мировых поэтов. «Переделать всё, устроить так, чтобы всё стало новым, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, весёлой и прекрасной жизнью»; «Когда такие замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковавшие их пуги и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов – это называется революцией». Блоковскими словами заканчивается и статья А.Дехоти: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием, – слушайте революцию», и эти слова явно совпадают с настроениями самого автора». [42, с.88]. Таджикских поэтов интересовал начальный период деятельности Блока, пока высокие цели не были закрыты будничной рутиной, так как далее следовало разочарование. Было отмечено, что эта схема повторялась с завидной регулярностью на каждом из поприщ, где трудился Блок. Важно было уловить романтический настрой прозы этого этапа, которые отразились в романтических настроениях статьи «Интеллигенция и революция», сменяющихся аналитическими размышлениями над реальностью в эпоху создания статьи «Крушение гуманизма» и оканчивающихся трагическими интонациями речи «О назначении поэта».

Таджикский журнал «Садои Шарк» опубликовал в 1957 году интересное короткое исследование об одной из самых известных поэм Блока «Двенадцать», которая была написана Блоком через 2 месяца после того, как в Петрограде произошло революционное восстание. Поэт уловил «ветер», «страшный шум» времени, переломный характер эпохи. Известно, что поэма была создана за двадцать дней (8 – 28 января 1918 года), по словам поэта, в порыве вдохновения. Это произведение – поэма, в которой типическое начало, изображение событий и характеров составляет основу

художественной структуры. Таджикскому читателю было интересно знать, что поэма «Двенадцать» вызвала многочисленную и разноречивую критику, и наверное, ни одно произведение Блока не могло сравниться с этой поэмой по популярности в России и, тем более, за рубежом. Еще при жизни автора, за три года, она была переведена на несколько европейских языков. Несмотря на то, что разными критиками высказывались прямо противоположные мнения об этом произведении, все сходились в одном: Блок принял революцию. Автор статьи «Христос и революция» М. Хуриев неоднократно указывает на плодотворное соединение русским поэтом Блоком двух крупных символов: Иисуса и революции, где евангельские мотивы не ограничиваются завершающим образом Христа. Само число идущих «вдаль», «без креста», «без имени святого», стреляющих в виденье «в белом венчике из роз», соответствует двенадцати ученикам Христа. Сопоставление революционного патруля с апостолами христианского учения для самого автора было многозначным, как и любой другой символ. Так, в августе 1918 года в письме художнику Ю.П. Анненкову, иллюстрировавшему поэму, Блок писал: «Христос с флагом – это ведь – так и не так». Образ Христа возникает в финальной главе поэмы. Появление такого образа в произведении необычно, так как в нем звучит тема революции, совершается убийство женщины. Но, в то же время, нельзя отрицать логичности и органичности появления этого образа. По мнению автора, Александр Блок приветствовал социалистическую революцию и принял деятельное участие в строительстве новой культуры. М. Хуриев считает, что поэма «Двенадцать» показала отличие Блока от других поэтов революции, которое автор видит именно в религиозности поэта. Далее автор указывает на уникальность поэмы, на особенность ее поэтики, наиболее характерной приметой, которой он считает плакатно-сатирические образы старого мира (буржуй, поп, барыня, буржуазный писатель и т.д.), а также трагические образы двенадцати красногвардейцев. Сложность и особенность перевода этой поэмы

заключались в передачи фигуры Христа, которая, как известно, вызвала самые разноречивые мнения и суждения. Наиболее радикально к поэме были настроены те современники Блока, кто были сторонниками русской православной мысли: П. Флоренский, И. Ильин. П. Флоренский, в частности, рассматривал поэму как последнюю ступень развития Блока. Высоко отзываясь о художественном таланте поэта, философ считал, что Блок свернул на путь подмены «идеала мадонны» «идеалом содомским». Поэтому, по мнению Флоренского, в конце произведения не образ Христа, а образ Антихриста. Доказательство тому – пурга, разгул стихии в поэме. Трудно согласиться с этим мнением философа.

Таким образом, мы можем утверждать, что художественный перевод стал одним из главных средств общения наций и народов, сближения друг с другом в области духовной культуры, ибо переводное творчество как искусство занимает видное место не только в национальном, но и в международном плане для ознакомления с новым миром. Благодаря этому таджикский читатель воспринимает Александра Блока, как крупнейшего русского поэта XX века в. Значимыми были для таджикских поэтов слова А. М. Горького: «Александру Александровичу Блоку верьте, это настоящий, русский поэт и человек бесстрашной искренности». [34, с. 76],

Таджикским поэтам была близка огромная сила, лиризм и проникновенность его поэзии, раздумья о судьбе родины, которые трагично и неразрывно слились с его личной судьбой - короткой, драматической, яркой. Революция для Александра Блока – это шквал, который разбудил в народе невиданные стихийные силы. Таджикский автор обращает внимание читателя на то, что Александр Блок заканчивает поэму образом Христа, идущего впереди с красным флагом. Для автора этот образ – знак признания справедливости революционного преобразования.

Таджикских переводчиков привлекало большое художественное мастерство поэта, умение соединить в поэме самые разные темы и различные

стилевые элементы. Переводная литература XX века в Таджикистане представлена большим количеством переводов, которые воспринимаются в одном ряду с произведениями оригинального творчества. Как известно, по мере того, как национальная литература достигает зрелости, художественный перевод воспринимается как творчество ведущих писателей других народов. Следует отметить, что с ростом количества художественных переводов наблюдается некоторое снижение их качественного уровня, что связано с распространением коммерческого отношения к переводу.

1.3. Восточные мотивы в творчестве Александра Блока

Восточная поэзия производила на русских поэтов впечатление двоякое, но одинаково восторженное: некоторые были поклонниками восточной любовной лирики Фирдоуси, Саади, Хайяма, Руми, потрясающей страстью; другие же предпочитали политические газели Хафиза, призывающие к свободе. Тема связи персидской и русской литератур XIX в. достаточно изучена в научных работах И.С. Брагинского, Н. Конрада, В. Эбермана, Ю. Марра, Е.Э. Бертельса, А.Н.Больдерева, И.С.Брагинского и т.д., в которых рассматривается «восточный колорит» в произведениях русских писателей и поэтов. Но вопрос о причинах возникновения такого сильного интереса к восточной литературе в России именно в начале XIX в. и о детальном изучении этих источников, глубоко не был изучен. Персидская литература привлекала русских поэтов своей лаконичностью, глубиной философской мысли, яркостью образов и музыкальностью поэтического слога. Уже в начале XIX в. в России русские писатели и литературоведы стали открывать Восток для себя по-новому, где немаловажную роль сыграла книга профессора И.К. Кайданова (1782–1843) «Руководство к познанию всеобщей политической истории» (1821), где описывается географическое положение и внутреннее состояние древней Персии во время царствования Кира Великого, Д.П. Ознобишина (1804–1877) – первого составителя персидско-

русского словаря, который пользовался широкой известностью. Он же первый перевел с подлинника поэзию иранских классиков – Хафиза, Саади, Фирдоуси. Его труды активно печатались в известных журналах и альманахах: «Московский вестник», «Вестник Европы», «Соревнователь», «Сын отечества», «Русский зритель», «Галатея», «Северные цветы», «Северная лира», «Альбом северных муз». Русских поэтов в персидской поэзии привлекали мотивы свободы, где основным содержанием было выражение непримиримого конфликта между действительностью и интересами личности, заявление неограниченного права личности на свободную самодеятельность и в то же время сознание трагической невозможности осуществления этой свободы, как, например, в творчестве великого философа и поэта Персии Шамсиддина Мухаммеда (1325–1390), известного под псевдонимом Хафиз. Только истина, по мнению поэта, дает человеку полноценную свободу. Так, Хафиз критикует стремление к покорности и примирению с действительностью, призывает к свободе: Проповедники блестят благочестьем в божьем храме, // А тайком совсем другими занимаются делами. // У мудрейшего спросил я: «От чего святоши эти, // Призывают к покаянию, каутся так редко сами? // Неужели словоблуды, угрожая страшной карой, // Сами в судный день не верят и лукавят с небесами? (пер. Г. Плисецкого) (Восточная лирика, 1969. -III- 363). Поэтов интересовала не только светская восточная поэзия, но также древняя мифология и религия мусульман. Цикл «Подражания Корану» свидетельствует о хорошем знакомстве Пушкина с мусульманской культурой: ...О жены чистые пророка, // От всех вы жен отличены: // Страшна для вас и тень порока. // Под сладкой сенью тишины // Живите скромно: вам пристало // Безбрачной девы покрывало... (Пушкин). Огромную роль сыграли сведения о персидской литературе журнала «Вестник Европы», в котором регулярно печатались материалы не только о литературе, но и о религии, этике, эстетике и культуре Востока. В январе

1811 г. «Вестник» опубликовал статью под названием «Мысли о заведении в России Академии Азиатской», о зороастриской философии. Позже в этом журнале были напечатаны отрывки из таких произведений, как «Гулистан» Саади (см. Вестник Европы 1815, № 9, 28–38), сатира Фирдоуси на Махмуда и отрывки из поэмы «Шахнаме» (см. Вестник Европы 1815, № 10, 2–9), три газели Хафиза и множество переводов французский статей А. Журдена (1788–1818) о Персии. В «Вестнике Европы» за 1825–1826 гг. печатались переводы известного поэта Нуриддина Абдурахмана Джами (1414–1492) (см. Вестник Европы 1826, № 21, 61–67). Вершиной его творчества является «Книга мудрости Искандера». На русскую литературу сильно повлиял сборник «Тысяча и одна ночь», отразивший мифологические представления народов Востока, вышедший в Париже в 1704 г. в переводе А. Галлана (см. *Les Mille et une Nuits* 1704–1717). Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) под влиянием А.С. Пушкина и после пребывания на Кавказе, вдохновленный философией и колоритом восточной природы, пишет множество стихотворений, посвященных Востоку. В 1820–1830-х гг. культурная элита Петербурга – А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.А. Крылов часто собиралась у Василия Андреевича Жуковского (1783–1852) – талантливого поэта и переводчика. Рождение замысла комедии «Горе от ума» не случайно связано с Востоком. Персидские темы и мотивы в русской литературе стали отправной точкой в развитии межкультурных связей и отношений, становлении их на качественно новый уровень, образующий основу для взаимосвязи и взаимообогащения культур внутри художественного пространства. «Персидские мотивы» являются своего рода феноменом в истории русской поэзии и важным этапом в развитии русско-персидских литературных связей.

В русской литературе XX века имя Хафиза стало как установившееся явление символом корифея подлинного художественного слова. Многие русские поэты в своем творчестве берут за основу образ персидско-

таджикского поэта, который воспевал красоту и вдохновение.

Проявляли творческую близость и культурную связь с Востоком русские поэты и художники, которые объединились в 1906 году в Петербурге в обществе «Северный Хафиз». Любителями Востока считали себя, А.Блок, К.Сомов, Л.Бакст, В.Иванов, М.Кузмин и другие поэты «Серебрянного века». Они создавали произведения в стиле Востока и издавали сборники. Концепция о загадочной восточной душе в поэзии нашла отражение в стихотворениях «Клеопатра», драме «Рамзес» Александра Блока. Известные и популярные среди русскоязычных читалей стихотворения А.Блока «Сфинкс», «Золотая Луна» и другие созданы в стиле этого яркого представителя персидско - таджикской классической литературы специально для сборника «Северный Хафиз». Именно газели Хафиза вдохновили А.А.Блока и стали предметом подражания при составлении сборника «Клеопатра».

«Творчество Александра Блока и Восток» относится, пожалуй, к числу наименее изученных вопросов в современном блоковедении. В огромном корпусе исследовательских работ, посвященных блоковскому наследию, сравнительно небольшое число работ затрагивает отдельные аспекты этой многогранной и достаточно важной для Александра Блока темы. Это, прежде всего, диссертация Р. Ф. Бекметова «Категория пути в художественном сознании Блока и проблема восточной литературной традиции», где исследуется влияние арабо-персидского литературного канона «маани» на поэтическое описание возлюбленной лирического героя ранней поэзии Александра Блока. А между тем, можно говорить именно о теме «Творчество Александра Блока и Восток», слагаемыми которой становятся не только стихотворения русского поэта, отмеченные влиянием персидской поэзии или включающие исламские мотивы и образы (например, образ Азраила в стихотворении «Милый друг, и в этом тихом доме...», 1913).

Надо отметить, что в таджикской печати в 1980 году в честь 100-летия

А.А.Блока вышла статья таджикских критиков Худои Шарифа и Зафара Рахмонова под названием «Шарқ аз дидгохи А.Блок» (Восток глазами А.Блока) в газете «Маориф ва маданият» 25 ноября, где авторы рассматривают влияние Востока на творчество Александра Блока. Думается, эту тему можно расширить, учитывая, в том числе, и приоритетные не только для Блока, но и для его современников интенции. Как известно, одна из характерных особенностей культуры «Серебряного века» – проявляемый ее представителями интерес к древнейшим культурам. И это не только традиционный для русских писателей интерес к средневековой культуре, к поэтическому миру Востока.

Особенную актуальность и притягательность обретает для русских поэтов и художников рубежа XIX – XX вв. духовное наследие тех стран, которые в Средние века вошли в Арабский халифат. Они испытали воздействие мусульманской культуры, но, в свою очередь, сами обогатили эту культуру собственными духовными традициями. И именно мусульманская культура – в разных ее аспектах оказывается значимой и для Александра Блока, о чем свидетельствуют и письма, и статьи, и лирические, и драматические произведения русского поэта. Своеобразие блоковского истолкования египетских мотивов и образов и станет важным слагаемым в осмыслиении темы «Творчество Александра Блока и Восток». Другим слагаемым темы является блоковское «присутствие» в литературах других стран: творчество поэта, в свою очередь, также вызывает интерес арабских писателей и переводчиков, создавших свои поэтические версии блоковских произведений, своего рода «арабского» Блока. В арабском мире изучением творчества Блока занимаются: из Ирака: Али Н.Ф., Шерара Х.; из Ливана: Эль Умари Ш., Д. Хафуд С., Истанбули И.; из Сирии: Абу Эльшаар А., Хури Б.; из Египта: Тевфи С., Адхам Б., Лутфи Х.; из Судана: Салих Х. Эти литераторы в разное время получили высшее образование в вузах России и увлеклись русской литературой и конкретно творчеством Александра Блока.

Им принадлежат статьи, в основном, биографического характера или переводы отдельных блоковских произведений. Осмысление каждого из аспектов темы невозможно вне контекста – с одной стороны, вне арабской русистики XX столетия, сложившихся в странах арабского Востока традициях восприятия «чужой» культуры, с другой – вне тенденций русской культуры «Серебряного века», с характерным для нее эклектизмом, пристальным вниманием представителей этой эпохи к древним мировым культурам. Именно в русле художественных исканий, которые определили своеобразие искусства «Серебряного века», становятся очевиднее и причины актуализации египетских мотивов и образов в творчестве Блока, и их особенные аспекты. Обратимся, прежде всего, к тем исследовательским работам, которые посвящены проблеме диалога двух великих культур – русской и восточной и в том числе специфике восприятия русских писателей персидскими переводчиками, критиками и читателями.

Эта проблема, безусловно, уже привлекала внимание как русских, так и персидских исследователей. В русском литературоведении XX века идет достаточно интенсивное изучение русско-персидских литературных связей в различных их аспектах. Один из векторов представлен работами, посвященными рецепции произведений русских писателей в странах Востока.

Первые исследования специфики восприятия русских писателей персидскими читателями и переводчиками были опубликованы уже в 1930-е гг. Это работы академика И. Крачковского. Позднее появляются исследования А. Долининой, посвященные рецепции русских писателей в странах Востока. В частности, в работах А. Долининой предметом анализа становится такой важнейший аспект рецепции, как перевод произведений русских писателей на персидский язык.

Исследователь отмечает специфические особенности таджикских переводов (стремление к «украшению стиля» в целях приближения к

привычному для персидских читателей классическому литературному стилю, исключение непонятных мест, переписывание эпизодов, которые не соответствуют национальным представлениям, акцентирование политической проблематики, «выпрямление» позиции писателей, как правило, представляемых сторонниками национально-освободительного движения и т.д.), а также обращается к причинам такого вмешательства в текст, отказа от адекватности воспроизведения подлинника и передачи национального своеобразия оригинала.

По утверждению А. Елизаренкова, одной из причин становится «общий уровень» персидской литературы, только пытающейся в начале XX века «освобождаться от средневековых традиций» [46, с.427]. Трагическая история персидских народов, в том числе в ХХ веке, обостряла внимание именно к политической составляющей художественного мира прозаиков и поэтов, заставляя даже вопреки фактам, представлять, например, Пушкина «поборником социализма». А.Долининой отмечены и другие особенности переводов русских поэтов: активное вмешательство переводчиков в текст, исключение неясных переводчику образов и т.д.

Отметим и еще одно важное суждение автора статьи, во многом объясняющее и специфику восприятия творчества Александра Блока в странах Востока, хотя А. Долинина и не касается проблемы переводов блоковской поэзии на персидский язык. Как правило, перевод предварялся рассказом о русском поэте, при этом давались достаточно общие сведения, чаще всего, подчеркивающие активную гражданскую позицию поэта.

Проблема восприятия именно поэзии Александра Блока и в дальнейшем не привлекает внимания исследователей, как русских, так и персидских, хотя само изучение русско-таджикских литературных связей в последние десятилетия становится весьма интенсивным, глубоким и многоаспектным. С сожалением отметим и отсутствие страниц, посвященных Александру Блоку, в монографии Али-заде Эльмиры Абдул-Керим «Русская

литература и мир Востока (к истории литературных связей), изданной 2014 году в Москве. Но, в целом, благодаря и таким всесторонним исследованиям русско-персидских литературных связей, как и исследования, посвященные особенностям рецепции отдельных русских писателей в странах Востока, складывается общая многогранная, многоаспектная картина взаимодействия двух великих культур, позволяющая и ярче оттенить специфику каждой культуры, и понять общие процессы, определяющие жизнь мировой культуры.

Среди наиболее заметных работ, способствующих реализации сложнейшей задачи – изучение многоаспектных литературных связей, связывающих Россию и мир Востока, отметим, прежде всего, работы персидских русистов. Это диссертационные исследования Абдель-Рахима Ахмеда (Абу-Закра) «А. П. Чехов в странах Востока (проблемы художественного перевода)» (М., 1987), Аль-Масуда Мохаммеда Кадима Хассуна «Рецепция произведений М. Горького о русской революции в литературах стран Востока» (Воронеж, 2014), Аббасхилми Абдулазиса Яссин Аббасхилми «Творчество А. П. Чехова в Иране: восприятие и оценка» (Ростов на Дону, 2015), Саадан Ибтисам Ахмед Хамзах «Л. Н. Толстой в рецепции персидских писателей конца XIX-XX вв.» (Саратов, 2015) и др. Эти работы, в целом, позволяют сформировать представления о «горизонтах ожидания», которые характерны именно для культуры Востока и ее восприятия русской культуры, то есть о «сумме предубеждений, словесного и другого поведения, которая встречает произведение при его появлении». Таджикскому читателю, как показали исследователи, оказываются близки, в первую очередь, русские прозаики-реалисты.

Таджикские писатели, переводчики и читатели чутко реагируют на поставленные в их произведениях социально-нравственные проблемы, которые являются актуальными и для персидских читателей - на нравственное воспитание, религиозные искания русских писателей, на

утверждаемые в их произведениях идеалы добра и социальной справедливости, на пафос сострадания к униженным и оскорбленным. И в то же время, в исследованиях специфики рецепции русской литературы в странах Востока справедливо обращено внимание на влияние социологического подхода и нередкое стремление «досотворить» русского писателя, акцентировать, в частности, «революционность» его позиции или даже включить нехарактерные для писателя мотивы, например, антизападный протест и т. д. Наблюдения над особенностями восприятия отдельных писателей в странах Востока, сделанные исследователями, как представляется, отражают и некоторые общие закономерности: в частности, они позволяют понять причины определенной непопулярности Блока-символиста и приоритетного внимания к его революционной поэме в странах Востока и объясняют стратегию переводчиков лирических стихотворений поэта. Что же касается другого важного слагаемого избранной нами темы – русской культуры «Серебряного века», то следует признать, что этот период оказывается в центре внимания многих литературоведов, как русских, так и зарубежных, причем особенно активным этот исследовательский интерес становится в последние десятилетия.

Предметом анализа в работах литературоведов были и причины особенной актуальности для писателей «Серебряного века» образов и мотивов иных культур, в частности, древнеегипетской культуры.

Проблемы изучения Востока писателями «Серебряного века» рассматривались в работах западных исследователей (Е. Шмидта, А. Ханзен-Леве, О. Матич и др.), указавших как на влияние великой герметической традиции, так и на специфику работы. Их неомифологизм имел не «музейный» характер, и увлекало их не собирание мифов и не наивное их воспроизведение.

Специфика неомифологизма символистов, в том числе, сказывающаяся и в их отношении к египетским мифам, заключается в стремлении выявить

латентные архаико-примитивные, ритуально-мифические, бессознательные (подсознательные) структуры и движущие силы именно этого современного, цивилизованного мира.

Среди российских исследователей одной из первых к проблеме причин особенной актуальности древнеегипетской культуры обращается в своей диссертации Е. Сергеева. По мнению исследователя, интерес к мусульманским мотивам русских писателей объясняется целым рядом причин, как объективных, так и субъективных – у каждого писателя и поэта. Среди объективных причин – увлечение мистическими и оккультными учениями, что исследователь рассматривает как следствие духовного и политического кризиса, отсюда же и ведет свое начало особая востребованность древних культур, включая египетскую культуру.

В начале XXI века к интерпретации египетских образов и мотивов в русской литературе обращается Панова, научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка. Эта монография, к созданию которой автор шла в течение 6 лет, вобрала в себя основные вехи истории исследования русско-восточных культурных связей.

Можно с уверенностью сказать, что именно А. Н. Панова является автором нового литературоведческого понятия «восточный текст русской литературы», созданного по аналогии с уже существующими и привычными определениями: «петербургский текст», «московский текст» и т.д. Обосновывая необходимость понятия, Панова А.Н. писала: «Как известно, классическая русская литература создала свой Петербург, свой Крым, свою Италию. Искусство слова наполнило эти географические понятия столь художественно и человечески убедительным, а по сути мифогенным, содержанием, что они легко заслоняют собой реальный Петербург, Крым и Италию. Мало кто знает, однако, что был у русской литературы и свой Восток. В переводе на цифры и даты это означает более 260 текстов,

написанных семью десятками поэтов, прозаиков, драматургов, эссеистов и путешественников с конца XVIII века по 20-е годы XX века. Внушительные числовые показатели наводят на мысль о самобытном образе Востока» [111, с.87].

Однако сравнивая петербургский, крымский и итальянский тексты русской литературы с восточным, Панова А.Н. приходит к выводу о том, что художественная ценность русского Египта вторична, так как «о Востоке писали по большей части не мастера слова, а, так сказать, подмастерья» [111, с.96]. Исключения, по мнению автора, составляют лишь два поистине шедевра – «Клеопатра» А. С. Пушкина и «Александрийские песни» М. А. Кузмина. Говоря о блоковской пьесе «Рамзес», автор монографии считает, что с «Рамзеса» (1921) начинается очередное понижение художественных стандартов.

Эта драма была написана в послереволюционном 1919-м году, в голодном Петрограде, по предложению М. Горького, и согласие Блока было вызвано материальными проблемами. «Вообще говоря, ее было бы разумно отнести не к самостоятельным произведениям Блока, – полагает А. Панова, – а к инсценировкам, поскольку она почти дословно повторяет книгу для юношества. Взятое оттуда жизнеописание градоначальника Фив Псару под действием законов драмы было переделано Блоком в один день Псару. В течение этого дня Псару исполняет обязанности градоначальника, усмиряет бунт, на аудиенции Рамзеса II получает награды, заболевает и умирает; для него подыскивают недорогого бальзамировщика. Такая череда событий давала представление и о египетском обществе в социальном разрезе, и о жизни во всей ее безысходности. Не давала она только драматического напряжения и столь характерного для Блока символистского плана, пропступающего через реальность»[111, с.90].

В соответствующем параграфе данной работы будет представлен достаточно подробный анализ идеально-художественного своеобразия этого

произведения. Исследование художественных особенностей пьесы Блока даст возможность вступить с Пановой пусть и в заочный, но полемический диалог, так как выводы, к которым мы придем в finale, позволят расширить ограниченный двумя наименованиями список выдающихся произведений русской литературы на восточную тему. В монографии Л. Пановой поставлена и проблема особенной актуальности египетской темы в русской литературе «Серебряного века». Одна из причин – мода на паломничество на Восток, которая началась в 1880-е годы, когда страна оказалась фактически колониальным придатком Британской империи. Русские писатели отправлялись на Восток с разными целями: В. С. Соловьев искал там встречи с Вечной Женственностью, К.Бальмонт был впечатлен археологическим потенциалом этой страны. Утилитарно смотрели на посещение Востока Вересаев и Леся Украинка – они там лечились. Романтический фон для любовных текстов русской литературы, приключений нашли на Востоке М. А. Кузмин, И. Бунин, Гумелев С.

Однако восточный мир открылся И. Бунину, А. Белому, Н. Гумилеву как мир таинственный и хранящий высшие тайны мироздания. Большую часть книги Панова посвящает, на ее взгляд, венцу русского египетского текста – «Александрийским песням» М. Кузмина.

Исследователь ставит это произведение и его автора в один ряд с Готье, Франсом и Кавафисом. Именно «Александрийские песни» Кузмина являются примером преодоления символистской традиции Европы в истолковании темы Египта. По мнению Пановой, все остальные русские певцы Египта, среди которых Брюсов, Гумилев, Бальмонт, Бунин, лишь скрещивали и слегка модифицировали имеющиеся традиции: с одной стороны, западных парнасцев, с другой – своих предшественников – писателей-соотечественников XIX века.

Не раз Панова обращается к теме Египта в творчестве Блока. Ключевым кодом в интерпретации блоковского Египта, с точки зрения

автора исследования, является египтизация лирического «я». В этом Блок следовал в русле традиции «Серебряного века», вслед за Брюсовым. В качестве примера Панова приводит стихотворение «Клеопатра»: «Брюсов развернуто, а Блок бегло говорят о предыдущем воплощении души современного человека в египтянине, при этом оставаясь в рамках литературной условности или, на худой конец, мистификации»[111, с.24].

Восток проявлялся и в жизнетворчестве любовных отношений поэтов «Серебряного века». Здесь Панова рассуждает о причинах обращения Александра Блока к образу Клеопатры, справедливо предполагая, что одной из таких причин становится знакомство Блока с актрисой Натальей Николаевной Волоховой, вызывавшей ассоциацию именно с Клеопатрой.

В другой работе А.Н Пановой «Софийный дискурс Александра Блока (на примере «Снежной Девы»)» предметом исследования становятся женские образы, которые рассматриваются автором как воплощение «Софии, первоначала мира, которая, по христианским представлениям, является четвертой, женской, ипостасью Божественной Троицы, а по гностическим и оккультным – разлитой в природе Душой мира, которая, вдобавок, воплощается в самых красивых земных женщин» [111, с.24].

Монографии и статьи А.Н. Пановой, посвященные «русскому Египту», в свою очередь, дали импульс появлению и других исследований, посвященных египетским мотивам и образам в русской культуре «Серебряного века». Среди работ, представляющих интерес для нашего исследования, отметим работу В. А. Дубровиной «Египетские мотивы в архитектуре Западной Европы и России XVIII – начала XIX веков». В этой работе автор обращается к проблеме особенной актуальности египетской культуры в искусстве конца XIX – начала XX вв., указывая, в том числе и на формирование в этот период научного представления о Древнем Египте, на складывающуюся школу египтологии (В. С. Голенищев, Б. А. Тураев и др.). По мнению автора, культура и искусство Древнего Египта «стали важной

частью мировоззренческих исканий эпохи, что проявилось в философии Вл. Соловьева и Василия Розанова» [44, с.48]. Среди возможных причин, породивших интерес к древней цивилизации и культуре, автор называет кризис христианского мировоззрения.

Таким образом, проблема восприятия восточных мотивов и образов ставится не только в работах, посвященных культуре «Серебряного века» в целом, но и в исследованиях творчества его отдельных знаковых представителей

В ряде произведений Александра Блока из его последнего сборника встречаются отголоски персидско-таджикской поэзии, которые наблюдаются как в плане формы, так и содержания.

Глава II. Особенности перевода творчества А.Блока на таджикский язык

2.1. Проблемы перевода его ранних стихотворений на таджикский язык

Для самого Блока в ранний период его творчества вопрос о назначении поэзии ставился и решался в рамках именно религиозной сферы. Он предпочитал говорить о «мистической философии моего духа», для создания которого необходимо было собирать мифологический материал. Миф для Блока был не столько целью его духовной деятельности, сколько, как он сам указал, материалом. Раннее творчество Блока - не только период ученичества, поисков своего голоса, но и создания неповторимо поэтической системы, время формирования сложной многоуровневой системы взаимосоотнесенных религиозно-философских идей.

В Таджикистане любовь к поэзии Александра Блока объяснялась и огромным интересом русского поэта к жизни и культуре народов Востока, который нашел отражение в его творчестве. Но ощутим был недостаток в конкретных анализах его ранней лирики. Если поздняя зачастую становилась и продолжает оставаться объектом целостного или мотивного анализа, то ранняя лирика по природе своего религиозно-мистического герметизма до сих пор во многом не прочитана. Практически все писавшие о раннем творчестве Блока отмечали мистичность его стихов. Особенный интерес у таджикского читателя вызвало его творчество, связанное с восточными мотивами. Именно с Востоком связаны наиболее значительные произведения Александра Блока. Первое «арабское» произведение — поэма «Клеопатра» — уже свидетельствовало о ярком впечатлении, какое произвел на него Восток. В дальнейшем появляются «Незнакомка», «Скифы», «Двенадцать», «Стихи о прекрасной Даме».

Удивительная точность этнографических фактов, яркость и живость

бытовых картин, колоритность пейзажа, а главное, поразительно верное воспроизведение национальных характеров — все это свидетельствует о большой любви А.Блока к этому краю. Александр Блок в письме к С. Раевскому, приводит цитату, взятую у Пушкина: «Великие имена возникают на Востоке» [2,с.24]. Перефразируя высказывание А.С.Пушкина, можно сказать, что на Востоке появляются не только великие имена, но и совершаются значительные события. Именно здесь поэт находит те условия и характеры, которые помогают ему раскрыть замысел и идею произведения. Персия, Кавказ неизменно волновали творческое воображение поэта. С большой симпатией Блок воспел горцев, их борьбу за освобождение. Уважение к другим народам вообще присуще русской литературе с ее гуманизмом и интернационализмом.

История таджикского художественного перевода и в связи с ней проблемы взаимосвязи, взаимодействия и взаимообогащения родственных или разнонациональных литератур, в нашем случае - многовековые контакты между таджикской и русской литературой - до настоящего времени малоисследованная проблема в таджикском литературоведении.

Таджикское литературоведение располагает большим количеством трудов, в которых данная проблема рассматривалась на примере творчества отдельного писателя и перевода его произведений в разрезе историко-сопоставительного анализа одной работы. Хотя и здесь пробелов еще немало, не достигнут все еще уровень изучения вопроса в комплексе, например, по этапам возникновения, становления, совершенствования и обновления контактов в контексте общественно-политического развития, происходящих перемен и преобразований в обществе и самой природе литературных взаимоотношений. Наука все еще остается во власти синхронного изучения истории художественно-эстетических связей, занята локальными проблемами.

Историко-типологическое сопоставление культур охватывает

бесчисленные проблемы, начиная от общности мифов и кончая различными новейшими жанрами письменной литературы. Раскрытие, например, роли художественного перевода и его влияния на формирование новых жанров и форм в той или иной литературе, выработка новых стилей в ходе сложнейших переплетений проблем - дело нелегкое. Несмотря на то, что уяснена общая методология историко-типологического сопоставления культур, однако точное определение в этом пространстве места перевода, вообще, и роли художественного перевода, в частности, требует скрупулезного анализа огромного фактологического материала. При этом не важно, группа ли писателей или цикл произведений, отдельно взятый художник слова или одно полотно будут привлечены к анализу. Основными направлениями в них можно назвать историко - литературный, сравнительно-теоретический, методологический и др.

Проблема литературного взаимодействия через призму творчества отдельных писателей стала одной из ведущих в исследованиях литературоведов. Особое внимание уделяется проблемам освоения творчества русских писателей и их влияния на национальные литературы.

С победой Октябрьской революции в Таджикистане сложились новые отношения братства и уважения к другим народам, к их культуре. Действительность послереволюционных лет, которую воспевала таджикская литература, потребовала новых, более глубоких и совершенных форм.

Со второй половины 20-х годов XX века таджикская литература вступает в полосу своего бурного развития. Происходит становление новых жанров, создаются значительные художественные произведения. Таджикская современная литература, продолжая традиции таджикской классической литературы, имеющей громадный опыт в создании поэтических произведений, своими корнями уходит в устное народное творчество таджикского народа, ставшее для нее животворным источником. Но для отражения новой послереволюционной действительности имеющихся

традиционных жанров и образных средств было уже недостаточно. Обращение таджикских поэтов к русской поэзии обусловлено поиском новых решений, новой мысли, новой логики. В этом обращении наблюдается стремление полнее и ярче отразить героическую современность, обогатить духовную жизнь своего народа, расширить его культурные горизонты, так как русская литература, как классическая, так и советская, несет в себе не только новые идеи и стремления, но и новые средства художественного отображения действительности. Этим обусловлено обращение таджикских переводчиков к поэзии Александра Александровича Блока, которая как нельзя лучше отвечала настроениям таджикского народа, сбросившего цепи векового феодального гнета. В 30-е годы XX века романтические и реалистические произведения Александра Блока приобретают популярность среди читателя, что оказало значительное влияние на таджикскую литературу. Было ли это случайным? На наш взгляд, это закономерное явление, основанное на глубоком психологизме и народности творчества Блока, иначе говоря, реалистическая глубина творчества русского были близки и понятны таджикским поэтам. Но поначалу их привлекали романтический настрой и романтические образы Александра Блока. Романтический метод описания, революционная настроенность Александра Блока открыли перед таджикским читателем мир, где пышная экзотическая природа пленит воображение почти одушевленной красотой. Романтизм, пронизанный протестом и революционным пафосом, философское содержание его поэзии привлек особенное внимание таджикских переводчиков. Так, двенадцать революционеров, ищущих свободной жизни,— символический образ поэзии Александра Блока, как олицетворение молодой России и русского народа был настолько значителен и прекрасен, что поэма «Двенадцать» в числе других произведений поэта: «Возмездие», «Стихи о Прекрасной Даме», была переведена на таджикский язык. Влияние творчества Александра Блока на таджикскую литературу

неоспоримо. Однако характер этого влияния пока еще не изучен. Между тем, исследование этой проблемы представляет значительный литературоведческий интерес, ибо «глубоко современная в обстановке все расширяющихся культурных связей между народами мира, в новых условиях острой идеологической борьбы — проблема изучения взаимосвязей и взаимодействия литератур определилась как одно из важнейших направлений современной филологической науки» [18,с.38]. В своей работе мы поставили себе цель восполнить в какой-то мере этот пробел, рассмотрев проблему перевода творчества Александра Блока на таджикский язык. Существует немало путей, по которым осуществляется литературное влияние, но наиболее распространенный путь - это художественный перевод. Об этом говорят и сами поэты-переводчики. Так, Кутби Киром пишет:«С наибольшей страстью и любовью я переводил стихотворения Александра Блока. Работа эта духовно обогатила меня и стала серьезной школой мастерства» [229,с.23].

Хабиб Юсуфи - один из лучших таджикских переводчиков Александра Блока писал, что многому научился у великого русского поэта именно в процессе перевода его произведений. Он писал: «Благодаря чтению и изучению Александра Блока, особенно переводу его на таджикский язык, наши поэты постигли секреты мастерства Александра Блока и С.Есенина» [246,с.88]. В своей работе мы выявили процесс воздействия идей Александра Блока, настроений русского поэта на произведения таджикских писателей через художественный перевод. Так, не случаен был выбор Кутби Кирома, переводившего романтические поэмы Александра Блока. Это было связано с романтической приподнятостью присущей творчеству самого Кутби Кирома. Понятен выбор и Кутби Кирома — поэта лирического направления, избравшего для перевода гражданскую лирику Александра Блока. Таджикскому поэту близка ее философичность, социальная направленность. Влияние творчества А. Блока на творчество таджикского

поэта имеет двоякий характер. Исследование переводов произведений Александра Блока может иметь и самостоятельное значение. Художественный перевод, как известно, является одной из форм освоения иноязычной культуры, имеющей свои особенности и закономерности, их изучение представляет большой научный интерес. Изучение истории перевода произведений Александра Блока на таджикский язык показывает, что Октябрьская революция явила своеобразной гранью для проникновения произведений русской культуры в культурную жизнь таджикского народа.

Было ли творчество Александра Блока известно таджикскому читателю до революции?

Подлинная встреча таджикского народа с Александром Блоком стала возможной лишь после Октябрьской революции. Важное значение в этом деле имели переводы его произведений на таджикский язык. Воссоздать произведения Александра Блока на таджикском языке, донести до таджикского читателя всю красоту его стиха можно было, лишь осуществив грандиозный скачок в культурно-эстетическом развитии народа. Это потребовало от таджикских переводчиков высокой подготовленности и напряженного труда, где творчество Александра Блока стало необходимым звеном, как в эстетическом развитии народа, так и в развитии национальных литератур. Об этом свидетельствует тот факт, что в послереволюционные годы поэзия Александра Блока получает большое распространение в республиках Средней Азии. В 1924 г. К.Каримов переводит на казахский язык ряд стихотворений Александра Блока.

В таджикской литературе первый перевод Александра Блока был опубликован в 1930 г., и с этого времени его поэзия прочно входит в жизнь таджикского народа. В двенадцатом номере журнала «Шарки Сурх» за 1930 г. был напечатан перевод стихотворения Александра Блока «Родина». Ни автор, ни переводчик не были указаны. Но любопытен сам по себе факт

перевода именно этого незрелого юношеского стихотворения, известного лишь узкому кругу специалистов и любителей поэзии. Это дает основание предполагать, что переводчиком названного стихотворения был поэт широко образованный, прекрасно владеющий русским языком и стихотворной техникой. Сейчас этот перевод, можно сказать, забыт, а между тем он представляет определенную художественную ценность и введение его в литературный обиход обогатило бы таджикскую литературу. Появление в 1930 г. этого перевода является подтверждением того, насколько велик был интерес к творчеству Александра Блока в таджикских литературных кругах.

Следующий перевод появился в 1936 году. Таджикский поэт В.Махмуд перевел отрывок из поэмы «Незнакомка» и выпустил его отдельной книжкой. Этот же перевод был переиздан в 1941 и 1951, 1958 гг.

В 1940 г. в третьем номере журнала «Садои Шарқ» был напечатан перевод стихотворения «Клеопатра» Кутби Киромом. В том же году журнал «Садои Шарқ» и газета «Точикистони Сурх» опубликовали поэму «Скифы» в переводе Хабиба Юсуфи. Этот перевод стал значительным вкладом в таджикскую литературу.

Переводы поэмы «Двенадцать» в 1940 году и сборник «Избранных стихов» в 1941 году сделаны таджикским поэтом Хабибом Юсуфи, которому было созвучно творчество Александра Блока. В этот сборник включены лирические стихи, а также две поэмы – «Незнакомка» и «Стихи о Прекрасной Даме». В 1949 году издан «Сборник стихов Хабиба Юсуфи», куда вошли и переводы из Александра Блока, в том числе «Снежная дева», «Скифы», «Желание», поэмы «Незнакомка», «Стихи о Прекрасной Даме» и отрывки из поэмы «Двенадцать».

В 1951 г. появляются еще два перевода творчества Александра Блока: «Тучки» в переводе Расула Ходизода и «Любовь» в переводе М.Фархат. Число переводов произведений Александра Блока растет с каждым годом, и они публикуются на страницах журналов «Шарқи Сурх», «Толькиистон» и

«Илм ва ъяёт».

Необходимо отметить, что первыми переводчиками Александра Блока были такие талантливые поэты, как Хабиб Юсуфи, Аминчон Шукухи, А.Дехоти, Боки Рахимзода и др. В последующие годы над произведениями Александра Блока стали работать Р.Абдулло, А.Бахори, М. Фархат, Г.Сафиева и многие другие молодые поэты Таджикистана.

К настоящему времени вышло 11 отдельных изданий Александра Блока на таджикском языке. Над переводом произведений Александра Блока трудились более 10 поэтов Таджикистана. Самое крупное издание — двухтомник, выпущенный в 1955 г, включает большую часть произведений великого русского поэта. Романтизм Александра Блока нашел отклик у таджикского читателя. В годы строительства новой жизни ему была особенно близка и понятна мятежная поэзия русского поэта. Дух свободы, патриотизм, ненависть к деспотизму и тирании, к попиранию человеческого достоинства — основные мотивы творчества Александра Блока, его романтический порыв к борьбе и действию созвучны благородным стремлениям и патриотическим настроениям таджикского народа. Эти гуманистические идеи поэзии Александра Блока нашли отклик в сердцах таджикских поэтов. Эти черты его поэзии привлекают внимание переводчиков и в свою очередь исследователей этих переводов, которым важно установить богатство реальных особенностей конкретных переводческих решений творчества Блока. Цельные, яркие романтические образы скифов и революционеров, в которых поэт воплотил вечную борьбу человеческого духа, неустанное стремление к совершенству, бунтарству. Невозможно и отказаться от попытки увидеть за творческим многообразием и уникальностью отдельных решений те общие подходы, которые имеют отношение к технологии поэтического перевода поэзии Блока, заключающей в себе героическое начало, воспетое в мрачных условиях николаевской эпохи, поставило имя Александра Блока в один ряд с выдающимися

мастерами современной русской поэзии.

Художественный перевод, по справедливому наблюдению исследователей, является основным способом вхождения автора и его произведения в иную культуру, «важнейшим аспектом рецепции и межкультурной коммуникации» [164. С.56.], в котором, используемый подход может быть стратегическим, гармоничным, противоречивым, иллюзорным или реалистическим, компромиссным или принципиальным. Стратегии поэтического перевода таджикскими поэтами были обусловлены поиском интенсивного способа перевыражения вербально-художественной информации подлинника, в которых находят своё отражение не только различные культурные и литературные влияния, но и тенденция к самовыражению, имитация и свободная импровизация. Главная творческая мука при переводе русской поэзии заключалась в том, чтобы почувствовать внутреннюю грань между той простотой, которая хранит первозданную ясность и той системой мастерства, с помощью которой эта простота достигается. Очевидно, что перевод поэзии – дело нелегкое, где важно переводить не произведение, а поэта, где сопоставление является основой перевода. Переход из одной культуры в другую не может не оставить «следов» в тексте: любой переводчик – это прежде всего интерпретатор. Следует согласиться с Ю. Л. Оболенской, утверждающей, что интерпретация – это «ключевое понятие процесса перевода», что перевод – это «истолковывающее понимание, включающее в себя оценку оригинала» [107. с.88.]. Однако на интерпретацию текста не может не наложить свой отпечаток та культура, представителем которой является переводчик. По справедливому утверждению исследователей, переводимое произведение преломляется сквозь две «призмы»: национальную картину мира воспринимающей культуры и индивидуальную картину мира переводчика.

Но «показатель точности» и «показатель вольности», по терминологии М.Л.Гаспарова [27. с.122.], зависит и от исторической эпохи, в которую

осуществляется перевод, от сверхзадачи переводчика, от его эстетических принципов и пристрастий, от многих других объективных факторов, к числу которых можно отнести и поэтический язык переводимого автора. В частности, поэтический язык символистов, слово которых отличается слиянием разных смыслов и сверхсмыслов, еще более усложняет задачи, стоящие перед переводчиком. Все эти проблемы перевода отчетливо обнаруживаются в переводах блоковских произведений на таджикский язык.

В 1958 году Раҳим Хошим, таджикский писатель и переводчик, перевел с русского языка «Артистку». В 1952 году таджикским поэтом Кутби Киром переведены с языка оригинала стихи А.Блока, который озаглавил свою публикацию «Влюбленный поэт». Но следует отметить, что эти ранние переводы Александра Блока не вызвали острого интереса таджикских читателей к русскому поэту. В последующие десятилетия таджикские переводчики не раз пытались вновь напомнить читателям о замечательном русском поэте: в числе произведений, переведенных известными таджикскими русистами, поэтами и профессиональными переводчиками Раҳимом Хошимом, Мастоном Шерали, Кутби Киром были такие знаменитые стихотворения, как «Клеопатра», «Незнакомка», поэма «Возмездия». Причем, существует несколько переводов «Незнакомки» и «Возмездие», осуществленных разными переводчиками, что, несомненно, свидетельствует о близости блоковского мира современным читателям Таджикистана. В конце XX века переводчики предпринимают новые попытки открыть читателям и раннего Александра Блока.

Оригинал:

Открыт паноптикум печальный,

Один, другой и третий год.

Толпою пьяной и нахальной

Спешим... В гробу царица ждет.

Она лежит в гробу стеклянном,

*И не мертва и не жива,
А люди шепчут неустанно,
О ней бесстыдные слова.

Она раскинулась лениво,
Навек забыть, навек уснуть...
Змея легко, неторопливо
Ей жалит восковую грудь...*

Перевод Мастона Шерали:

*Вай дар тобути шишиагин,
На мурдааст ва на зиндаст,
Аммо одамҳо сухан мегуянд
Бисёр суханҳои қабех
Вай худро суст нишон дод,
Як умр фаромуш, як умр хоб аст
Ҳамчун мор, беҳаракт
Вайро мор мегазад аз баданаи
Ба ту нигоҳ мекунанд хар як одам,
Агар тобути ту холи аст
Ман як бор овози ту шунавам
Нафаси туро аз зобони вай:*

Эти переводы, сделанные профессионально и тонко, в то же время, позволяют увидеть особенности восприятия произведений Александра Александровича Блока в таджикской литературной среде и наметить магистральные проблемы перевода раннего творчества поэта «Серебряного века». Следует отметить, что специфика перевода с русского языка на таджикский язык, как признают исследователи, еще не имеет достаточной теоретической базы и исследована лишь в отдельных ее аспектах.

Оригинал:

*Я сам, позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,*

*Пришел взглянуть на профиль важный,
На воск, открытый напоказ...*

Мастон Шерали переводит:

*Ман худам, шарманда ва худбуруши
Дар гирди чашмаи кабудиҳо,
Омадаст нигоҳ ба руии вай...
Бо овоз ва ниион додан...*

Этой проблемы касались таджикские ученые Закия Муллоджонова, Атахон Сайфуллоев, указавшие на то, что влияние на стратегию таджикского переводчика оказывают конвенциональные нормы перевода, а особенные трудности состоят в передаче на таджикский язык стилистических коннотаций. Прежде всего, переводчик создает прозаический перевод и стремится передать точный смысл созданной автором оригинала поэтической картины. Это нарушает своего рода закон перевода, установленный Мастоном Шерали, известным поэтом, согласно которому стихотворение нельзя изменить при переводе, так как оно потеряет свой смысл. Однако прозаический перевод поэзии уже является изменением, так как лирика – особый род литературы, где, как известно, «слово больше самого себя», где дополнительные, причем, крайне важные нюансы «включают» в замысел собственно лирические средства: рифма, ритмико- интонационная система, звукопись и др.

Напомним, что Александр Блок, кроме того, акцентировал внимание читателей на знаках препинания, утверждая, что поэта можно узнать, в том числе, и по синтаксическим знакам. Прозаический перевод, безусловно, утрачивает все эти способы выражения авторской позиции. Но, тем не менее, и он представляет интерес, позволяя узнать душу другого поэта, представителя иной национальной стихии. Согласно точному наблюдению Ю. М. Лотмана, входя в состав единой целостной структуры, значение

элементы языка (в первую очередь, семантические) оказываются связанными сложной системой соотношений, противопоставлений, невозможных в обычной языковой конструкции. Это придает и каждому элементу в отдельности, и всей конструкции в целом совершенно особую семантическую нагрузку. Кроме нарушения семантической целостности текста, при переводе русского поэтического текста на таджикский язык происходят и другие неизбежные трансформации, которые определяются именно особенностями таджикского языка. Одному русскому слову может соответствовать сразу несколько слов в таджикском языке, которые имеют особенные коннотации.

Переводы осуществляются только на литературном языке, что не позволяет передать стилистическое своеобразие тех стихотворений, в которых ключевую роль играют разговорные или просторечные слова. Несомненно, еще большие сложности возникают, когда таджикский переводчик обращается к символическому поэтическому тексту. «Символизм – искусство, основанное на символах», – как писал один из теоретиков этого направления Александр Александрович Блок [2, с.60].

Он раскрывает «в вещах окружающей действительности символы, то есть знамения иной действительности» [51, с.60]. Но это – не «простой иероглиф», утверждал В. Иванов, а «таинственный, ибо многозначащий, многосмысленный» [48, с.60]. Однако в создании такой «многосмысленности» описаний немаловажную роль играла не только «объективная» многозначность символов, но и «установка» на «символизацию воспринимаемого» [50, с.60].

По справедливому утверждению З. Г. Минц, дополнительные символические коннотации обретали даже импрессионистические образы, с характерной для них направленностью на выражение, казалось бы, только непосредственных, минутных ощущений. Именно с этой «многосмысленностью» образов-символов и связана основная трудность

перевода, так как невозможно передать весь спектр значений, «сквозящих» в ключевых образах символистских стихотворений. Если для русского читателя возникают дополнительные, «соловьевские» смыслы, когда он встречает на страницах блоковских стихотворений образы «зари», «вечера», «весны», то для арабского читателя это только указание на время действия. Точно так же утрачивает важнейшие сакральные, «соловьевские» коннотации образ-символ «лазурь», заменяемый «синевой» в переводе. Как известно, любой блоковский сборник, в том числе и первый, предполагает не просто внимательного читателя, а читателя-единомышленника, читателя «знающего», если воспользоваться выражением А. Белого, увлеченного, как и сам молодой поэт, мифом Вл. Соловьева о явлении Души мира и преображении вселенной. Только «знающему» открывается не только лирический план каждого текста, но и его «сверхсмыслы» (Д. Е. Максимов): мистический (идея «приобщения личности духовной субстанции бытия») и мистико-утопический («ожидание всеобщего обновления мира, когда «небо вернется к земле») планы [52, с. 60]. Такая же многогранность характеризует и структуру образа героини. Именно эти особенности блоковского текста и определяют те сложности, с которыми сталкивается переводчик.

Обратимся к переводам ранних стихотворений Александра Александровича Блока, выполненных молодым таджикским переводчиком Улмасом Холом, который в настоящее время пишет стихи, драмы, статьи в республиканской печати.

Улмас Хол в журнале «Навруста», Таджикского государственного педагогического университета за №1, 2015 года перевел на таджикский язык две поэмы великого русского поэта XX века Александра Блока «Скифы» и «На поле Куликова» (1908) [242, с. 46-54].

Хотелось бы отметить роль журнала «Навруста» в пропаганде и агитации перевода художественных произведений русской и мировой литературы на таджикский язык. В этом журнале уже переведены

произведения А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, И.С.Тургенева, А.Н.Некрасова, Н.В.Гоголя, Л.Н.Толстого, А.П.Чехова и других поэтов и писателей мировой литературы.

Например, поэму «Скифы» великого русского поэта Александра Блока перевел на таджикский язык Улмас Хол, а также таджикский поэт Кутби Киром. При анализе двух переводов поэмы «Скифы» мы видим:

Оригинал:

Скифы

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,

С раскосыми и жадными очами!

Для вас – века, для нас – единый час.

Мы, как послушные холопы,

Держали щит между двух враждебных рас

Монголов и Европы!

Перевод Улмаса Хола:

Шумо лак-лак-

Вале мо бешуморем,

Барои озмоии –

Ку, бичангем!

Бале!

Мо осиёй!

Мо скифҳо-

Бале!

Халқи ҳарису чаимтангем.

Шуморо асри моро соате буд,

Ки мо буда гуломе ҳалқабаргуи,

Миёни ду начоди пурядоват,

Мугулу Аврупо –

Стихотворение «Скифы» было написано в течение двух дней — 29 и 30 января 1918 года, сразу же после окончания поэмы «Двенадцать».

Главный вопрос художественного перевода был безоговорочно решен ими в пользу красоты, т.е. звучания стихов.

Таджикский переводчик Улмас Хол строфи:

«С раскосыми и жадными очами!»

перевел на таджикский язык следующим образом:

«Халқи ҳарису чашмтангем (?)»

По нашему мнению, эту строфи можно бы перевести другим путем:

Халқе бо чашмони ҳарису танг

Сопоставление текста оригинала с текстом перевода убеждает нас в том, что переводчик Улмас Хол старался передать текст, сохраняя все слова и стиль автора оригинального текста, поэтому он сделал подстрочный перевод.

Однако и в этом переводе наблюдаются недочеты, которые должны быть учтены при дальнейшем переводе поэзии А.Блока, так и перевода поэзии в целом. Сочетание «жадными очами» - ҳарису чашмтангем, на наш взгляд, переведено неправильно. Таджикский эквивалент слову «щит»- «сипар» отсутствует в переводе.

При переводе стихотворений Блока он менял тяжелые (для таджикского языка) тонические ударения, устойчивый ритм и размер, рифмы и даже иногда смысл оригинала. Это, по мнению переводчика, дало возможность приблизить язык произведений поэта к современной поэтической практике в таджикской литературе. В результате стихотворения сборника представляют собой самостоятельные произведения 2015 года. Мелодичность, музыкальность стихов, пожалуй, единственное, что привлекло переводчиков в поэтическом арсенале Блока и что они постарались воспроизвести, неоднократно вслушиваясь в звучание русских стихов.

Оригинал:

*Века, века ваши старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда настивить пушек жерла!*

Перевод Улмаса Хола:

*Ҳамчун сипар, души.
Ба давре чак-чаки чаккушу сандон
Намуди паст бонги тармаю раъд,
Ба коми худ кашида Лиссабону
Мессиниро замин –
О вахъ чи даҳшат...

Ҳарисона назардузон ба Маширик,
Рабудеду очу марвориди нодир.*

Переводя эти строки русского поэта, Улмас Хол несколько «суховато» передал дух данного произведения. В русском тексте слова «копя и плавя наши перлы» присутствуют однако в таджикском переводе он отсутствуют.

Представление об общественно-политических взглядах Блока дают его записи в дневнике и записных книжках за этот период. Наиболее существенными, по мнению комментатора его творчества Владимира Орлова, являются записи от 11 января, когда из газет поэту стало известно о возобновлении советской делегацией мирных переговоров в Брест-Литовске с немцами, а также от 29 января. Срыв мирных переговоров серьёзно воспринимался Блоком, его негодование вызывали не только немцы, но и союзники.

11 января 1918 года «Результат» брестских переговоров (то есть никакого результата, по словам «Новой жизни», которая на большевиков негодует). Никакого — хорошо-с. Но позор 3,5 лет («война», «патриотизм») надо смыть. Тычь, тычь в карту, рвань немецкая, подлый буржуй. Артасься, Англия и Франция. Мы свою историческую миссию выполним. Если вы хоть «демократическим миром» не смоете позор вашего военного патриотизма, если нашу революцию погубите, значит, вы уже не арийцы больше. И мы широко откроем ворота на Восток. Мы на вас смотрели глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом; мы скинемся азиатами, и на вас прольется Восток. Ваши шкуры пойдут на китайские тамбурины. Опозоривший себя, так изолгавшийся, — уже не ариец. Мы — варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары. И наш жестокий ответ, страшный ответ — будет единственным достойным человека (...) Европа (ее тема) — искусство и смерть. Россия — жизнь».

Так, например, в стихотворении «Дар майдони Куликова» («На поле Куниковом...») и др. Но "игра мысли" Блока не всегда поддается воплощению в произведениях переводчика.

Каждый поэт в своем творчестве избирает ключевую тему, которая проходит через все его произведение. Кто-то отдает предпочтение пейзажной лирике, других привлекает тема любовных взаимоотношений. Что касается Александра Блока, то его можно отнести к многочисленной группе поэтов-патриотов, которых беспокоит будущее России. Именно по этой причине он отказался покидать свою страну после революции, хотя понимал, что она катится в пропасть. Однако Блок предпочел разделить с Россией ее участь, и подобное решение не стало ни для кого неожиданным. Ведь еще в 1908 году поэт написал стихотворение «На поле Куниковом», в котором не только предсказал грядущие перемены в стране, но и выразил к ним свое отношение.

Позиция поэта оказалась однозначной и недвусмысленной — уже тогда

Александр Блок принял решение остаться со своей страной и со своим народом, хотя и предвидел, что их судьба будет достаточно трагической. Не случайно автор в своем стихотворении проводит параллель с Куликовской битвой, словно бы намекая, что теперь Руси вновь придется обороняться. Но уже не от кровожадных татар, а от идеологов грядущей революции, которые ради великой и безумной идеи готовы полностью разорить и уничтожить страну, которая так дорога поэту.

Подобное сравнение и предчувствие неизбежной беды появились у Блока неслучайно. Еще несколько лет назад он активно поддерживал свержение царской власти. Считая, что лишь, таким образом, Россия сможет стать по-настоящему свободной и прогрессивной страной. Однако после революции 1905 года Блок кардинально изменил свое отношение к насильственному изменению общественно-политического строя, осознав, что в революционном пожаре погибнут десятки тысяч ни в чем неповинных людей. А это, по мнению поэта, является слишком дорогой платой за сомнительное будущее.

Поэтому в своем стихотворении «На поле Куликовом», обращаясь к прошлому, но подразумевая будущее, Блок сравнивает Россию со степной кобылицей, которая несетя вперед, навстречу закату в крови, и остановить ее не под силу уже никому.

Осознавая, что Россию ждут неизбежные перемены, русский поэт подчеркивает, что «долго будет родина больна», и просит помянуть всех тех, кому еще предстоит погибнуть в кровавой бойне, именуемой революцией. Себе же поэт в этих исторических событиях отводит достаточно скромное место, отмечая: «Я не первый воин, не последний». При этом Блок упирает на чудо, понимая, что предстоящая битва окажется куда более жестокой, чем сражение на Куликовом поле. Хотя бы потому, что происходить оно будет не с татарами, а со своими же братьями-славянами, одержимыми бунтарскими идеями. «Я вижу над Русью далече широкий и тихий пожар», — предрекает

автор. Однако при этом он не знает, как его остановить, и это чувство бессилия порождает в душе поэта тоску. Он уповаёт на то, что, как и во время Куликовской битвы, его родину спасут высшие силы. Поэтому призывает всех тех, кто хочет защитить страну от гражданской войны, уповать лишь на волю Бога. «Доспех тяжел, как перед боем. Теперь твой час настал.- Молись!», — отмечает поэт.

Примечательно, что мрачная картина разрухи, нарисованная Блоком, уже через 9 лет стала реальностью. Но поэт предпочел остаться в России, чтобы превратиться в одного из многочисленных воинов, которые попытаются сделать все возможное, чтобы их страна смогла восстать из руин и вновь превратиться в одну из самых сильных держав мира. Правда, мечтам поэта так и не суждено было сбыться, так как он и не предполагал, что социализм окажется для России куда более губительным, чем монголо-татарское иго, и поработит страну изнутри на долгие годы.

Например:

*Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.*

*Над скучной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.*

Перевод:

*Дамида руд. Бо андухи нарме
Бишуюд харду сохилро баробар.
Ба руи хоки зарди ҷар. Бари дашт.
Ҳазин истода хирманҳои музтар.*

Так, полисемантические заключительные строки «Скифхо»: «Скифы» / Я знаю: истина в вине» в переводе на таджикский язык потеряли свою многозначность, что, несомненно, изменило смысл стихотворения. В этом стихотворении А.Блок использовал различные сравнения, где таджикский переводчик Улмас Хол не переводит слова «лениво», «скучной» .

Например:

Оригинал:

*Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.*

Перевод:

*Дамида руд. Бо андухи нарме
Бишуюд харду сохилро баробар.*

Таким образом, таджикскому переводчику Улмасу Холу не совсем удалось передать образы и картины стихов Блока, передать их мелодичность и интонацию оригинала, наиболее же трудной для перевода оказалась «игра мысли» и воссоздание ее в языке перевода.

*O, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.*

*Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной —
В твоей тоске, о, Русь!*

Перевод:

*Аё Рус: Ҳамсарам. Чун дарди ҷонсуз,
Дил оғаҳ бошад аз роҳи дарозат.
Роҳи мо чун қадима тири тотор,
Зада бар синаву дилро гудозад.
Роҳи мо дашт, балки роҳи ҳасрат —
Зи андуҳи ту эй Руси азизам.*

Двойственность художественной природы образов "Незнакомки" дана в традиции фантастического реализма. А. Блок всегда оставался символистом с присущим ему представлением о двоемирии, т.е. единстве мира реального и инобытийного. В произведении ясно эти пласти представлены: «очарованная

даль», «иные тайны» и натуралистические сцены «над озером», в ресторане. Таким же представлен и образ самой Незнакомки: это по-прежнему, «Прекрасная Дама» поэта и женщина из ресторана. Поэт в этом мире занимает особое, присущее только ему место - посредника между этими мирами. В финале стихотворения Блок не просто повторил по-русски латинскую фразу "In vino veritas", звучащую из уст пьяниц нарочито пошло, работающую на создание обстановки безвкусицы загородного ресторана. Эта фраза, с другой стороны, воспроизводит на ином уровне, пародирует взятую символистами у идеи «деонисийского опьянения» как творческого акта, поэт у «трактирной стойки». Все вместе создает и «бессмысленный ужас искривления человеческой жизни» и одновременно своеобразную «необходимую раму для начала мистерии», поскольку развертывается действие сразу в двух пластиах.

Таким образом, заключительная фраза содержит в себе двойной вывод: «истина в вине» - все результат воздействия вина на поэта, но и одновременно несет осознание вины лирического героя перед его Прекрасной Дамой. Блок финальной фразой ставит «загадку бытия», выводя конфликт бытовой в бытийный.

Стихотворение «Незнакомка» таджикский переводчик Улмас Хол переводит с большей поэтической вольностью, которая не всегда приводит к желаемым результатам. Поэтическая вольность в переводе оправдана, на наш взгляд, лишь при условии органичного вплетения в стиль оригинала, сохранения идейно-эстетического замысла автора. Анализ перевода Улмаса Хола показывает, что труднее всего передать метафоричность, образную насыщенность строк А.Блока при их внешней простоте и лаконичности. В своей интерпретации таджикский переводчик использует неадекватную лексику, заменяет эпитеты русского поэта и прочие тропы собственными образными средствами, в результате чего появляется ряд недопустимых модификаций, центральный образ становится схематичным и бледным, а

главное - это тотчас сказывается на содержании: оно теряет оттенок светлой грусти и становится безысходнее и мрачнее, что не свойственно как данному произведению, так и поэзии А.Блока в целом. В переводе отсутствуют слова «воли», «безбрежной», а переводчик использует другие слова «хасрат», «азизам».

В процессе перевода поэтического наследия А.А.Блока возникали и другие проблемы, решение которых определяет, в конечном итоге, качество воссоздания, его адекватность оригиналу.

Так, вопрос передачи формы оригинала до настоящего времени вызывает многочисленные споры. Его решают по-разному теоретики и практики художественного перевода. Одни считают, что подлинное воссоздание формы не всегда достигается точным следованием форме подлинника, другие придерживаются той точки зрения, что чем точнее передается содержание, тем адекватнее к оригиналу подбирается форма и т.п.

В каждом конкретном случае надо чутко улавливать в стихотворном произведении роль того или иного компонента формы, уметь выделить и систематизировать элементы текста, участвующие в сохранении его эстетического и эмоционально-экспрессивного восприятия. Этим, по существу, определяется и выбор художественно-изобразительных средств и размера. Определение главного в форме дает возможность поступиться второстепенными элементами для более выпуклого, выразительного показа идейного содержания произведения.

Рассмотрим стихотворение "Ты проходишь без улыбки...". Во фразовом сюжете двух заключительных стихов: "Как твой мальчик в белой шапке / Улыбнулся на тебя". Блок разрешает конфликт всего стихотворения и даже одной из тем цикла "Город". Город - средоточие греховности, порождение хаоса и вместе с тем цивилизации. Речевое клише "улыбнулся тебе" поэта не привлекает, и он находит иной вариант, содержащий новые смысловые нюансы. Здесь можно усмотреть скрытые эллипсы (неполно выраженное

высказывание типа «улыбнулся, поглядев на», «взглянув на»). Или же своеобразное перенесение действия на объект. Образы проходящей женщины («ты») и мальчика, «вечерних богородиц», «Богоматери и Младенца» накладываются и взаимодополняют друг друга, соединяя чувство вины, кротость и святость. Явление в «черном» городе «мальчика в белой шапке» символически противопоставляется как два борющиеся начала добра и зла. «Простые и малоинтересные вещи повседневного потребления..., становясь «предметом искусства», необходимым образом одухотворяются, становятся живыми, превращаются в миф», - писал А.Ф.Лосев[5, 68]. Возвращаясь в финале стихотворения к улыбке, поэт не просто «закольцовывает» композицию, он разрешает один из конфликтов: мальчик дарит матери (многоплановому образу) благодать, улыбнувшись на нее. Ведь благодать не есть покой, благодать - радость, вот почему Блоку было важно использовать именно этот словесный оборот, соединяя, таким образом, земное - улыбку и надмирное - благодать. У Блока есть свои, излюбленные, лично-стилевые способы ассоциативного выстраивания мысли.

В таджикском переводе заключительная строка переведена буквально: «хандаи вай», что стилистически никак не выделено. По правилам таджикской грамматики глагол «ханда кардан» (улыбаться) требует объекта с предлогом бо. Стихотворение же лишается ключевого момента развязки конфликта.

Художественный мир А.Блока стал своеобразным явлением в истории русской и мировой литературы. Глубокое проникновение в сущность социальных явлений, во внутренний мир человека, высокая художественная убедительность, масштабность творческих обобщений, проникнутые взволнованным авторским восприятием действительности, расширили рамки повествования, открыли иную - в сравнении с изображаемым - духовную и социальную перспективу полнокровного развития жизни, раскрытия духовных возможностей человека. И, вместе с тем, это не уменьшило силу

критицизма художественных шедевров писателя.

Вполне очевидна значительная роль Александра Блока в развитии мировой литературы. Школой Александра Блока был, как обычно утверждают многие, прежде всего, реализм, но большой притягательной силой обладали и романтические черты его творчества. С этим феноменом связана и неиссякаемая любовь народов мира к его гению. С ним тесно связано и то, что «открытие» Александра Блока в разных литературах происходило в разные годы и «по-своему».

Знакомство таджикской литературной общественности с творчеством великого русского поэта началось еще до революции.

За ним последовали другие переложения, выполненные уже в советское время. Это «Двенадцать» и стихотворения «Родина», «Моя любовь». Наша попытка в этой связи, главным образом, направлена на освещение истории переводов поэзии Александра Блока с тем, чтобы подготовить почву для сравнительного анализа и для размышлений о влиянии его творчества или творческого освоения.

Несмотря на то, что в таджикской критике и литературоведении история переводов и принципы влияния Александра Блока на таджикскую поэзию и драматургию получили некоторое освещение, они не стали объектом скрупулёзного, отдельного анализа.

Более 70 лет, начиная со второй половины 30-х годов прошлого века, говорится и пишется о достижениях таджикской литературы в области художественного перевода. Начиная со второго съезда писателей СССР, где в основных докладах или специальных выступлениях звучали голоса одобрения о состоянии художественного перевода в стране и популяризации литератур, благодаря которым сокровищница таджикской литературы обогатилась новыми художественными произведениями, что есть правда. Переводу обязаны рождение и становление новых родов литературы, таких как драматургия и публицистика, новых жанров и форм, перечислить

которые здесь нет возможности. Вопросам перевода и необходимости научного обобщения таджикского опыта перевода посвящены специальные пленумы Союза писателей, научно-теоретические конференции и круглые столы, многочисленные дискуссии и статьи. Однако, как об этом не раз говорилось и писалось, «достигнутые таджикской школой художественного перевода успехи до настоящего времени не стали объектом комплексных научных исследований, посвященных обобщению этого богатейшего, уникального для таджикского литературного процесса опыта. Наша литературная критика всерьёз не занимается вопросами перевода, она, к сожалению, не поднялась выше уровня рецензии». [154, с.60].

Следующее стихотворение русского поэта Александра Блока переводит таджикский переводчик Улмаси Хол:

Оригинал:

*И вновь - порывы юных лет,
И взрывы сил, и крайность мнений...
Но счастья не было - и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений!*

*Пройди опасные годы.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цель - тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,*

19 июня 1912

Перевод Улмаса Хола

Тахайюлот:

*Медиҳад ин ҷисми неруманду боз,
Ҳуни дар ҷӯши аз ҷавониям дарак,
Нест баҳту гӯиё ҳарғиз набуд,*

*Гарчи дар ин нест дигар ҳеч шак.
Солҳои сахту мудҳии бигзаранд,
Дар ҳама ҷо дар каминанд интизор.
Боварат ояд ба сехру ҷодуӣ,
Бе шикасте бигзарӣ ту бобарор.*

Сопоставительный анализ показывает, что таджикскому переводчику Улмасу Холу, тем не менее, удалось передать идейный смысл и характер стихотворения "Воображение", ввести читателя в мир чувств и переживаний русского поэта. Но последние строчки стихотворения перевел неправильно: Например:

*Но если выйдешь цель - тогда
Ты, наконец, поверши чуду.*

Перевод:

*Боварат ояд ба сехру ҷодуӣ,
Бе шикасте бигзарӣ ту бобарор.*

В переводе этого стихотворения таджикский переводчик использовал различные варианты стихосложения, и слова русского поэта «юных лет», «опасные годы», «счастьем» и другие слова переводит такими словами «льявиониям», «сольнои сахту мудниши», «бахт».

*И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на полжизни не хватило,*

Перевод:

*Боз мебинӣ ту дар охири кор,
Бахт шояд баҳри мо лозим набуд.
Дастнорас баҳри мо ин орзу,
Умри мо сарфи ҳавои ҳом шуд.*

В переводе художественного текста существуют проблемы адекватности и эквивалентности текста перевода оригинал; выявление

исторической роли перевода в развитии межъязыковой коммуникации различных языковых культур. Перевод с одного языка на другой предполагает полноправную замену оригинала, но нельзя забывать о недостижимости абсолютной тождественности художественного произведения. Эквивалентность или равноценное другому, вполне заменяющее его, обозначает общность содержания, смысловую близость оригинала и перевода.

В переводе данного стихотворения неправильно переведены последние две строчки:

*Что сей несбыточной мечты
И на полжизни не хватило.*

Перевод:

*Дастнорас баҳри мо ин орзу,
Умри мо сарфи ҳавои ҳом шуд.*

Эквивалентность является основным признаком и условием существования перевода любого текста. В практике и теории перевода эквивалентность и адекватность являются сходными понятиями. Адекватность перевода можно охарактеризовать как «вполне заменяющий» переводом оригинального текста. По М.Б. Раренко «адекватность перевода – это соответствие переведенного текста цели перевода». [214, с.88].

Е.А.Огнева определяет следующие цели перевода: сохранение содержания оригинала, неизменность функций оригинального текста, передача ценностей оригинала, стилистических, коммуникативных и художественных ценностей. Перевод является трудоемким и сложным процессом, где переводчик ставит перед собой цели и задачи передать целостное и точное содержание текста языковыми средствами другого языка, при этом, сохранив экспрессивные и стилистические особенности. Перевод – это не только перевод с одного языка на другой, а точка пересечения различных культур и традиций, понятий, мышления, эпох, литератур,

исторического развития.

В переводах произведений русского классика Александра Блока на таджикский язык переводчика Улмаса Хола столкнулись две эпохи – XIX (время написания оригиналов) и XX (время переводов) века, два неродственных языка, две культуры и т.д. В переводе у таджикского переводчика, например, первая строка получилась трехстопным дактилем, вторая строка анапестом. Но это различие в переводе не приносит существенных отступлений от оригинала, так как автор перевода преследовал цель наиболее близкой передачи смысла произведения. В тексте перевода есть и лексические несоответствия: например, слово «лубок» (ярко раскрашенные картинки) у Улмаса Хола дано как «бозича» (игрушка), слово «малахай» у русского поэта дано в значении длинной, широкой одежды без пояса, в переводе, вместо малахая, одевает (головной убор). Здесь автором перевода совершена лексико-семантическая замена вышеуказанных слов в исходном тексте.

*И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастьем привыкли звать!*

Перевод Уламаса Хола:

*Ҳар гаҳе ёд оварӣ он наврасӣ,
Шавқ дар дил моили як хандаем.
Орзум кӯдакии хешро,
Бахт номаши карда одат кардаем.*

В переводе данного стихотворения таджикский переводчик не перевел слово «о зыбкой», а вторая строчка «Порою будешь вспоминать» перевел данным образом:

Шавқ дар дил моили як хандаем.

Эту строчку переводчик не точно передал на таджикский язык и в этом переводе наблюдаются недочеты, которые нужна учитывать при

дальнейшем переводе поэзии А.Блока.

Литературный перевод очень близок к исходному тексту, различий в лексике не наблюдается. Улмас Хол в 1981 году публикует литературный перевод романтической поэмы «Возмездие», в основу которой легла библейская легенда о духе зла. Сама поэма состоит из двух частей, которые разделены каждая на 16 стихов. Это разделение во вторичном тексте сохранено, также общее значение, авторская позиция, психологическое состояние героя, накал эмоций эквивалентен исходному тексту. Словолакуны, которые глубже и тоньше показывают различия языковых культур, встречаются и в поэме. Их можно назвать и экзотизмами. Александр Блок обогатил поэму лакунами, взятыми из другого языка, которые придают в свою очередь особенный колорит данному поэтическим произведению.

В его переводах найдены и использованы эквиваленты в переведном языке, исходный художественный материал переведен адекватно, т.е. выбраны адекватные речевые единицы в родном таджикском языке. Таджикский переводчик своими переводами произведений русского поэта обогатил таджикскую литературу, углубил межкультурную коммуникацию двух народов и двух эпох.

Основное требование эквивалентности перевода, направленное на адаптацию поэтического и прозаического исходного текста и переводного, достигнуто Кутби Киромом. Читая произведения на русском и на таджикском языках, можно убедиться, что перевод максимально близок к первичному тексту, хотя абсолютной тождественности достичь невозможно. Таджикский переводчик сохранил содержание оригинала и художественную ценность, тем самым выполнил «моральную ответственность» перед оригиналом, перед авторами произведений – классиками русской литературы XX века. Переведенные художественные произведения русской классики вызывают те же чувства и переживания, как и оригиналы. Это доказывает высокий уровень переводческого мастерства переводчика, достойно

выполнившего свою межкультурную миссию, выбранную им самим.

Эти слова принадлежат выдающемуся профессиональному переводчику Хабибу Ахори, которые были написаны почти четверть века тому назад в его статье «Творческая работа или просто обычное ремесло?». Спустя столько лет, вновь можно подтвердить, что изучение истории и теории перевода не так уж сильно сдвинулось с мертвой точки. За исключением ряда диссертаций, выполненных на примере переводов отдельных произведений С.Айни, М.Турсун-заде, А.Лахути, Дж.Икрами, Ф.Мухаммадиева на русский и А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого, А.П.Чехова, М.Горького, М.Шолохова, В.В.Маяковского Александра Блока на таджикский язык. А вообще, этот вопрос всё еще остается открытым. Александр Блок - второй по величине поэт русского реализма после В.В.Маяковского, который остается в том же кругу неизученных творцов, и, не постигнув его роли и вклада, трудно представить формирование реализма в мировой литературе, в том числе, в таджикской поэзии, прозе и драматургии.

Тем более, что история и процесс переводов произведений Александра Блока на таджикский язык, их качество и влияние на принципы творческого освоения его опыта, не говоря о принципиальных вопросах реализма, намного отличаются от многих других явлений взаимодействия и взаимообогащения литератур. По крайней мере, необходимо обратить внимание на три момента, принципиально отличающих изучение проблемы в связи с А.Блоком.

Во-первых, Александр Блок второй после В.В.Маяковского, а вполне может быть, и первый русский поэт, произведения которого были переведены на таджикский язык и частично вошли в программу таджикских новометодных школ еще в конце XIX - начале XX века, т.е. за 30-35 лет до того, как на первом Всесоюзном съезде советских писателей (1934г.) был провозглашен призыв о систематическом переводе, взаимопереводе

литератур в стране Советов.

Во-вторых, за исключением двух моментов, о чем будет сказано чуть ниже, перевод произведений Александра Блока не носил юбилейного характера и не являлся результатом кампанейского подхода.

И, наконец, третий вопрос, который должен быть частично освещен в нашем исследовании, касающийся персидских переложений отдельных произведений Александра Блока в начале XX века, которые были известны и таджикскоязычным читателям.

2.2. Характеристика произведений А.Блока в переводе на таджикский язык

В творческом освоении национальными литературами реалистических традиций русской литературы велика роль художественных переводов.

Художественный перевод, являясь важнейшей формой взаимосвязей национальных литератур, также выражает и взаимосвязи нашего народа. Вот что пишет по этому поводу И.Г. Неупокоева: «Говоря о роли художественного перевода в развитии межнациональных литературных общений, следует различать перевод как средство литературных связей, в развитии которых роль его первостепенна по своему значению, и перевод как форму творческого взаимодействия, где он служит таким важным задачам литературного развития, как расширение идейно-эстетических возможностей данного национального искусства, обогащение национального языка, выработка слога художника, работа над его формой» [101, с.104.] .

В последнее время заметно расширился интерес филологической науки к изучению теории и практики перевода. Это обусловлено, с одной стороны, процессом дифференциации внутри языкознания и литературоведения, с другой, активным развитием контактов между

народами, стремящимися к обмену духовными ценностями. Следствием такого изучения становится уточнение тех или иных методических принципов и категорий, строго научный анализ переводческих приемов, которые приводят к обогащению переводческой практики.

Свой вклад в разрешение многих переводческих проблем внесли ученые Л.С. Бархударов, Г.Р.Гагечиладзе, И.А.Кашкин, В.Н. Комиссаров, И.И.Ревзин, В.Ю.Розенцвейг, Я.И. Рецкер и другие, а также авторы материалов ежегодников «Мастерство перевода», сборника «Тетради переводчика», таджикские журналы «Памир», «Садои Шарк», многочисленные конференции, встречи, совещания, симпозиумы по проблемам перевода.

При изучении художественного перевода многие исследователи занимаются его процессом, иначе говоря, самой механикой переводческой работы. Сюда можно отнести анализ художественного образа и выступающие на первый план структурные элементы произведений, вопросы сохранения национально-самобытного колорита, передачи рифмы и ритма и т.д.

Таким образом, изыскания в области художественного перевода имеют, прежде всего, цель выработать различные рекомендации: что можно и как нужно переводить, каковы критерии адекватного перевода и т.п.

Но художественный перевод в современном литературоведении определяется не только как «вид литературного творчества, в процессе которого произведение, существующее на одном языке, воссоздается на другом» [63,с.15.]. К этому определению можно добавить еще и то, что художественный перевод является средством культурного общения, обмена литературными ценностями и создает условия для взаимовлияния и взаимообогащения литератур.

Среди многообразия форм связей и взаимодействия национальных литератур перевод считается одним из определяющих.

За последнее время литературоведение достигло больших успехов в разработке методологии такого исследования. Воздействие художественного перевода на развитие литературы и его роли в межлитературных связях описывают в своих трудах исследователи Г.Р.Гачечиладзе, Дж.Шарипов, П.И.Копанов, З.А.Муллоджанова, Л.Н.Мкртчян, Н.А.Намазов и другие.

В построении и в теоретических аспектах исследований, посвященных изучению перевода в контексте межлитературных связей, все еще много неясного. Эта мысль как нельзя лучше была еще раз подчеркнута в дискуссии «Художественный перевод и взаимодействие литератур», поднятой на страницах журнала «Вопросы литературы» и в «Литературной газете».

М.Новикова, характеризуя художественный перевод «как самое сердцевинное звено» взаимодействия литератур, как «непосредственную зону контакта», справедливо отметила, «что литература все еще остается как явление скорее параллельное, нежели взаимодействующее. А тем временем пересекаются жанры и сюжеты, перекрещиваются ракурсы освоения жизненного материала и закономерности характерологии - все они энергично напрашиваются на сравнение. Непредвиденные «сближения» -генетические, типологические-будят интерес, притом не только исследователей, но и читательской публики» [106,с.21.].

Художественные переводы русской классической и современной литературы на таджикский язык не только знакомят читательские массы с литературой русского народа, но и являются школой овладения мастерством для таджикских поэтов и писателей. Л.Климович отмечает: «Художественный перевод-средство и условие взаимосвязи, взаимообогащения и дружбы разноязычных литератур» [61,с.76.]. Следовательно, перевод является неотъемлемым и незаменимым рычагом, фактором общечеловеческого прогресса.

Между характером переводческого процесса до Октябрьской

революции (1917 г.) и в настоящее время есть разница. Если в прошлом перевод, как правило, был делом и заслугой отдельных энтузиастов, подвижников, среди которых есть и классические имена, то в наше время он стал важной частью общегосударственной политики и культуры.

«Я убежден, - писал герой Таджикистана, народный поэт Республики Таджикистан Мирзо Турсунзаде,-что подлинная литература не может быть непереводимой, или, как говорят иные теоретики, присущая только данной национальности, она равно доступна всем народам и равно звучит на всех языках» [151, с.21.] .

Современная таджикская литература, объединенная общностью великих социальных идеалов, общностью нравственных позиций, представляет собой ныне как бы единый организм, немыслимый без постоянного, повседневного обмена ценностями, которые создаются в нашей культуре. В этой связи особую историческую миссию выполняет русский язык, ставший уникальным средством межнационального общения народов мира. Русское художественное слово, достигшее классических вершин, первым проложившее путь искусству реализма, играет огромную роль в развитии национальных литератур, в обогащении духовного мира всех народов Земли. Благодаря переводам русская литература и классика других народов стали достоянием таджикского народа.

К сожалению, приходится констатировать, что до Октябрьской революции 1917 года история таджикского перевода мало изучена.

В истории таджикской культуры художественный перевод имеет древнюю традицию. Достаточно напомнить, что еще до арабского нашествия была переведена с санскрита «Калила и Димна», которую впоследствии перевел на арабский Ибн ал-Мукаффа. Другой пример - знаменитый по всей Европе цикл рассказов «Тысяча и одна ночь» был переведен на таджикский язык еще в раннем средневековье.

С конца XIX и особенно с начала XX века таджикское переводческое

дело наполнилось совершенно новым руслом–переводом произведений русской литературы. Среди ранних переводчиков следует отметить Абдулкодира Шакури, который в 1909 - 1911 гг. перевел на таджикский язык повесть «Шинель» Н.В.Гоголя, «Кавказский пленник» Л.Н.Толстого и отрывки из произведений А.С.Пушкина.

Однако художественный перевод по-настоящему начал развиваться в Республике Таджикистан в советское время. В 1925 году было организовано Государственное издательство, поэтому художественный перевод стал осуществляться в широких масштабах. В этом издательстве постоянно печатались переводы произведений не только таких русских поэтов и писателей, как А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Н.А.Некрасов, Н.В.Гоголь, И.С.Тургенев, А.П.Чехов, А.М.Горький, В.В.Маяковский, А.А.Фадеев, М.А.Шолохов, но и образцы многих братских литератур, произведений Ш.Руставели, Т.Г.Шевченко, С.Стальского, Я.Купалы и др. Также на таджикском языке стали появляться произведения классиков западно-европейской литературы - В.Гюго, Ж.Верна, А.Дюма, Лопе де Вега.

Таджикский литературовед, академик М.Шукров тонко заметил: «Сам факт, что молодые таджикские поэты и писатели под руководством своего наставника, устода Садриддина Айни, с таким энтузиазмом и размахом приступили к переводу произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого, Чехова, Горького, Шолохова означал, что у общества появился глубокий интерес, возрос особый спрос на эти произведения. Переводческое дело стало частью культурной революции, а развитие его стало признаком расцвета социального самосознания трудящихся» [157,с.16.].

В практике художественного перевода в Республике Таджикистан, наряду с определенными достижениями, имеются и существенные недостатки. Как количество, так и качество выходящих переводных книг не

удовлетворяет потребности широких читательских масс в связи с тем, что их культурный уровень и эстетический вкус значительно возросли.

Необходимо отметить, что ряд выдающихся произведений мировой литературы, в частности, «Одиссея» и «Илиада» Гомера, «Фауст» Гёте еще не переведены на таджикский язык, тогда как ежегодно публикуются десятки и сотни малохудожественных книг. Давно наступила пора серьезного пересмотра и твердого регулирования планов перевода изданий художественной литературы.

Переводя произведения Александра Александровича Блока, таджикские поэты не только знакомят своих читателей с замечательной лирикой и эпосом русского поэта, но и сами учатся у нее мастерству, осваивают ее творческий опыт. Известно, что творчество А.Блока оказывает огромное воспитательное воздействие на читателя, так как говоря словами таджикского исследователя творчества русских поэтов и писателей и литературных связей Абдували .Давронова: «А.Блок – русский поэт, снискавший славу в XX веке, как будто был избран самой судьбой испытать неосознанную и просто унаследованную от прошлого ее современниками систему ценностей сперва под действием той волны энтузиазма, которая захлестнула массы в предвкушении нового общества. Поэзия А.Блока поднимала глубинные пласты человеческого сознания. Источником этого огромного поэтического проникновения и поэтического призыва была лирика русской поэта » [39,с.2] .

У каждого большого поэта — свой мир идей и образов, свой «магический кристалл», следовательно, и свой стиль. Работая над переводом литературного произведения, чрезвычайно важно воссоздать стиль поэта, т.е. донести до читателя его индивидуальную творческую манеру.

Мы попытаемся охарактеризовать некоторые наиболее

существенные стороны поэтического языка А.Блока, проследить, как воспроизводятся они таджикскими переводчиками.

Верное воспроизведение стиля является одной из главных задач переводчика, ибо индивидуальный стиль писателя и составляет, как правило, то неповторимое, что есть в каждом произведении. Произведение, лишенное в переводе индивидуальных черт, в огромной степени теряет эстетическую ценность. Вот почему реалистический перевод предполагает сохранение характерных черт оригинала, его своеобразия.

Другое стихотворение Александра Александровича Блока «Мой вечер близок и безволен...» перевел Искандар Идиев.

Оригинал:

Мой вечер близок и безволен.

Чуть вечереют небеса,—

Несутся звуки с колоколен,

Крылатых слышу голоса.

Ты — ласковым и тонким жалом

Мои пытаешь глубины,

Слежу прозрением усталым

За вестью чуждой мне весны.

Данное стихотворение входит в цикл, называемый «Стихи о Прекрасной Даме», состоящий из около 130 стихов, написанных в 1901-1902 гг. Нужно признать, что в целом структура образов цикла довольно сложна в восприятии своей завуалированностью или размытостью. И в этом смысле рассматриваемое стихотворение вполне его иллюстрирует.

Перевод Искандара Идиева:

Шоми ман наздик шуд беихтиёр,

Пардаҳои тори шаб омад падид.

*Навҳаи зангӯла меояд ба гӯши,
Нагмаҳои рӯхбардору шадид.*

*Синаамро чаптагардон мекуни,
Чун шабеҳ бе шарфа бо теги назар,
Бо танаффур гӯши бар дар мекунам
Бар навои навбахори бесамар.*

Ранние стихи Александра Блока, в основном, посвященные его идеалу женщины, полны символами и мистикой. Они отражают импрессионистский вид на окружающий мир. Ритм, музыка и звуки имели огромное значение для него.

Таджикский переводчик правильно воспроизвел содержание стихотворения, хотя в передаче смысла отдельных мест оригинала и имеются неточности и пропуски. Например:

Крылатых слышу голоса
Перевел на таджикский язык:
Нагмаҳои рӯхбардору шадид
А строчку:
Слежу прозрением усталым
Перевел:
Бо танаффур гуш бар дар мекунам.

Его следующие поэтические сборники заметно отличались от первого и изображали повседневную жизнь, революционные события, человеческую психологию и трагическую любовь, в таких работах как: «Нечаянная радость» (1907), «Снежная маска»(1907), «Фаина»(1906-1908), «Земля в снегу»(1908). К этому времени Александр Блок был признан лидером русского символизма, хотя некоторые из его коллег обвиняли его в предательстве идеалов, отраженных в его первом сборнике.

Позже поэт работает в основном над отражением своих мыслей о России: ее прошлом и будущем, пути, который она выбрала, о резких

изменениях того времени. Среди этих работ: «Ночные часы»(1911), «Стихи о России» (1915), «Родина» (1907-1916), и эпическое «Возмездие» (1910-1921).

До революции 1917 года Блок писал в своем дневнике, что он знает о том, что «грядут большие события», и его мысли и заботы о будущем России нашли отражение в его стихах, а также в политических и социальных эссе.

Александр Блок никогда не принимал участия в боевых действиях во времена Первой Мировой войны и работал в инженерном подразделении в районе города Пскова до марта 1917 года.

Осложнённость восприятия языка и образов цикла обусловлена не столько и не только развитием их собственной иносказательности, но и тем, что в цепи образов постоянно смешиваются категории реального и подсознательного мира, причем создается впечатление, что сам автор направленно создаёт это чередование-слитность.

Первая же строфа стихотворения демонстрирует эту особенность: вечереют небеса, с колоколен несутся звуки – казалось бы, обычная зарисовка, но первой же строкой её предваряет смысловой параллелизм: "мой вечер близок...". В данном случае вечер, о котором автор говорит «мой» и описываемый в следующей строке – это совсем разные понятия, разные образы, это совсем разные «вечера».

В ткань зарисовки автор вводит своё восприятие голосов ангелов – «крылатых», как он их иносказательно называет, и этот уход от прямых определений с самого начала задаёт тон завуалированности слога, подхватывает приём замещения понятий.

Следующие за этим два стиха являются образец перифразы, как поэтического языка: "Ты ласковым и тонким жалом мои пытаешь глубины" – здесь всё в высшей степени иносказательно, от Её "жала" до Его "глубин", и можно лишь догадываться, что первое – это или язык (как речь), или вообще линия поведения, а второе – потаённая часть сознания или ощущений лирического героя. Да и сама Она в этом "Ты", так сразу, немотивированно

введённом после первой строфы, остаётся за рамками очевидного. Конечно, этот образ формируется не из самого рассматриваемого стихотворения, а в канве всего цикла, хотя сам он со всем позиционируемым его философским наполнением при очевидной реалистичности его мотива-праобраза, остаётся довольно противоречивым.

Следующая часть строфы весьма интересна в смысле понимания структуры образов. "Слежу прозрением усталым за вестью чуждой мне весны" – ключевым моментом здесь является не столько факт слежения "усталым прозрением", сколько то, что весна, с её традиционным оживлением всего уснувшего, остаётся чужда автору, да и весна эта не столько весна, сколько вообще всё кипение жизни.

«Меж нас – случайное волненье» – эта строка и с её «случайным волнением» и с не совсем правильным, но довольно традиционным для поэтической речи «меж нас» вместо «меж нами» являет собой достойный пример изящества поэтического слога.

Призыв её «из белых стран» – опять в канве принятой автором завуалированности образов. Он воспринимается настолько искусственным, что становится интересным, как бы сам автор смог объяснить этот образ.

Меж нас — случайное волненье.

Случайно сладостный обман —

Меня обрек на поклоненье,

Тебя призвал из белых стран.

И в бесконечном отдаленьи

Замрут печально голоса,

Когда окутанные тенью

Мои погаснут небеса.

Перевод

*Ногаҳонист эҳтироси мову ту
Чун дуруги ширадори раҳгузар.
К-ӯ маро мисли гуломе дошта,
Ҳам туро овард аз мулки дигар.*

*Дар ҳавои дуру нопайдоканор
Мираҷ овози заифу бенаво.
Чун фазои пургубори умри ман
Мефитад аз дида, мегардад адо...*

Построение финальной строфы даёт почву для дискутирования по поводу перевода данного стихотворения А.Блока на таджикский язык. Переводчик Искандар Идиев неправильно переводит словосочетание «белых стран», «мулки дигар», что означает «других стран», а две строчки:

Когда окутанные тенью
Мои пагаснут небеса.

Перевод следующим образом:
Чун фахзои пургубори умри манн
Мефитад аз дида, иегардад адо...

Оставляет желать лучшего её довольно некорректное грамматическое построение, начинающееся соединительным союзом, в канве всего стихотворения. Чтобы почувствовать это в достаточно нагруженной конструкции, нужно оставить "костяк" фраз из одних только подлежащих и сказуемых, тогда мы увидим следующее:

«Вечер близок, вечероют небеса, несутся звуки, слышу голоса.

Ты пытаешь, (Я) слежу.

Меж нас - волненье, обман обрёк, призвал.

И замрут голоса».

Эта неувязка времен глаголов при соединении союзом "и" создаёт

довольно некорректную конструкцию.

Этот отрывок таджикский поэт перевел следующим образом:

*Шоми ман наздик шуд беихтиёр,
Пардаҳои тори шаб омад падид.
Навҳаи зангӯла меояд ба гӯи,
Нагмаҳои руҳбардору шадид.*

Использованные в четвертой строке той же рифменной пары, что и в первой (голоса-небеса) снижают рифменную насыщенность стихотворения, но, с другой стороны, создают вариант закольцовки, когда последние образы, отчасти варьируясь, смыкаются с первыми.

Можно ещё сказать о странностях пунктуации. Неважно, авторская она или редакторская, но тире во 2, 5 и 10 строках совершенно лишние и ничем неоправданные.

Размер стихотворения – 4-стопный ямб, свойственный лирическому стихотворению, здесь он вполне удачен: его ритмическая лёгкость не создаёт дополнительных препятствий в восприятии насыщенного образно-смыслового контента стихотворения.

В стихотворении Александра Александровича Блока «Мой вечер близок и безволен...» переводчику не во всем удалось передать мистическую атмосферу, таинственность сюжета. Помимо таких неточностей, как подмена слова «прах» словом «останки», стоит обратить особое внимание на перевод ключевого понятия, которое говорит о разном миропонимании автора и переводчика.

У Александра Блока «полный бессмертия дух» пришел к лирическому герою напомнить о себе, а в переводе – «вечная душа».

Таким образом, происходит подмена понятий, нетождественных у Александра Блока: дух, как правило, связан с вечностью, душа – с земным бытием. Кроме того, отметим и невозможное для блоковской Души мира слово «тело», которое появляется в переводе и лишает образ героини сакральности, представляя ее земной возлюбленной.

На примере перевода стихотворения « У дверей» можно наблюдать, как символический сюжет лирического произведения превращается при переводе в произведение скорее повествовательное, фабульное. Едва уловимые, ускользающие от читателя интерпретации поэтических смыслов выстраиваются в некую историю. При желании этот текст можно пересказать, что совершенно невозможно сделать с оригиналом.

Оригинал:

У дверей
Я один шепчу заклятья,
Двери глухо заперты.
Смутно чуются объятья,
В голове — Твои цветы.

Неизведанные шумы
За дверями чужды мне,
И пленительные думы —
Наяву, а не во сне.

Перевод Мастона Шерали

Дар паси дар ситода, ҳайронам,
Дар ба рӯям бубаста, ин манзил.
Мерасад бар машомам аз раҳи дур
Атри гул, накҳати ту, соҳибдил.
Андар ин осто ни бегона
Ман навоҳои тоза бишнида
Ин ҳама муъчиза на дар хоб
Ҳама дар зиндагист, эй, ҳамдам.

В переводе таджикского поэта Мастона Шерали рассказывается драматичная история столкновения героя и героини, чья душа

«исцелению не поддается». Герой пытается безуспешно спасти героиню от огня «странной страсти». У Александра Блока огонь, скорее, не земной, а небесный: «Огонь нездешних вожделений «Вздымает девственную грудь». Вновь происходит упрощение смысла поэтического образа – «нездешние вожделения», представляющие иллюзию на «любовь восходящую» (согласно смыслу любви Вл.Соловьева), подменяются только земной «странной страстью». Синтаксические конструкции также претерпевают изменения при переводе. Вместо риторического вопроса-восклицания: «Моей ли жалкой, слабой речи/ Бороться с пламенем твоим» появляется повествовательное предложение с придаточным союзом – «Чтобы справиться с твоим пламенем, использую жалкие слабые слова».

Наяву шепчу заклятья, —

Наяву со мною Ты.

Долгожданные объятья —

Не обманы, не мечты.

Перевод:

Ман ба ту рӯ ба рӯ сухан гӯям,

Тӯи дар рӯ ба рӯи ман, хандон,

Ман дар оғуши гарми ту сархуш,

Ин на хоб аст, на орзу, эй чон!

Сопоставляя, данное стихотворение русского поэта, можно прийти к такому выводу, что переводчик Мастон Шерали в целом правильно перевел произведение А.А.Блока, но встречается некоторые погрешности, например, во второй строчке:

Наяву со смою Ты

Таджикский поэт и переводчик Мастон Шерали добавляет слово «хандон», что означает «смеяться», которое не встречается в стихотворении

русского поэта.

Стихотворение «Тишина цветет» перевел на таджикский язык известный таджикский поэт Камол Насрулло в 1987 году.

Оригинал:

*Здесь тишина цветет и движет
Тяжелым кораблем души,
И ветер, пес послушный, лижет,
Чуть пригнутые камыши.
Здесь в заводь праздную желанье,
Свои приводит корабли.
И сладко тихое незнанье,
О дальних ропотах земли.*

Перевод Кутби Киром:

*Ин чо хамӯйӣ бишкуфад, таҳрик оварад
Бар ҷуссаи азамату зурӣ сафинаҳо.
Ҳамчун саги газандае лесад забони бод
Шохи наю қамиширо бе арзу муддао.*

*Ин чо сафинаҳо ҳама ором мешаванд
Машгули кору бори худ, бо базму айшу нӯши,
Ширин бувад ба гӯшае истода як нафас
Биинидани садои хок аз олами хамӯш*

При анализе этого перевода мы пришли к такому выводу, что перевод таджикского поэта Кутби Кирома является правильным, потому что он перевел произведения русского поэта с оригинальными словосочетаниями.

Стихотворение «Тишина цветет» первоначально называлось «Надпись на книге стихов», то есть провозглашалось своеобразной характеристикой

всей книги стихов Блока (имелась в виду его вторая книга стихов «Нечаянная радость»). Таким образом, некое пространство, описанное в стихотворении и характеризующее пространство второго стихотворного сборника Блока, вероятно, соотносилось им с загробным миром, прежде всего, каким он показан в цикле «Звезда Маир» и трагедии «Дар мудрых пчел».

*Здесь легким образом и думам
Я отдаю стихи мои,
И томным их встречают шумом
Реки согласные струи.
И, томно опустив ресницы,
Вы, девушки, в стихах прочли,
Как от страницы до страниц
В даль потянули журавли.*

В переводе стихотворения «Тишина цветет» таджикский поэт Камол Насрулло домысливает поэтический сюжет.

*Ин чо ба зарбу ҳарфи суст аз гояти худи
Ман шеърҳои хешро тақрор мекунам
Халқе ба шури васваса гӯяд варо накӯ,
Дарёи оғарин дижанд аз буду аз набуд.*

*Билкул ҳамонда миҷҷаҳо ин шухдуктарон
Ашъори тозаи маро хонанд, бо фараҳ.
Аз сафҳае ба сафҳае парвоз мекунанд,
Сафҳои турнаҳои ман монанди шабаҳ.*

В оригинале лирический герой спасается -пес послушный, в переводе – его спасает «саги газандае» злой пес. Кроме того, в блоковском стихотворении «пес послушный, лижет», с помощью которого герой притягивает, а в переводе мы читаем «њамчу саги газандае лесад забони бод (как злая собака лижет язык ветра) – не синонимы. Так, в тексте блоковского

стихотворения имплицитно передается разность героя.

И каждый звук был вам намеком

И несказанным каждый стих.

И вы любили на широком

Просторе легких рифм моих.

И каждая навек узнала

И не забудет никогда,

Как обнимала, целовала,

Как пела тихая вода.

В переводе эта скрытая антитетичность героев, объясняющая, почему их любовь лишена «света», почему она «темная», исчезает. То есть блоковская история любви без взаимности перерастает в историю любовного треугольника.

Ҳар як ҳичо ба тозаги, бахшад ба дил ҳавас,

Ҳар шеър чун пайки нав тобад зи осмон.

Билкул шумо ба шеъри ман ошиқ ҳамешавед.

Шеъре ки нашъа медихад бар ҷисми қалбу ҷон.

Ҳар кас варо чу ёри худ огуши мекунад,

Мегирадаш ба ҷони худ як умр то абад.

Мебӯсаду ба дидаш мемоладу ҳаме,

Чун оби ҷашмаҳои соғ чун мавҷи хирад.

Последнее четверостишие русского поэта от оригинала очень далеко и звучит по-другому. Здесь таджикский переводчик перевел по смыслу.

К переводам ранних стихотворений Александра Александровича Блока обращались и другие таджикские переводчики, например, В.Махмуд. Он переводил на таджикский язык русских классиков Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Блока.

В.Махмуд перевёл на таджикский язык такие стихи Александра Александровича Блока, как «В этот серый летний вечер», «Побег», «Каждый вечер, лишь только погаснет заря» и другие.

В стихотворении «В этот серый летний день» возникает образ черноокой Светланы, героини баллады В. Жуковского. Автор перевода попытался передать ритмическую динаминость оригинала, которая заимствована Александром Блоком у Жуковского. Но он не смог воспроизвести в переводе повторенную Александром Блоком невероятную подвижность стихотворного слога Жуковского, выраженную, в частности, в синтаксисе (тире, многоточия, восклицания).

Оригинал:

*В этот серый летний вечер,
Возле бедного жилья,
По тебе томится ветер,
Черноокая моя!*

*Ты в каких степях гуляла,
Дождалась до звезды,
Не дождавшись, обнимала
Прутья ивы у воды?*

Перевод В.Махмуда:

*Ин бегаҳи тобистон,
Дар кулбаяки вайрон.
Бод аст туро ҷӯён,
Эй ҷаимсиёҳи ман!*

*Паҳнои шумо боло шуд,
Пурахтару зебо буд.
Ҳамқадди ту шамиоду
Ҳамроҳи ту дарё буд.*

Стихотворение Александра Александровича Блока "В этот серый летний вечер" является представителем жанра пейзажной лирики.

Сюжет произведения повествует о виде летнего, августовского заката в поле. Характер описания спокойный, проникнутый грустью и смутной надеждой. Позднее лето определяется благодаря таким чертам, как: некошеная межа, песня жницы, сжатая рожь. Безличные предложения подчеркивают тишину и спокойствие природы, а в переводе В.Махмуда последнее четверостишие далеко от оригинала .

*Разлюбил тебя и бросил,
Знаю — взял, чего хотел,
Бросил, вскинул пару весел,
Уплывая, не запел...*

*Долго ль песни заунывной
Ты над берегом ждала,
И какой реке разливной
Душу-бурю предала?*

Стихотворным размером автором выбран четырехстопный ямб, в первом и третьем четверостишие рифма перекрестная, во втором - парная. Повествование ведется от лица лирического героя. Лирический герой Блока имеет настроение, связанное с тревогой и душевной непокоем. Пейзаж, наблюдаемый им, является поводом для яркого выражения желания устремиться к своей цели, стать свободным от рутинной жизни. Ключевыми словами, определяющими его настроение, стали существительные: вечер, ветер, звезда, вода, дремота, туман, дали, ночь, луна, закат. Кроме того, в последней строке возникает резкий подъем, устремление, озвученное с помощью побудительных фраз "Песни заунывной...", "Душу-бурю предала...". В итоге, если считать это возбуждение сильным вдохом на полную грудь, то в конце строчки "...навстречу ночи и луне!" является как-бы

выдохом, полным печальной мечты и безнадежности. Литературное направление стихотворения "Летний вечер" - романтизм, о чём говорит одухотворение целительной природы. Жанр - элегия (грустное настроение, сентиментальное описание природы и неосуществленное стремление к свободе). Однако таджикскому переводчику не удалось передать характерную для оригинала атмосферу святочных гаданий, таинственности фольклорных обрядов, особенно последнее четверостишие русского поэта.

*Бӯида туро чун ғул,
Афканд яке носард.
Дар ғӯшии дарёе
Истода чу санге сард.*

*Маҳзунӣ чи кор ояд,
Бар соҳили нав бингар.
Дилро ту ба тӯфон дех,
Тӯфон бувад эҳёгар.*

Мухаммад Гоиб, современный таджикский поэт и журналист, перевел на таджикский язык такие стихи, как «Оставь меня в моей дали» и «Незнакомка».

Оригинал:

*Оставь меня в моей дали,
Я неизменен. Я невинен.
Но темный берег так пустынен,
А в море ходят корабли.
Порою близок парус встречный,
И зажигается мечта;
И вот - над ширью бесконечной
Душа чудесным занята.*

Перевод Мухаммада Гоиба:

*Маро бигзор, дар саҳрои худ монам,
 Ба по истодаам, бе ҷурм инсонам,
 Агарчи тира метобад маро соҳил,
 Ба сӯи баҳр кишиҳо ҳамеронам.
 Даме бо бодбон наздик меоям,
 Яке бар синаам умед мебахшад.
 Нигар дар гунаи оби зумурадгун
 Чароги диддаам чун барқ мерахшад.*

Сопоставляя этот перевод раннего произведения Александра Александровича Блока на таджикский язык, видим, что безусловно, исчезли некоторые оттенки смысла, составляющие символическое содержание текста. Таджикский переводчик Мухаммад Гоиб при переводе на таджикский язык упрощает поэтический смысл, где теряется символическая многогранность и многосмысленность: вместо всеобъемлющего «вселенского света», указывающего не просто на яркий небесный свет, а на явление Души мира, преображающее мир и изгоняющее демоническую тьму, – просто «свет повсюду».

Оригинал:

*Но даль пустынна и спокойна -
 И я всё тот же - у руля,
 И я пою, всё так же стройно,
 Мечту родного корабля.
 Оставь же парус воли бурной
 Чужой, а не твоей судьбе:
 Еще не раз в тиши лазурной
 Я буду плакать о тебе.*

Таким образом, проанализировав переводы ранних произведений Блока, выполненные тремя разными таджикскими авторами и переводчиками, можно прийти к выводу об общих для таджикской культуры

тенденции перевода поэтического творчества Александра Александровича Блока. Причем эти тенденции оказываются, действительно, общими, вне зависимости от авторства поэтического переложения. Во-первых, вполне объяснимая и допустимая в труде переводчика неточность в денотации в случае с поэзией Александра Блока оборачивается значительным семантическим упущением. Речь идет о потере символических смыслов, когда намеренно непрограммированное проговаривается в переводе, разъясняется читателю. Тем самым у поэтического слова отнимается его потенция к многозначности. Другая сторона той же разности лексических наименований – упрощение смыслов, переход в плоскостные образы, уход от семантического объема. Тяготение переводчиков Александра Блока к разъяснению смыслов, к выстраиванию фабульных цепочек объясняется экстраверсивистическими особенностями восприятия творчества классика, стремлением дописать понятную арабскому читателю историю любви.

Перевод:

*Канори баҳр ором аст то ҳоло
 Бале, то ҳол ҷархонаш маро бар даст,
 Ҳамехонам суруди хеш ҳамвора,
 Ҳамегардам зи шавқи орзухо маст.
 Маро бигзор бо амвоҷи тӯфони,
 Ба тақдири қасе бози макун дигар,
 Дар ин ҳомушиҳои синафарсо ман,
 Бирезам ашк, дар ҳақи ту, эй дилбар!*

На примере нескольких стихотворений видно, как порой эта история обращает даже мелодраматическими подробностями, что вовсе не свойственно мировосприятию Блока, но так органично для менталитета восточной литературной культуры. Отсюда и уход от смысловой детализации, желание придать семантике слов ярко выраженную эмоциональность.

Таким образом, перед переводчиками А.Блока стояла трудная задача - впервые представить русского поэта таджикскому читателю. При этом нужно было показать А.Блока во всей неповторимости его творческой индивидуальности, донести до читателя музыку и очарование его стиха. Надо учесть и то обстоятельство, что в 30-е годы в Таджикистане еще не выросли кадры профессиональных переводчиков, можно сказать, отсутствовала теория вопроса. В этот период в Таджикистане еще недостаточно глубоко было изучено и наследие А.Блока. Создание же полноценного высокохудожественного перевода требовало всестороннего изучения творчества переводимого автора, знание языка, истории страны, быта, нравов народа, с языка которого перекладывается произведение.

Мы обратили особое внимание и на особенности мировоззрения переводимого автора, его жизненную позицию, взгляды на сущность бытия, историю, культуру. И чем ближе переводчику личность поэта, воплощенная в художественных образах, тем больше наблюдается совпадений перевода с оригиналом.

В процессе перевода поэтического наследия А.Блока возникают и другие проблемы, решение которых определяет, в конечном итоге, качество воссоздания, его адекватность оригиналу.

Так, вопрос передачи формы оригинала по сей день вызывает многочисленные споры. Его решают по-разному теоретики и практики художественного перевода. Одни считают, что подлинное воссоздание формы не всегда достигается точным следованием форме подлинника, другие придерживаются той точки зрения, что чем точнее передается содержание, тем адекватнее к оригиналу подбирается форма и т.п.

В каждом конкретном случае надо чутко улавливать в стихотворном произведении роль того или иного компонента формы, уметь выделить и систематизировать элементы текста, участвующие в сохранении его эстетического и эмоционально-экспрессивного восприятия. Этим, по

существу, определяется и выбор художественно-изобразительных средств и размера. Определение главного в форме дает возможность поступиться второстепенными элементами для более выпуклого, выразительного показа идейного содержания произведения.

Естественную спаянность формы и содержания нельзя механически перенести на иную языковую почву, где действуют свои формальные законы. Главным условием успешного решения этой теоретической задачи является передача национального своеобразия подлинника. Трудность передачи национальной специфики заключается в том, что нередко при отсутствии её четких определенных контуров она тем не менее присутствует во всей художественной ткани произведения, в первую очередь в языке. Отсюда одной из важных проблем становится воссоздание национального колорита, воспроизведения его на языке, отличающемся от языка оригинала своими лексико-грамматическими законами. Говоря о воспроизведстве национального колорита, нельзя обойти и вопрос о реалиях, имеющихся в языке каждого народа и означающих только ему свойственные явления и предметы. Замена реалий оригинала реалиями языка перевода, к примеру, таджикского языка, приводит к искажению национальной специфики переводимого произведения, поскольку в картинах русской действительности неожиданно появляются предметы, явления, понятия, характерные для жизни, быта и эстетических представлений таджиков.

В связи с тем, что объектом исследования являются лирические произведения, особое внимание в главе уделяется использованию переводчиками соответствующих изобразительно-выразительных средств. В лирических произведениях поэтические элементы, как правило, необычны, нередко носят отвлеченно-абстрактный характер и поэтому трудны для перевода. Задачей переводчика является всестороннее отражение образно-художественной системы подлинника во всех параметрах: объеме, форме, звуках, цвете и т.д., с учетом того, что в процессе перевода происходит

реконструкция образа и возможны его различные изменения- как во внешнем, так и внутреннем выражении. Учитывая вышесказанное в главе предпринимается попытка рассмотреть поэтику осуществленных таджикскими мастерами переводов лирики А.Блока, показать воссоздание ими образно-звуковой, ритмико-интонационной и языковой структур на другом в данном случае на таджикском языке.

2.3.Поэма Александра Блока «Возмездие» и ее переводы на таджикский язык

Александр Блок – лирик,– один из русских поэтов, который привлекал внимание таджикских переводчиков, но не менее значимой оказывается другая интенция блоковского творчества – его чуткая реакция на события русской жизни, прежде всего, русскую революцию. Не случайно таджикские поэты взялись за перевод поэмы «Возмездие» (1910), в которой отразились события первой русской революции. Рассмотрим перевод поэмы Александра Александровича Блока «Возмездие» на таджикский язык Кутби Киромом.

Поэма «Возмездия» – одно из последних поэтических творений Александра Блока – относится к числу наиболее совершенных и спорных его произведений. Дискуссии, начатые при жизни Блока его современниками, по-разному истолковавшими замысел поэмы, ключевые образы и мотивы, смысл названия, авторскую позицию, особенно, появляющийся в финале образ Христа, продолжаются и в следующем столетии, вовлекая в свою орбиту новые поколения исследователей, пытающихся разгадать загадку «Возмездие». Подробный анализ реакций на поэму Блока представлен в таких исследованиях, как, например: Смола О. П. «Черный вечер. Белый снег...»: Творческая история и судьба поэмы Александра Блока «Возмездие».

Художественный перевод – это, как известно, и своеобразная интерпретация. Однако особенности каждого языка, как и специфика национального мировидения, личность переводчика не могут не сказаться на тонкостях перевода - интерпретации. Характерный пример – перевод поэмы «Возмездие» на таджикский язык, выполненный в 1987 году Кутби Киромом, известным таджикским поэтом и крупнейшим современным переводчиком русской литературы на таджикский язык.

Таджикский поэт Кутби Киром перевел всю поэму, однако мы остановимся подробно только на первой главе – экспозиции к той трагедии, которая неизбежно должна произойти на улицах полночного зимнего Петрограда. Как отмечали исследователи, Блок уже в первой части опорными делает те образы, которые указывали на соотнесенность одного из полночных эпизодов из жизни дореволюционного Петрограда с историей мира и с евангельскими событиями поэмы. Это, прежде всего, черно-белая цветовая гамма, которая позволяет автору «обозначить символический колоративный параллелизм с новозаветной историей» [183, с.60]

В прологе Александр Блок писал:

Жизнь - без начала и конца.

Нас всех подстерегает случай.

Над нами - сумрак неминучий,

Иль ясность божьего лица.

Но ты, художник, твердо веруй

В начала и концы. Ты знай,

Где стерегут нас ад и рай.

Тебе дано бесстрастной мерой

(Т. 3. С. 301)

Перевод Кутби Кирома:

Зиндагиро аввалу охир набошад,

Ҳеҷ қас аз ғам намеёбад раҳоӣ.

Бар сари мо осмони тира тобон?

Ё дурахие бошад аз нури илоҳӣ?

*Офариғоро, ту моро саҳт омурз,
Ибтидою интиҳоят дар кучост?
Дар кучо моро ба дузах мебаранд,
Дар кучо ҷаннат ба истикболи мост?*

[229, с.15].

Жизненные образы, открывающие повествование, – не только фон, на котором происходит действие. Природа – такая же участница трагических событий, как и тот хоровод действующих лиц, с явной иронией и даже сарказмом описанный автором уже в первой части: буржуй, барыня в каракуле, «товарищ поп», писатель-вития, проститутки. Все эти персонажи превращают Петроград не только в «страшный мир», но в антимир.

Таджикский поэт Кутби Киром скрупулезно работает над каждым словом. Так, он отказывается от слова «сумрак неминучий», и слова «веруй», считая, что оно придает образу иное освещение. Для большей выразительности он использует «тира тобон»— «омурз», слово, которого нет в подлиннике, но оно логически обусловлено ранее所说的 о русской речи, и потому удивительно верно, в духе оригинала. Остается лишь признать, что «нури илохи» — счастливая находка таджикского переводчика, но таджикский поэт-переводчик последнюю строчку не переводил на таджикский язык:

Тебе дано бесстрастной мерой

Так, уловив главное, переводчик сумел предельно приблизиться к подлиннику. А такие находки, как «аввалу охир», «нури илохи», «набошад», делают повествование субъективно-лирическим, придают ему ту эмоциональность, которая является характернейшей чертой лирики А.Блока.

Оригинал:

*Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд - да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты -
И ты увидишь: мир прекрасен.*

Перевод:

*Шини мизони, ҳакикат дар кафат,
Тоза баркаш, ҳар чи ояд бар назар,
Ҳарчи раҳ омад бувад дар саҳфа хат зан,
То ҷаҳон тобад ба мо хушируйтар.*

Сопоставляя следующее четверостишие русского поэта можно прийти к такому выводу, что перевод таджикского поэта Кутби Кирома и здесь далек от дословности, но в каждом отрезке стихотворения воспроизводится основное, индивидуально-характерное. Так, во 2-м четверостишие дан образ Родины, как женщину, ты родину любил, а у таджикского переводчика звучит по-другому. У читателя даже могут возникнуть совершенно противоположные мысли и представления. Например, переводчик говорит о русской речи—«Шини мизони, ҳакикат дар кафат» и слово «раҳ омад». Словосочетание «Тоза баркаш»—в понимании таджикского читателя по традиции всегда ассоциируется с понятием высокого, благородного, чистого веса.

Таджикский переводчик Кутби Киром перевел содержание отрывка буквально—другим словом. Очевидно, он должен был переводить не прямое значение слов, взятых в отдельности, а исходя из общего смысла произведения.

Так, дословный перевод лишь отдаляет от оригинала, а поиски эквивалента не образу, а каждому слову, без учета их экспрессивной окраски, всегда приводят к творческой неудаче. Еще В. Г. Белинский писал: «Близость к подлиннику состоит в предании не буквы, а духа создания. Каждый язык имеет свои, ему принадлежащие средства,

особенности и свойства до такой степени, что для того, чтобы передать верно образ или фразу, в переводе иногда их должно совершенно изменить. Соответствующий образ так же, как и соответствующая фраза, состоит не всегда в видимой соответственности слов: надо, чтобы внутренняя сила слова, переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинала». [18, с.26.]

Дополнительные и крайне значимые коннотации все опорные образы пролога, становящиеся ключевыми во всей поэме, обретают в контексте блоковской «трилогии вочеловечения»; вечер – время судьбоносное, неизменно переломное для лирического героя Блока: это время или мистической встречи с Душой мира, когда героя ведут надежды на преображение мира, или с ее лживым подобием – героиня (или Зигфрида), и тогда он признает невозможность преображения. Ветер – также ключевой образ в блоковской «трилогии вочеловечения»: он медиатор между реальным и реальнейшим мирами, он или «доносит звучные песни» Души мира, или гуляет над «мехом голубым» ее иллюзорного подобия – Снежной девы.

Оригинал:

Познай, где свет, - поймешь, где тьма.

Пускай же всё пройдет неспешно,

Что в мире свято, что в нем грешино,

Сквозь жар души, сквозь хлад ума.

Перевод:

Нурро ки дарк кардӣ, тирагӣ гардад аён,

Мон ки ҳарду аз сари мо бигзаранд,

Ҳарчи дар дунё ҳалол, ё ки ҳаром аст,

Дар миёни отаии дилҳо раванд.

В переводе данного четверостишья переводчик допустил ошибку в словосочетании «Пройдет неспешно», что переводе таджикского поэта Кутби Кирома «аз сари мо бигзаранд», а также последние строчки русского поэта

«сквозь жар души, сквозь хлад ума» в переводе на таджикский язык звучат по-другому «дар миёни оташи дилҳо раванд».

Снег – в контексте блоковской лирики и эпистолярии также обретает двойной смысл, выступая и знаком чистоты, и знаком смерти. И эти «блоковские» коннотации позволяют увидеть уже в экспозиции возможность двойного истолкования разворачивающихся событий и как свидетельства приближающегося преображения мира, и как власти над этим миром демонических сил, разгула бесов. Та же трагическая двойственность – в черно-белой цветовой гамме, доминирующей в первой части.

Оригинал:

Так Зигфрид правит меч над горном:

То в красный уголь обратит,

То быстро в воду погрузит -

И зашипит, и станет черным

Перевод:

Ҳамчунин шамшер ронад Зигфирд дар кӯҳҳо,

Як даме бо бурҷи сурху як даме бо об созад,

Як даме бо хеш мечӯшад ва мегардад сиёҳ,

Ҳар кӯҷо ӯ хештандро бо дами ханҷар бибозад.

На черно-белом фоне и предстают те петербургские типы, которые оказываются сметены, «скошены», по блоковскому выражению, страшным и торжественным шествием стихии-Революции, неумолимой, как стихии природные, и столь же беспощадной, но способной и очистить мир.

Любимцу вверенный клинок...

Удар - он блещет, Нотунг верный,

И Миме, карлик лицемерный,

В смятенье падает у ног

Как представляется, именно богатство реалий петроградской жизни в этой

части поэмы о жизни наиболее соответствовало предпочтениям и таджикского переводчика, и таджикских читателей, с характерным для них тяготением к реализму. Это тяготение во многом определило и особенности перевода блоковской поэмы, которая истолковывается в реалистическом ключе.

Следует отметить, что специфическое восприятие перевода и те требования к нему, которые традиционно сложились в таджикском переводоведении, не могли не сказаться на изменении замысла поэмы в таджикской интерпретации. Лексическое богатство, использование слов, принадлежащих к разным лексическим сферам (поэтические, устаревшие слова, разговорные слова, сниженная лексика) – все способствовало в блоковской поэме воссозданию языковой разноголосицы, также позволившей создать образ «взвихренной Руси». У таджикского переводчика важные коннотации исчезают, так как таджикский перевод осуществляется только на литературном языке. Например, блоковский «буржуй» в переводе утрачивает ироническое звучание: это – буржуа. Исчезает ирония в описании таджикского переводчика. Рецепция произведений Александра Блока о русской революции в литературах стран Востока «товарища священника», во многом создававшаяся благодаря почти оксюморонному соединению слов «товарищ» и «священник», настойчиво повторяемому слову «брюхо», соединяющемуся с «крестом».

В таджикском переводе это описание сохраняет яркость, но утрачивает иронию именно потому, что сниженная лексика заменяется нейтральными словами. Например:

Оригинал:

Кто меч скует? – Не знавший страха.

А я беспомощен и слаб,

Как все, как вы, - лишь умный раб,

Из глины созданный и праха, -

*И мир - он страшен для меня.
Герой уж не разит свободно, -
Его рука - в руке народной*

В переводе Кутби Кирома:

*Кист он шамшерсози дур аз тарсу ҳарос,
Бинад ин ҷо ман, ҳақиҷу нотавон афтодаам,
Чун шумо, чун дигарон ман ҳам гуломи пурхираð,
Қ-аз гилу аз хок пайдо гаштаам.
Ин ҷаҳон даҳшатсаро тобад ба ман ҳам.
Қаҳрамон он нест,
Танҳо ҳар кӯҷо пайдо шавад,
Қаҳрамон онесть бо ҳалқи худаи ҷо бувад*

Столь же ироничным в оригинале было и описание выступающего на митинге оратора, гласящего о гибели России, которого поэт назвал «витией», словом книжным, устаревшим и, вероятнее всего, призванным подчеркнуть несоответствие книжных «словес» пафосу происходящего.

Оригинал:

*Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каждой -
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой...
Кто нанесет ему удар?..
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
И пахнет гарью. Там - пожар.*

В таджикском переводе это – только поэт, и даже экспликация, замена безэквивалентного слова «вития» лексическим словосочетанием («язык красноречив») не позволяет передать авторскую иронию по отношению к

оратору.

Перевод:

*Бар сари дунё ситода бурчи оташ,
 Ҳар ки як дунё дигар гашта ҳоло,
 Ҳар ки бо иқболу бо идбори худ банд,
 Кай, ҳабар дорад зи кору бори дунё...
 Аждаҳое ташна коми худ кушода,
 Аврупоро бар фуру бурдан шитобад,
 Мо ҳама васвосии шайтони хешем,
 Нест шахсе, ки ба қавли аждаҳо ҳанҷар кашиад.*

Таджикского переводчика в большей степени заботила максимально точная передача содержания оригинала. Автор, создавая буквальный перевод, единицей перевода делает слово, он стремится найти точные таджикские аналоги блоковским опорным словам, хотя те дополнительные, крайне важные коннотации, которые имеют эти слова в блоковском творчестве, их символический смысл, то, что Вяч. Иванов называл «реальнейшим», почти полностью исчезают: ветер – это только ветер, как и ночь (заменившая блоковский вечер), и снег.

Оригинал:

*Но песня - песнью всё пребудет,
 В толпе всё кто-нибудь поет.
 Вот - голову его на блюде
 Царю плясунья подает;
 Там - он на эшафоте черном
 Слагает голову свою;
 Здесь - именем клеймят позорным
 Его стихи... И я пою, -
 Но не за вами суд последний,
 Не вам замкнуть мои уста!..*

Таджикский переводчик Кутби Киром точно воспроизводит пейзаж блоковской поэмы, но воспринимает его именно как реальную картину дореволюционного Петрограда.

*Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни
Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе*

И все же, несмотря на неизбежные при переводе символистского текста утраты, следует признать способность переводчика воссоздать именно блоковскую, наполненную контрастами, яркими реалиями картину полночного Петрограда, где соединяется смешное и серьезное, трагическое и комическое, высокое и низкое.

Оригинал:

*Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!
В ночь умозрительных понятий,
Матерьялистских малых дел,
Бессильных жалоб и проклятий
Бескровных душ и слабых тел!*

Те же выводы можно применить и к переводу других частей поэмы «Возмездие». Например, первая глава этой поэмы в переводе:

*С тобой пришли чуме на смену
Нейрастения, скука, сплин,
Век расшибанья лбов о стену
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,*

*Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций,
И малодейственных умов,
И дарований половинных
(Так справедливей - пополам!),*

Перевод Кутби Кирома:

*Асри нуздаҳ – асри пуркору балохезу фалокат,
Асри сангинсина – асри дастҳои оҳанин...
Тирашибҳои ту чун фикри гадотабъон бувад,
Ҳар киро афгор аз як пои муре беш нест,
Нолаҳо сустанду бетаъсиру якрангу ҳазин,
Бо тани абгор ҳар кас аз тани худ хеш нест.*

*Бо ту дард омад, бало омад, вабою ҷоду ҳам,
Бо ту дил лабрез шуд аз гуссаю ғамҳои дерин.
Асри қашшоқиву асри дому тазвирҳо туи
Асри саркуби ба деворҳои хунолуду сангин,
Асри Банку Конгрессу ташкилотҳои зиёд,
Асри баҳсу асри ҷанҷолу суханҳои ҳаводор,
Асри пулбози, фиреби ёвару додар- бародар,
Асри эҳсоси шикаста, асри идроки нагунсор.*

Как можно увидеть, таджикский переводчик Кутби Киром предельно точен, когда переводит те места поэмы, где упоминаются конкретные реалии петербургской жизни XIX века.

Оригинал:

*Век не салонов, а гостиных,
Не Рекамье, - а просто дам...
Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).*

Под знаком равенства и братства

Здесь зрели темные дела...

А человек? - Он жил безвольно:

Не он - машины, города,

"Жизнь" так бескровно и безбожно

Пытала дух, как никогда...

Перевод:

Асри эъчози тамаддун нест, асри кучагӣ,

Асри хонумбаччаҳо?

На! Асри аҳли бевазан!

Асри давлатдории як-ду ҳасиси нобакор,

Чуз газаб дигар намеруяд гиёҳ аз ин чаман.

Бо шиори «додари»-ю «яктани»- ҳо ҳар куҷо,

Кору ниятҳои бад бар руи даврон омада.

Одам – ин шаҳбози сарозоди дунёи кабир,

Ҳамчу мошин дар раҳи бероҳа сарсон омада.

Ин қадар беражму макаккорона, эй гардуни дун,

Монда зери чархи оҳан руҳи моро тоб доди.

Так же добросовестно Кутби Киром переводит и другие части поэмы, например, вторую главу, начинающуюся с описания дальних годов.

Когда в тексте Александра Александровича Блока появляются реалии-символы, таджикский переводчик Кутби Киром стремится их разъяснить, но указывает, как правило, на тот символический смысл, который может быть понятен таджикскому читателю. Так разъясняется, например, образ грозного Петербурга, как символа старой эпохи во второй главе поэмы «Возмездие» Александра Александровича Блока.

Оригинал:

*В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только - тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи*

Перевод Кутби Кирома:

*Солҳои тираву гунги гузашта, чун қазо,
Дар дили мо гуссаю ғам, ҳукми шаҳ буд.
Душмани нопок бар души Россия шишита умре
Ҳамчу як бори гарон бар души мо абри сияҳ буд.*

*Фарқи рӯзу шаб набуд
Бар ҷаими кас дар он замон,
Сояҳои гафсу шум истода дар ҳар раҳгузар,
Россияро пахш карда дар паноҳи хештан
Хеш мекарди ба ҷаимонаши ба истеҳзо назар,
Бо ду ҷаими шишиаш алмосранги ҷодугар.*

Таким образом, перевод поэмы «Возмездие» Александра Александровича Блока, переведенной в 70-90-е годы XX века, несмотря на недостатки, связанные с отсутствием опыта, не сильно отличается от стиля переводов, сделанных в последние годы XX века.

Оригинал:

*Стеклянным взором колдуна;
Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно, -*

*И затуманилась она,
Заслав надежды, думы, страсти...
Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти*

И самое важное, что взявшись за переводы произведений А.А.Блока на родной язык, таджикский поэт Кутби Киром переводчики Камол Насрулло, Искандар Идиев, Шерали Мастон, Кутби Киром, Фируз Бахром не только дали возможность таджикскому читателю познакомиться с творчеством этого выдающегося мастера поэмы и стихотворения, но и сами прошли у него школу подлинного мастерства.

Перевод:

*Гуши бар афсонаҳои шаккарин андохта,
Нозанинро хоб меояд ба ҷашмони хумор,
Гар умеди орзухои ҷавонаши хуфтаанд,
Боз дорад боз бо ҳуд рангу рӯи навбаҳор.*

*Гар ба ҳукми ҷодугар афтод, аммо ҳеҷ гоҳ,
Ҳеҷ қасро қудрате набвад, ки ӯро банд созад*

Оригинал:

*Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный...
Колдун одной рукой кадил,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но -
Он клал другой рукой костлявой*

Живые души под сукно.

Перевод произведений русской литературы на таджикский язык явился одной из действенных форм, способствовавших росту таджикской реалистической литературы. Наряду с разнообразными романтическими традициями таджикской классической литературы и фольклора, перевод лучших произведений русской литературы явился одним из основных факторов формирования и развития, обогащения форм реалистической прозы и поэзии в таджикской литературе.

Перевод:

*Дастҳои оҳанин бишкаст дар бозӯи ў
Паҳлавоне инҷуниро, ки чи сон побанд созад?
Дода сар дуди кабуде ҷодугар аз дасти чап,
Чор суро тира карда пеши чаими одамон.
Лек бо дасти дигар ў ҷону рӯҳи зиндагонро
Мерабуду менамуд аз ҳалқ пинхон.*

Таким образом, история таджикского художественного перевода и в связи с ней проблемы взаимосвязи, взаимодействия и взаимообогащения родственных литератур, в нашем случае - многовековые контакты между таджикской и русской литературой - до настоящего времени малоисследованная проблема в таджикской литературе. Таджикское литературоведение располагает большим количеством трудов, в которых данная проблема рассматривалась на примере творчества отдельного поэта или писателя и перевода его произведений в разрезе историко-сопоставительного анализа одной работы, хотя и здесь пробелов еще немало, не достигнут все еще уровень изучения вопроса в комплексе, например, по этапам возникновения, становления, совершенствования и обновления контактов в контексте общественно-политического развития, происходящих перемен и преобразований в обществе и самой природе литературных взаимоотношений. По всей видимости, к таким поискам в литературе пока

не приступили по причине отсутствия надлежащей научной базы. Наука все еще остается во власти синхронного изучения истории художественно-эстетических связей, занята локальными проблемами, что вполне закономерно.

Таким образом, сопоставление литератур и культур охватывает различные проблемы, начиная от общности мифов и кончая различными новейшими жанрами письменной литературы. Раскрытие, например, роли перевода и его влияния на формирование новых жанров и форм в той или иной литературе, выработка новых стилей в ходе сложнейших переплетений проблем - дело нелегкое. Несмотря на то, что уяснена общая методология историко-типологического сопоставления культур, однако точное определение в этом пространстве места перевода вообще и роли художественного перевода в частности требует скрупулезного анализа огромного материала.

Подводя итог, мы можем установить, что целый ряд таджикских переводчиков еще недостаточно хорошо вдаются в стихотворной техникой и поэтому в переводах произведений А.Блока на таджикский язык встречается достаточно ошибок, где стихи русского поэта звучат на таджикском языке по-другому, так как перевод должен оказывать то же эмоциональное воздействие, что и оригинал – иначе задача перевода не будет выполнена.

2.4. Кутби Киром и переводы произведений Александра Блока на таджикский язык

В начале 70-годов XX века на таджикский язык были переведены следующие стихотворения Александра Александровича Блока «Под масками», «Город в красные пределы» и «Памяти А.А.Фета». «Жизнь как загадка темна», «Артистка», «Весна в реке ломает льдины», «На могиле друга», «Накануне XX века», «Е.А.Баратынскому» и другие.

Надо отметить, что в картине мира, которую создал Александр Блок становятся иные звуковые символы: не песня и смех, как в первом томе

блоковской лирики, а «визг», «окрики пьяные», «детский плач» и т.д. И завершает эту картину безыдеального земного существования столь же безыдеальный небесный образ – образ луны-диска, «бессмысленно кривящегося». Метафора луна-диск подчеркивает безжизненность небесного тела, некогда опоэтизированного поэтом как Российская Венера, а глагол «кривится» уподобляет луну – маске, что акцентирует не только мысль о дисгармонии, но и о смерти. Еще более усиливает мысль о безыдеальности мира лейтмотив «И каждый вечер», указывающий на однообразие и повторяемость и земного уклада, и жизни неба. В этот безыдеальный мир органично входит и ресторанная жизнь, подчиняющаяся тому же закону повторяемости. Этот мир отмечен не только однообразием: он кажется и лишенным жизни. На мертвеннсть этого мира указывает и описание лакеев, которые «торчат» у столиков и кажутся абсолютно неразличимыми, одинаковыми, как и завсегдатаи ресторана – «пьяницы с глазами героя» . [51,с.10].

Александр Блок вошел новатором в русскую литературу. Он объединил в своем творчестве правдивое изображение тяжелейших условий жизни низших слоев общества с высокой мечтой о новом человеке – сильной и свободной личности, способной повести за собой людей.

В нашей работе исследуются переводы Кутби Кирома и поиски переводчиком адекватных образов и художественных эквивалентов в процессе перевода оригинальных произведений Александра Блока на таджикский язык. Особое место в переводе русского поэта на таджикский язык занимает Кутби Киром. Таджикский поэт Аскар Хаким в своей книге «Творцыозвучий: Мотивы восточной поэзии» писал: «Некоторые удачи в обращении к восточной теме были и у Кутби Кирома, поэта, который отличается не только яркой экспрессивностью почерка, но и горячим стремлением слить голос лирического героя с голосами трудовых современников» [10,с.106].

Киром перевел на таджикский язык следующие стихи русского поэта:
 «Жизнь как загадка темна», «Артистка», «Весна в реке ломает льдины»,
 «На могиле друга», «Накануне XX века», «Под масками», «Город в красные
 пределы», «Памяти А.А.Фета», «Е.А.Баратынскому».

Первое стихотворение цикла «Стихи о Прекрасной Даме» «Жизнь, как
 загадка, темна» отчетливо обнаруживает эти планы и обозначает тему пути
 как внутреннего развития, которая будет развиваться на протяжении всей
 трилогии.

Александр Блок писал:

*Жизнь, как загадка, темна,
 Жизнь, как могила, безмолвна,
 Пусть же пробудят от сна
 Страсты порывистой волны.
 Страсть закипела в груди —
 Горе людское забыто,
 Нет ничего впереди,
 Прошлое дымкой закрыто.*

Обратимся к переводам ранних стихотворений Александра
 Александровича Блока, которые выполнил таджикский поэт Кутби
 Киромом.

Перевод Кутби Кирома:

*Зиндагӣ мисли муаммоест тира,
 Зиндагӣ хомуши ии ғурона дорад.
 Як садоे ҳоҳаме аз сина ҳезад.
 Як навое ҳоҳаме ки раҳ супорад.*

*Синаҳо лабрез аз ғамҳои дерин,
 Мардуме бечарову афтода ғамгин.
 Аз раҳи оянда н-ояд порае нур*

«С января уже начались стихи в изрядном количестве...» Одно из них впоследствии откроет первый том его лирики.

В этом переводе таджикского поэта встречаются неправильные переводы русского А.Блока на таджикский язык. Например строки:

Пусть же пробудят от сна

Страсть закипела в груди-

В переводе на таджикский язык звучат по-другому:

Як садое хохаме аз сина хезад.

Як навое хохаме ки рах супорад.

Строчка «горе людское забыто», в переводе на таджикский язык переведена неправильно «мардуме бечарову афтода гамгин», а словосочетание «дымкой закрыто» в переводе на таджикский язык «абри сангин».

Только тогда тишина

Царствует в сердце холодном;

Жизнь, как загадка, темна,

Жизнь, как пустыня, бесплодна.

Будем же страстью играть,

В ней утешенье от муки.

Полно, глупцы, простираять

К небу безмолвному руки.

Перевод:

Дасту дил ар сард бошад, аз ҳаёт,

Орзу монад даруни қалби бедор,

Зиндагӣ мисли муаммо тира гардаӣ,

Марг ҳам ояд, ба одамҳо музaffer.

Худгӯдози, хешсӯзи лозим аст,

*To гам аз дилҳои мо берун равад.
Одами бояд ба ин бозуву даст
Хок гирад, озими гардун шавад.*

Стихотворение Александра Александровича Блока «Жизнь, как загадка, темна» не только о любви, но и о мраке: «Пусть светит месяц — ночь темна... Ночь распостерлась надо мной... В холодной мгле предрассветной...»

Оригинал:

*Вашим умам не дано
Бога найти в поднебесной,
Вечно блуждать суждено
В сфере пустой и безвестной.*

*Если же в этой пустой
Жизни есть наслажденья,—
Это не пошлый покой,
Это любви упоенье.*

Таджикский поэт Кутби Киром перевел стихотворения Александра Александровича Блока «Жизнь как загадка темна...» на таджикский язык более деликатно:

Перевод:

*Лек бо ин фурсату ақли шумо
То худо рафтан бувад душвор кор,
Гирди худ гаштан чу санги осиё
Офарида бар шумо парвардигор.
Дар ҳамин сон зиндагии бесубот,
Нашъае дидед, ороми агар.
Нест ин умри шумо — бори ҳаёт,*

Ин бувад маргест марги беасар,

Первые переводы с языка оригинала были выполнены в 1952 году таджикским поэтом Кутби Киром, озаглавившим свою публикацию «Влюбленный поэт».

Оригинал:

Артистке

Позволь и мне сгорать душою,

Мгновенье жизнь торжествовать

И одинокою мечтою

В твоем бессмертье ликовать.

Ты несравненна, ты – богиня,

Твои веселье и печаль –

Моя заветная святыня,

Моя пророческая даль.

Позволь же мне сгорать душою

И пламенеть огнем мечты,

Чтоб вечно мыслить пред собою

Твои небесные черты.

В переводе Кутби Киром :

Иноят кун, ки дар ин зиндагӣ чун ту

Мани бечора ҳам пурсӯзу соз оям,

Шаҳиди орзухои навин гардам,

Дари умри абад бар пеш бикиоям.

Туро навбад шабехӣ, ту худованӣ,

Ба шодию гами ту саҷда меорам,

Умеди ман – нигоҳи ғамзапардозат

Биҳшисти ман – дили бебоку ғамхорат.

Ҳамехоҳам, ки бошам гарқи анворат,

*Бисұзам дар паноҳи орзұ—умед.
Нишинам, пеши ту андеша оројам,
Кашам акси туро чун духтари хуриед.*

Цикл «Снежная Маска», созданный Блоком в период с 23 декабря 1906 по 13 января 1907 г., включает в себя тридцать стихотворений. Он посвящен Наталье Николаевне Волоховой, артистке театра Комиссаржевской, с которой Блок познакомился в октябре 1906 г., в период постановки драмы «Балаганчик». Волохова была молода, необыкновенно красива и к тому же талантлива. В первой постановке «Балаганчика» она играла одну из масок.

Первое стихотворение сборника «Артистке», датированное 29 декабря, называется «Снежное вино» и входит во вторую книгу стихов. Тема – любви.

*Позволь и мне сгорать душиою,
Мгновенье жизнъ торжествовать
И одинокою мечтою
В твоем бессмертье ликовать.*

Перевод

*Иноят күн, ки дар ин зиндаги чун ту
Мани бечора ҳам пурсұзу соз оям,
Шаҳиди орзұхон навин гардам,
Дари умри абад бар пеш бикиоям.*

И дальше:

*Ты несравненна, ты – богиня,
Твои веселье и печаль –
Моя заветная святыня,
Моя пророческая даль.*

Перевод

Туро нағбад шабеҳи, ту худовандай,

Ба шодио гами ту сачда меорам,

Умеди ман – нигоҳи гамзапардозат

Биҳшиити ман – дили бебоку гамхорат.

Блок всегда был поэтом ветра. И женщина, к которой он чувствовал страсть, была для него неотделима от ветра:

Позволь же мне сгорать душиою

И пламенеть огнем мечты,

Чтоб вечно мыслить пред собою

Твои небесные черты.

Перевод

Ҳамехоҳам, ки бошам гарқи анворат,

Бисӯзам дар паноҳи орзу – умед.

Нишинам, пешии ту андеша оројам,

Кашам акси туро чун духтари хуршиед.

В «Артистке» женщина, страсть и метель нераздельны:

Я опрокинут в темных струях

И вновь вдыхаю, не любя,

Забытый сон о поцелуях,

О снежных вы沟ах вокруг тебя.

Перевод:

Ман шарораи обҳои худро,

Аз сари нав нафас мегирам, бе муҳаббат

Бусаҳои дар хоб фаромӯши шуд,

Бо шамолҳои барфин дар атрофи ту.

Стихи, посвященные Н.Н.Волоховой, поражают своей автобиографической точностью, даже в деталях: так, змейка на носке ботинка («Сквозь винный хрусталь») — вполне реальная змейка, которой

были украшены туфли артистки. Но в стихотворении эта деталь воспринимается иначе — как притаившаяся угроза, опасность:

Оригинал:

*Своей улыбкою невинной
В тяжелозмейных волосах
И ты смеешься дивным смехом,
Змеишься в чаше золотой,*

Перевод:

*Бо хандаи худ гунаҳкорам
Дар мӯйҳои мормонанди ту,
Ва бо хандаи аҷибат
Ҳамчу мор дар косаи тилло.*

Сопоставляя, четверостишие русского поэта мы встречаем в переводе неверные строчки:

Своей улыбкою невинной
В тяжелозмейных волосах.

Перевод:

Бо хандаи худ гунахкорам
Дар муйҳои мормонанди ту,

В последних строчках переводчик пропустил сказуемое «мепечи»:
Хамчу мор мепечи дар косаи тилло

Стихия любви и природы воспринимается поэтом как дисгармония, покоя нет. Страх, неуверенность (Ты поселила в сердце страх) передаются через природные образы — И над твоим собольим мехом / Гуляет ветер голубой. В стихах этого периода преобладают мотивы огня, выюги, хаоса, масок как символа утраты.

Ключевым в цикле является существительное «артистка», оно вынесено в заголовок цикла «Артистке» и в отдельных его стихах «Артистка», «Снежная вязь», на него падает основная смысловая нагрузка. Исследователи называют этот цикл «стихийным», и это не случайно, т.к.

стихия здесь находится на грани реальности и символа. Для обозначения основной темы цикла «любви-страсти», которой лирический герой подчиняется против своей воли (И вновь вдыхаю, не любя), автор создает символические образы снежной выюги, снежной метели, снежных вихрей, которые становятся центром тематического поля любви: Забытый сон о поцелуях, /О снежных выюгах вокруг тебя (II, 8 и др.)

Эти стихи о женщинах-вине, о женщинах-змее. Поэт уговаривает себя спокойней, без тревоги присмотреться к образу, возникающему перед ним в снежной метели. Лицо «темноокой девы» — загадочно и грозно. А. через год он писал:

*И я провел безумный год
У шлейфа черного...*

К переводу стихотворения Александра Александровича Блока «Весна в реке ломает льдины...» таджикский поэт Кутби Киром подошел более деликатно: произведение русского поэта переведено почти дословно, без сюжетных домысливаний и излишнего драматизма.

Александр Блок писал:

*Весна в реке ломает льдины,
И милых мертвых мне не жаль:
Преодолев мои вершины,
Забыл я зимние теснины
И вижу голубую даль.*

Перевод Кутби Кирома

*Яхи дарё шиканад фасли баҳор,
Заррае лек насӯзад дили ман.
Ки раҳо гаштам аз маҳбасу дай.
Нигарам сӯи фазо чун ба чаман.*

В стихотворении «Весна в реке ломает льдины...» выражение «Моисеев куст» олицетворяет божественную силу, которая может даровать человеку и

божественный дар, и удар. Поэт показывает двоякую сущность «неопалимой купины». На связь «Моисеева куста» с Библией указывает включение в текст имени библейского героя Моисея.

Оригинал:

*Что сожалеть в дыму пожара,
Что сокрушаться у креста,
Когда всесильно жду удара
Или божественного дара
Из Моисеева куста!*

Перевод:

*Дуди сухтор нагирам бар ёд,
Хешро гум накунам пеши Салиб.
Аз фалак зарба умедам ҳар дам ;
Ё худодода чаҳоне хуррам.
Аз асои кафи Мӯсои кардам.*

Однако при его переводе невозможно сохранить все дополнительные смыслы, в частности, создаваемые с помощью по-весеннему звучащей аллитерации. Кроме того, исчезает столь многозначный образ лазури, передававший не столько колорит, краски весеннего неба, сколько указывающий на начало Богоявления и преображения мира.

В стихотворении Александра Александровича Блока «На могиле друга», в переводе известного таджикского поэта Кутби Кирома, как и в предыдущих переводах-интерпретациях, чувствуется стремление переводчика прояснить для читателя «темные» места произведения, разъяснить, сделать более понятным смысл. Если русскоязычный читатель читает у Блока – «В тишине звучат сильнее Отдалённые шаги», то он стремится понять, о чьих шагах идет речь, или это лирическая сентенция, претендующая на афористичность.

Оригинал:

На могиле друга

*Удалены от мира на кладбище,
Мы вновь с тобой, негаданный мертвец.
Ты перешел в последнее жилище,
Я всё в пыли, но вижу свой конец.
Там, в синеве, мы встретим наши зори,
Все наши сны продолжатся наяву.
Я за тобой, поверь, мой милый, вскоре
За тем же сном в безбрежность уплыву.*

В переводе – «Тишина усилилась /Становится сильнее/ Стук твоих шагов», читателю не нужно предпринимать дополнительных усилий, чтобы понять, что в этих строках говорится о шагах героини. То же упрощение смысла характерно и для перевода финальных строк. «Ты ль смыкаешь, пламенея, /Бесконечные круги?» – эти блоковские слова в переводе звучат так: «А ты в пламени смыкаешь /Бесконечные круги». В блоковском finale стихотворения героиня (с помощью деепричастия «пламенея») надеяется дополнительной характеристикой: она – источник огня.

В переводе все иначе: героиня лишь движется по бесконечным кругам пламени. Таким образом, переводчик изменил божественную природу героини, придал описанию большую конкретность, перевел небесный образ в земной план.

Перевод Кутби Кирома:

*Омадам то бар мазори хору зорат, эй рафиқ,
Боз мо гӯё даме ҳамроҳу ҳамсӯҳбат шудем.
Ёфтӣ ту хонаи худрову осуди кунун.
Ман ҳанӯз овора поям бар лаби гӯр омадам.
Мешавад инҳо уфуқи орзӯи мо падид,
Мешавад бедор ин ҷо хобҳои зиндагӣ.
Ман равонам аз паси ту, бош ором, эй, рафиқ,
Мекунам парвоз сӯят бе навои зиндагӣ.*

При переводе стихотворения «На могиле друга» автор таджикской версии блоковского текста прибегнул к приему кольцевой композиции. У Александра Блока в первой строке звучит слово «пророчество», а в финале как синоним – «все наши сны».

Автор перевода решил закольцевать начало и финал произведения, используя только слово «пророчество». Кроме того, в переводе вместо оригинального образа святилища употребляется слово «храм». Благодаря этой замене понятий исчезает некая символическая обобщенность, усиливается религиозная составляющая семантики. Если святилище – это священное место, прибежище святого духа, то храм – вполне конкретный религиозный институт. Фраза «зажегся храм святой твой» звучит двусмысленно и превращает стихотворение в описание трагического происшествия, пожара, тогда как у Александра Блока сюжет произведения далек от конкретики и устремлен к символической бесконечности интерпретаций.

Оригинал:

Накануне XX века

*Влачим мы дни свои уныло,
Волнений далеки чужих;
От нас скрыто, нам не мило,
Что вечно радует других ...*

Перевод Кутби Кирома:

Дар истиқболи асри XX

*Рӯзи мо тира меравад аз сар,
Бо ғаму гусса саҳт пайвандем.
Шодии дигарон намехоҳем,
Ришидаи ёру дӯсти кандем.*

Стихотворение «Накануне XX века» наполнено драматизмом. Однако в переводе на таджикский язык этот драматизм обретает черты другого характера и они идут как прямолинейности. Те мысли, которые у

Александра Блока только обозначаются, не прописываются подробно («...Влачим мы дни свои уныло, Волнений далеки чужих; От нас скрыто, нам не мило, Что вечно радует других ...»).

Оригинал:

*Влачим мы дни свои без веры,
Судьба устала нас карать ...
И наша жизнь тяжка без меры,
И тяжко будет умирать ...*

Перевод:

*Бе дуо, ба нийз умр равад,
Қисмати монда шуд, зи панду ҹазо,
Зиндагӣ баҳри мо чи сахте буд,
Марги мо ҳам шавад аз ин боло,*

У Александра Блока остается в подтексте, что оказалось «отравленным», хотя между строк читается: «сердце», «душа».

В переводе автор домысливает за поэта – в чаше яда оказалась потоплена надежда. У Александра Блока остается ощущение недосказанности, флеря тайны, в переводе – рассказывается чувственная история погибшей надежды.

Оригинал:

*Так век, умчавшись беспощадно,
Встречая новый строй веков,
Бросает им загадкой хладной
Живых, безумных мертвцевов ...*

Перевод:

*Асри бигзаита буд бе шафқат,
Асри ояндаро чи бошад сар:
Чун муаммост баҳри ин халけば
Зинда, аммо зи мурда ҳам бадтар.*

Мелодраматический сюжет разворачивается в следующих строфах –

лирический герой, оставшийся без надежды, опечаленный явлениями своей возлюбленной в его фантазии, прячется от людей и зверей в хранилище дум. Вроде бы все то же, что и у Александра Блока. Однако именно с этой проясненностью, проговариванием, повествовательностью уходит символическая обобщенность. Кроме того, слово «фантазия» принципиально изменяет смысл переживаний лирического героя Александра Блока: в оригинале герой готов «болеть прежней думой», что указывает на его приверженность «одному кругу переживаний», на страдания, которые приносит эта верность. В переводе – герой – плод «фантазии», образ, живущий в фантазиях героя, а не реальность.

Оригинал:

Под масками

*A под маской было звездно.
Улыбалась чья-то повесть,
Короталась тихо ночь.
И задумчивая совесть,
Тихо плавая над бездной,
Уводила время прочь.
И в руках, когда-то строгих,
Был бокал стеклянных влаг.
Ночь сходила на чертоги,
Замедляя шаг.*

Перевод Кутбии Кирома:

Зери ниқоб

*Дар зери ниқоб ахтаре буд,
Аз бахти касе ҳикоя мегуфт.
Кумоҳ намуда, шоми марбуд.
Вичдони хаёлию пареишон
Гӯи ту ба варта буд авезон.*

*Мебурд зи пушти хеш айём.
Дар дасти касе тиёла бе гап
Лабрез буд аз шароби ширин.
Шаб дар дами охирини худ буд,
Мемонд қадам шикаста – вазнин.*

Но демоническое начало в поэтическом герое все же явно приглушено, не становится доминантой. Доминирует ощущение тайны и красоты, что и привлекло, вероятно, внимание таджикского переводчика.

Оригинал:

*И позякивали миги,
И звенела влага в сердце,
И дразнил зеленый зайчик
В догоревшем хрустале.
А в шкафу дремали книги.
Там — к резной старинной дверце
Прилепился голый мальчик
На одном крыле.*

Известны четыре перевода блоковского стихотворения «Под масками» на таджикский язык. Его переводили В.Мухамад (1981), Юсуф Аброр (1985), Мастон Шерали (1990) и Кутби Киром в 2001 году.

Перевод Кутби Кирома, – известного таджикского поэта и переводчика, представляется одним из наиболее удачных. Александр Александрович Блок относится к числу любимых поэтов таджикского поэта Кутби Кирома.

Перевод:

*Хамёза кашида ҳар дақиқа
Зад занг зи сина бодаи тар.
Гӯи ки майи тиёла ҷушиид,
Аз масти даруни ҷому согар.*

Дар ганинаи ҳазор сурат,

Даррафта китобҳо ба гафлат.

Зебописари бараҳна он ҷо,

Як паҳлу ҳаменамуд роҳат...

Являясь поклонником Александра Блока, он перевел многие его известные произведения, в том числе стихотворения «Под масками», «Памяти А.А.Фета», поэму «Возмездие».

Представляя таджикскому читателю стихотворение «Под масками», Кутби Киром рассказывает о поэте, об обстоятельствах создания стихотворения и подчеркивает его автобиографизм: "Поэт говорит в этом интересном стихотворении, которое считается известным символистским произведением Александра Блока, о необыкновенной красивой девушке. Поэт в то время был завсегдатаем ресторанов, и, сидя в переполненном ресторанном зале, он погружался в шум пьяных посетителей, в атмосферу веселого дурмана. Стихотворение «Под масками» – это описание петербургского пригорода, его ресторанов и буйного разгула в них. Но образ героя в стихотворении остается прекрасным, эта девушка – предмет его мечтаний. Героиня выделяется из общего окружения, поэт говорит о ее красоте, о ее глазах. Герой проходит мимо и погружается в глухой мрак ресторана. Александр Блок видит пустоту ресторанныго мира, скуку и пошлость всего происходящего.

Как видно из этих слов переводчика, он не стремится познакомить таджикских читателей с мифом о Душе мира, определившим динамику и сложность блоковских исканий и отразившимся в этом стихотворении. Лирический герой стихотворения отождествляется в пересказе с Александром Блоком, незнакомка оказывается только земной случайно встреченной петербурженкой. И в своем переводе таджикский переводчик Кутби Киром будет обращаться только к первому «слою» блоковского текста, акцентируя внимание на эмпирическом мире как единственной реальности и представляя главного героя – всего лишь как «красивую девушку», мечту героя. Особая сложность для переводчика блоковских

стихотворений состоит именно в единстве лирической трилогии, способности символа синтезировать все значения, которые «высвечивались» в разных текстах. Поэтому понять скрытые смыслы стихотворения можно только, если рассматривать его в контексте блоковской трилогии. Определенные утраты в передаче лирических переживаний связаны и с тем, что таджикский переводчик не использует рифму, которая у Александра Блока, как уже отмечалось выше, несет важную смысловую нагрузку.

Надо отметить, что это произведение насыщено всевозможными символами, поэтому при анализе стихотворения, можно увидеть за внешним рядом образов второго ряда, не поддающегося однозначному толкованию.

Другое стихотворение Александра Александровича Блока «Город в красные пределы» был переведен на таджикский язык Кутби Киромом в 1987 году.

Стихотворение «Город в красные пределы...» было написано Александром Блоком в 1904 году. Оно посвящено близкому другу поэта Е.П. Иванову. Образы из этого произведения затем были использованы Александром Блоком в его статье «Безвременье». Стихотворение представляет собой характерный блоковский образец урбанистической лирики. Оно открывается впечатлением героя, переданной в метафоре:

Оригинал:

Город в красные пределы

Мертвый лик свой обратил,

Серокаменное тело

Кровью солнца окатил.

Перевод Кутби Кирома:

Шаҳр дар тираҳани идона,

Гунаи хеш ба пардоз кашид,

Пайкари чукидааш рост шуда

Гӯи дар шаҳрати ў хун бидавид.

В переводе этого четверостишия русского поэта переводчик допустил ошибку в словосочетание «мертвый лик» перевел «гунай хеш», а по нашему мнению, должно быть «мурдаи хеш». Последние строчки четверостишия:

Серокаменное тело
Кровью солнца окатил
звучит на таджикском языке по-другому:
Пайкари чукидааш (?) рост шуда
Гӯи дар шахрати у хун бидавид (?).

Затем герой как будто детально исследует город, находя все новые и новые подтверждения своего первоначального впечатления:

Оригинал:

*Стены фабрик, стекла окон,
Грязно-рыжее пальто,
Развеивающийся локон —
Все закатом залито.*

Перевод:

*Дару девори басе чангзада,
Раху бозори харобу абгор
Ҳама бо ранги уфуқанд халим,
Ҳамаро дода само ранги баҳор.*

Далее все происходящее вновь обретает метафорический, даже мифологический оттенок:

Оригинал:

*«Блещут искристые грави
Золотых, как жар, коней»,
«Красный дворник плещет ведра
С пьяно-алою водой»,
«Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной».*

Перевод:

*Ҳама чо мисли шарар метобанд
Рому магрур самандони қатор.
Шаҳр дар сурати зебосанамест,
Ҳама бинанд варо бо дили зор.

Асасе сурх сатиле ба ҳаво
Бози дорад зи майи нобе масть,
Сина чунбондаю чун фоҳшишаҳо
Зада бар домани ҳар марде даст.*

Заканчивается стихотворение яркой деталью, перекликающейся с первоначальным впечатлением героя:

Оригинал:

*И на башне колокольной .
В гулкий пляс и медный зык.
Кажет колокол раздолльный
Окровавленный язык.*

Перевод:

*Лек бар занги калисо бингар,
Сўи ин ҷомеа чун менигарад.
Чун забонест, ҳама хунолуд,
Ҷуз маломат гапи дигар набарад!*

Таким образом, в стихотворении наблюдается кольцевая композиция.

У Александра Блока преобладает здесь красный цвет — это символ тревоги, безумия, беспокойства. Эти яркие, вызывающие грязные краски, призваны подчеркнуть хаос, царящий в мире города, его обреченность.

Исследователи считали, что такое восприятие города сложилось у Александра Блока под воздействием урбанистической лирики В. Брюсова.

В стихотворении использованы различные средства художественной

выразительности: эпитет («грязно-рыжее пальто», «гулкий пляс»), метафора («Город в красные пределы Мертвый лик свой обратил»), сравнение («Золотых, как жар, коней»). На фонетическом уровне находим аллитерацию («Город в красные пределы») и ассонанс («Серокаменное тело, Кровью солнца окатил»).

Таким образом, город Александра Блока предстает перед нами в фантастических, эсхатологических образах, ассоциирующихся с Апокалипсисом. Человек здесь обездолен, несчастен, опустошен, уготовлен стать жертвой нового мира. Город — это «страшный мир» поэта. «Почему Александр Блок писал о городе так — «в формах крика, безумий и мучительных диссонансов?» Сама действительность, впервые увиденная в упор, пусть еще романтически-затуманенным зренiem, подсказывала содержание и мелодию стиха.

Русская действительность на рубеже двух веков, накануне первого мощного революционного взрыва, потрясшего старую Россию и предопределившего ее судьбу, сама была полна безумий и диссонансов. Все в ней было смутно и хаотично, все было в брожении и движении. Произведение мы можем рассматривать в контексте определенной городской лирики Блока — стихотворений: «Последний день», «По городу бегал черный человек», «Повесть», «Вечность бросила в город», «Гимн», «Обман».

Как видим, стихотворение «Город в красные пределы» в переводе таджикского переводчика Кутби Кирома имеет различные ошибки и недочности и отличается от текста русского поэта Александра Александровича Блока своими небольшими «прозрачностью» и «конкретностью»: «реальнейшее», мерцающее за «реальным» в блоковском стихотворении, исчезает при переводе на таджикский язык.

Перед нами — загородная жизнь, с ее суэтой, скучной повторяющейся, обыденностью и прозой. На фоне этой прозаической действительности героя

– только красивая женщина, причем нельзя не заметить, что переводчик стремится сделать образ более конкретным, земным (в частности, речь идет о такой детали, как желтое платье, невозможной в блоковском тексте) и даже меньше идеальным. Блоковские символы и антисимволы, собственно, перестают быть «бесконечными» символами, становясь только яркими образными деталями. Более обыденной, земной, лишенной мистического содержания кажется и драма лирического героя: по воле переводчика – она только в том, что любовь недостижима.

Стихотворение «Памяти А.А.Фета» вышло в 1997 году в переводе поэта Кутби Кирома.

Памяти А. А. Фета

Выйдем тихонько бродить

В лунном сиянии...

А.А.Фет

Шепчутся тихие волны,

Шепчется берег с другим,

Месяц колышется полный,

В немля лобзаньям ночным.

В небе, в траве и в воде

Слышно ночное шептанье,

Тихо несётся везде:

«Милый, приди на свидание...»

Перевод Кутби Кирома продолжает тенденцию таджикских литераторов к предметному выражению смыслов в лирическом тексте, к устраниению неясностей и двусмыслинности, точнее, «двойного» истолкования образов. Это особенно видно в пейзажных мотивах, отражающих душевное состояние персонажа.

Перевод Кутби Кирома:

Хотираи А.А.Фет

*Шабе маҳтобро айшест дигар,
Биё, ҷонам, даме сайраш бароем.*

А.А.Фет

*Фук ба фук монда соҳилҳо
Мавҷҳои хамӯши меноланд,
Моҳ дар баҳри ин шаби тира
Гӯи афтодааст андар банд.
Ояд овози шоми тира ба гӯши;
Дар ҳаво, дар алаф ва андар об.
Ҷонакам, интизори дидорат,
«Ваъда кардӣ, ба ваъдагоҳ шитоб...»*

В переводе стихотворения «Памяти А.А.Фета» встречаются ошибки в строках, например:

*Шепчутся тихие волны,
Шепчется берег с другим,*

Перевод:

*Фук ба фук монда соҳилҳо
Мавҷҳои хамӯши меноланд,*

В описании состояния лирического героя переводчику не удалось почувствовать общую интонацию – у Блока «влага», которой оказывается «смирен и оглушен» герой, терпкая и таинственная, в переводе – «липкая и таинственная сырость». Конечно, эпитет «терпкая» напрямую относит нас к вину, однако определение «липкая» также можно отнести к общим характеристикам лирического интерьера, пейзажа и настроения персонажа. Более того, вероятно, чтобы усилить воздействие на читателя, автор перевода приписывает алкогольное опьянение и слугам. Утонченное описание, относящееся к героине, – «и в кольцах узкая рука» также упрощается в

переводе – «кольца охватывают её тонкие пальцы». К сожалению, можно заметить, что сложный поэтический образ Блока («И веют древними поверьями /Ее упругие шелка») в переводе вовсе не удалось передать: шелка и древние сказки – знаки земного и сакрального миров двойственной блоковской героини оказались не соединены в одном образе.

Перевод является одним из важнейших способов вхождения художественного произведения в другую культуру, но он не может существовать без опосредованности переводческой интерпретации. Подобные трактовки существуют вне зависимости от того, насколько мы считаем их приемлемыми и оправданными. Гораздо продуктивнее не отвергать их категорически, а попробовать понять причины переводческих трансформаций, расценив перевод как форму бытования произведения во времени, пространстве и сознании людей. На современном этапе изучения перевода вопрос о том, хорош он или плох, точен или неточен, менее значим, чем осознание того, что переводное произведение является версией подлинника, занимающей с ним подчас равноправное место в мировой литературе. Поэтому главными становятся следующие вопросы: каким произведение предстает читателям перевода, в чем его трактовки отличаются от тех, что приняты в культуре оригинала, и каковы причины изменений? Литературоведческий подход предполагает оценку перевода с точки зрения его эстетической эквивалентности оригиналу, определяет роль переводов в развитии духовной культуры, а также включает обращение к личности переводчика и попытку понять его выбор, исходя из его личностных качеств как художника. Литературоведы, в отличие от лингвистов, смотрят на перевод как на способ воспроизведения действительности, в основе которого лежит ее образное освоение.

Соответственно возникает необходимость исследования таджикских переводов произведений писателей, с точки зрения переводческих трансформаций, что непосредственно влияет на воссоздание национально-

художественных и смысловых особенностей оригиналов.

Анализ переводов произведений реалистической поэзии русской литературы начала XX века позволяет сделать вывод о степени их адекватности оригиналам. Как известно, переводы, лишенные смысловой и образной адекватности, формируют у читателей неверное представление о творчестве поэта. Следовательно, изучение этого аспекта является значимым.

Большая часть произведений русской литературы начала XX века, особенно творческое наследие Александра Блока, еще не переведена на таджикский язык, а многие таджикские переводы произведений писателей уступают подлинникам в плане семантической и образной адекватности.

Анализ таджикских переводов русской литературы начала XX века на примере творчества поэзии Александра Блока позволяет судить не только о творческой манере переводчиков, но помогает выявить специфику переводческих трансформаций и степень адекватности переводов оригиналам с точки зрения жанрово-стилевого своеобразия.

В широком смысле перевод есть перенос некоего художественного целого из одной системы в другую, стилизация, творческое подражание. Перевод в узком смысле - это переложение художественного произведения с одного языка на другой.

Каждый переводчик художественного произведения решает по-своему основной вопрос языкового перевода: точность или красота. Но что понимать под точностью? Следование букве или духу оригинала?

М. Лозинский говорил о двух видах перевода: «перестраивающем» и «воспроизводящем» со всевозможной точностью и содержания, и формы подлинника [79, 176].

Известный ученый, академик М. Шукuroв выделил 3 аспекта деятельности переводчика. Он утверждал, «что с большей или меньшей трудностью можно передать "музыкальность" и "визуальные образы" художественного произведения, но невозможно перевести "игру мысли",

хотя, определив круг идей и образ мысли автора, можно попытаться перефразировать соответствующий ход мысли на языке перевода [155, 33].

Он уточняет цели перевода, и на первый план у него выходит подлинный, живой язык, а уже вслед за этим - верность оригиналу, что включает точность, как в передаче смысла, так и атмосферы переводимого произведения.

Художественный перевод Кутби Кирома предполагает воссоздание в стиле образующей системы подлинника путем определенной организации и отбора средств языка перевода на звуковом, лексико-семантическом и синтаксико-композиционном уровнях. «В поэзии невозможна прямая, непосредственная пересадка иноязычного словесного образа: возможно только его освоение уже выработавшейся традицией национального поэтического языка», - отметил русский критик Л.Я.Гинзбург [30, с.39].

Творчество Александра Блока было известно таджикскому читателю благодаря переводам Кутби Кирома. Произведения этого поэта всегда составляли особую трудность для переводчиков, видимо, поэтому небольшая подборка стихов Блока.

Мы остановимся на переводах Кутби Кирома - как им была решена проблема профессионального знания предмета и поэтического таланта.

Двойственность художественной природы образов "Незнакомки" даны в традиции фантастического реализма. Александр Блок всегда оставался символистом, с присущим ему представлением о двоемирии, т.е. единстве мира реального и инобытийного. В произведении эти пласти представлены ясно: «очарованная даль», «иные тайны» и натуралистические сцены «над озером», в ресторане. Таким же представлен и образ самой Незнакомки: это по-прежнему Прекрасная Дама поэта и женщина из ресторана. Поэт в этом мире занимает особое, присущее только ему, место - посредника между этими мирами. В finale стихотворения Блок не просто повторил по-русски латинскую фразу "In vino veritas", звучащую из уст пьяниц нарочно пошло,

работающую на создание обстановки безвкусицы загородного ресторана. Эта фраза, с другой стороны, воспроизводит на ином уровне, пародирует взятую символистами идею «деонисийского опьянения» как творческого акта, поэт у «трактирной стойки». Все вместе создает и «бессмысленный ужас искривления человеческой жизни», и одновременно своеобразную «необходимую раму для начала мистерии», поскольку развертывается действие сразу в двух пластиах. Таким образом, заключительная фраза содержит в себе двойной вывод: «истина в вине» - все результат воздействия вина на поэта, но и одновременно несет осознание вины лирического героя перед его Прекрасной Дамой. Блок финальной фразой ставит «загадку бытия», выводя конфликт бытовой в бытийный.

Рассмотрим стихотворение "Ты проходишь без улыбки...". Во фразовом сюжете двух заключительных стихов: "Как твой мальчик в белой шапке Улыбнулся на тебя". Блок разрешает конфликт всего стихотворения и даже одной из тем цикла "Город". Город - средоточие греховности, порождение хаоса и вместе с тем цивилизации. Речевое клише "улыбнулся тебе" поэта не привлекает, и он находит иной вариант, содержащий новые смысловые нюансы. Здесь можно усмотреть скрытые эллипсисы (неполно выраженное высказывание типа "улыбнулся, поглядев на", "взглянув на"). Или же своеобразное перенесение действия на объект. Образы проходящей женщины ("ты") и мальчика, "вечерних богородиц", "Богоматери и Младенца" накладываются и взаимодополняют друг друга, соединяя чувство вины, кротость и святость. Явление в "черном" городе "мальчика в белой шапке" символически противопоставляется, как два борющихся начала добра и зла. "Простые и малоинтересные вещи повседневного потребления..., становясь "предметом искусства", необходимым образом одухотворяются, становятся живыми, превращаются в миф", писал А.Ф.Лосев [80 68]. Возвращаясь в finale стихотворения к улыбке, поэт не просто "закольцовывает"

композицию, он разрешает один из конфликтов: мальчик дарит матери (многоплановому образу) благодать, улыбнувшись ей.

Художественный мир А.Блока стал своеобразным явлением в истории русской и мировой литературы. Глубокое проникновение в сущность социальных явлений, во внутренний мир человека, высокая художественная убедительность, масштабность творческих обобщений, проникнутые взволнованным авторским восприятием действительности, расширили рамки повествования, открыли иную - в сравнении с изображаемым - духовную и социальную перспективу полнокровного развития жизни, раскрытия духовных возможностей человека. И вместе с тем это не уменьшило силу критицизма художественных шедевров писателя.

Вполне очевидна значительная роль Александра Блока в развитии мировой литературы. Школой Александра Блока был, как обычно утверждают многие, прежде всего, реализм, но большой притягательной силой обладали и романтические черты его творчества. С этим феноменом связана и неиссякаемая любовь народов мира к его гению. С ним тесно связано и то, что «открытие» Александра Блока в разных литературах происходило в разные годы и «по-своему».

Заключение

Исследование особенностей перевода произведений Александра Александровича Блока на таджикский язык, вопросов плодотворного влияния его опыта на таджикскую литературу, своеобразия путей распространения его наследия в нашей работе и принципов творческого освоения опыта русского писателя таджикскими переводчиками представляет большую научно-теоретическую и практическую значимость.

Александр Александрович Блок - русский поэт, но в восточной культуре он находит то, что роднит её с близкой, родной культурой. В своих произведениях художник неоднократно отмечает сходство России с Цейлоном, странами Ближнего Востока. Для Блока важно увидеть то, что сближает Восток и Россию, и здесь концепция евразийцев в известной степени соединяется с его интерпретацией национального своеобразия России, её культуры, истории, народа. Будучи русским человеком, Александр Александрович Блок, в то же время, был гражданином мира, поскольку ему была близка не только мысль о единстве духовного наследия разных народов, но и восточная идея Единой Мировой Души (Всеединое, Брама, Атман как Мировое Божественное Начало, разлитое в окружающей природе и в каждом человеке). Во внешнем, «чужом», художник видит «своё», присущее его душе, являющейся в конечном итоге частью Всеобщей Мировой Души. Весьма своеобразен пантеизм писателя: собственное ощущение единения с природой Александр Александрович Блок осмысливал всесторонне, обращаясь как к многовековому опыту Запада, так и к тысячелетним наработкам Востока.

Анализ отдельных стихотворений, очерков поэта раскрывает специфические особенности его художественного сознания, проявляющиеся на сюжетно-композиционном уровне, в пространственно - временной организации, в персонажной системе и в речевом строе произведений:

соединение лирического и эпического начал, синтез реалистического и символического пластов художественного изображения, разветвлённая сеть реминисценций, архетипические мотивы и образы.

Для поэта характерен синтез филологического и географическо-этнографического аспектов в отражении восточных реалий, религии, философии в очерках, рассказах, стихотворениях. Изображение природы у Александра Александровича Блока кажется неповторимым, живым, выразительным, точным, оно проникнуто особым отношением к Востоку. Это не бесплотные символы, не традиционные экзотизмы, ставшие литературными штампами, а соединение знакомства книжного с личным знанием, идущим от собственных впечатлений. Таким образом, можно говорить о своеобразном национальном перевоплощении Александра Александровича Блока, о различных гранях и сферах постижения, осмыслиения художником восточного бытия.

При сравнительном анализе переведённых стихотворений и поэмы русского поэта на таджикский язык проделана определённая работа по созданию и использованию стиля переводчика при сопоставлении переведённого текста с оригиналом. В этом направлении уже имеется достаточно исследований. Поэтому вопросы перевода и его художественно-стилистических особенностей в нашем диссертационном исследовании рассматривались как одни из наиболее актуальных. В результате проделанной работы можно сделать выводы о достигнутых результатах.

В современной литературоведческой науке отсутствуют исследовательские работы, посвящённые комплексному рассмотрению перевода произведений Александра Блока на таджикский язык. Необходимо в нашей дальнейшей научной работе совершенствовать вопросы переводческого искусства в Таджикистане, активизировать внимание таджикской читательской аудитории на комплексному изучению произведений Александра Блока путём перевода его произведений в

контексте национально-культурных особенностей народа.

Обширный материал переводов произведений Александра Блока, изученный в сравнении и сопоставлении с оригиналом, творческие принципы разных переводчиков в отношении к одному и тому же произведению, характер разработки и применения изобразительных средств на разных этапах развития литературы дают возможность развивать перевод.

Проследить историю таджикской школы художественного перевода, что составляет одну из форм таджикско-русских литературных связей. Изучение истории переводов и исследования творчества Александра Блока в Таджикистане показывает, что таджикских переводчиков и исследователей волновали и художественные произведения Александра Блока, и те моральные и общественные проблемы, которые он поднимал в своем творчестве. Путь таджикских переводчиков Александра Блока во многом показателен и поучителен.

Знакомство с творчеством выдающегося русского художника слова, многолетняя работа над переводами его произведений расширили их художественный и социальный кругозор. В процессе художественного перевода таджикские переводчики пытались достичь смысловой близости, стремились к воспроизведению художественных элементов подлинника. Разумеется, процесс этот проходил не всегда гладко. Нередки случаи нарушения стилистической основы оригинала, искажение не только содержания, но и образов в переводимом произведении, собственных имен, реалий быта. Эти недостатки перевода творчества Александра Блока на таджикский язык позволяют сделать общий вывод, что проблематика передачи национальной специфики чрезвычайно сложна и малоразработана.

В диссертационном исследовании были затронуты вопросы творческой деятельности Александра Блока и его влияние на мировую литературу. Нет сомнения в том, что с публикаций последних лет начинается новый этап изучения вопросов, касающихся Александра Блока - классика,

эстетика, великого представителя России. Этому вопросу уделили много внимания следующие русские учёные В.Афанасьев, Н.Ванченкова, А.Волкова, В.Гречнева, Л.Долгополова, О.Михайлова и другие. Почти все исследователи ограничивают литературные связи А.Блока началом века. Таким образом, по нашему мнению, постановка вопроса о литературных связях Александра Блока и его роли в мировой литературе, даёт нам целостное представление о притяжениях и отталкиваниях писателя. В работе уделяется внимание отношению Александра Блока к Востоку.

Александр Блок осваивал Восток одновременно на разных уровнях: географическом, историческом, культурологическом, религиозно-философском. Вряд ли можно сказать, что на раннем этапе Александра Блока интересовали пространственные и бытовые реалии Востока, а позже - философские категории, что в молодости он увлекался культурой ислама, а в зрелом возрасте - буддизмом. Художественное сознание писателя стремится охватить собой весь мир во всём его многообразии, для Александра Блока - это: а) Древний Восток, сохранившийся в памятниках духовной и материальной культуры; географическая, историческая (например, арийское происхождение многих народов), духовная (религиозно-философский пласт) Праордина человечества; б) современный - современные государства, народы, этносы. Современный также включает в себя географический, исторический, этнографический, психологический и культурный пласти; в) Восток, являющийся неотъемлемой частью русской культуры, истории, психологии русского народа, «азиатская» часть Евразийской культуры.

Как стало очевидным из краткого экскурса в историю переводов и других предпосылок, связанных с распространением русской литературы в Средней Азии, а таджикской - в России, Александр Блок вошёл в мир таджикского читателя, стало быть, и в духовное сознание нашего народа с начала 70-х годов.

Тому были свои причины и веские аргументы. Александр Блок

основательно знал историю, философию, нравоучения, этику и эстетику, литературу и религию восточных народов и, главным образом, ираноязычных народов и их традиции. Творческое освоение традиций таджикско-персидской литературы и их плодотворное использование в своём творчестве сделали его ещё более близким к нашей культуре, обеспечили естественное вливание в таджикский литературный процесс.

При «возвращении» к национальным истокам, они оказались не только знакомыми, более того, выразителями дум и чаяний, эстетических идеалов таджикского народа. Другими словами, пришли они не как гости из другой страны, а вошли в свой дом как полноправные члены одной семьи. Анализ философско-эстетических воззрений Александр Блока выраженных в русской художественной форме, этических основах таджикской эстетики, сделали его любимым, дорогим, самым желанным поэтом.

Александр Блок был тем русским поэтом, который благодаря своей непосредственной связи с деятелями науки и мировой литературы, стал могучим мостом, соединившим Западный и Восточный берега реки по имени литература и эстетика. Более того, он выполнил большую задачу, чем свои соотечественники, активно и плодотворно пропагандируя и распространяя образцы таджикской литературы в России и русской среде. Своим освоением произведений прозы и поэзии, переработкой сюжетов и мотивов письменной литературы, перепиской с деятелями культуры и религии, где значительное место отведено переводам, открыл перед русским взором новый Восток. Они послужили основой новым переводам, принципиально новым достижениям в деле перевода и укрепления связей.

Словом и делом Александр Блок отстаивал интересы восточных народов, встал на защиту нравственной чистоты и свободолюбивых устремлений народов Востока, способствовал изданию многих трудов в переводе. Это мнение подтверждено во многих произведениях учёных, как русских, так и других народов, где выражена уверенность в достижениях

Востока, покоривших гения русской культуры.

Следует отметить, что все произведения Александра Блока стали достоянием таджикского народа и нет необходимости обращения к его наследию. Нужда в переводе его стихотворений и поэмы не отпала, более того, ныне имеет тенденцию роста тяги к нему, к его слову. Ещё не переведены многие стихотворения, а также его теоретические труды об искусстве, его прекрасная публицистика и философские размышления, письма, во многом связанные, кстати, с Востоком, с восточной философией, наконец. Пришла также пора нового прочтения старых переложений, новый подход к ранее выполненным переводам. Для писателя характерен синтез филологического и географическо-этнографического аспектов в отражении восточных реалий, религии, философии в очерках, рассказах, стихотворениях.

Блоковское изображение природы, арабов, сингалезов кажется неповторимым, живым, выразительным, точным, оно проникнуто особым отношением к Востоку. Это не бесплотные символы, не традиционные экзотизмы, ставшие литературными штампами, а соединение знакомства книжного с личным знанием, идущим от собственных впечатлений. Таким образом, можно говорить о своеобразном национальном перевоплощении Александра Блока, о различных гранях и сферах постижения, осмысления художником восточного бытия.

Множественность смысловых преломлений, подвижность и переходность образов, широта философско-религиозных аспектов позволяет лирике и прозе органично вписаться не только в европейский, но и в восточный культурный контекст XX века и оставаться одним из великих достижений наследия мировой литературы новейшего времени.

Мотивы в конкретных произведениях Александра Блока появляются на разных уровнях, иногда это прямая отсылка к географическому пространству. Одним из основных моментов в формировании религиозно-

философских взглядов художника было обострённое ощущение антиномичности мира, человеческой души и естественное стремление к поиску смысла своего существования.

Множественность смысловых преломлений, подвижность и переходность образов, широта философско-религиозных аспектов позволяет лирике Александра Блока органично вписаться не только в европейский, но и в восточный культурный контекст XX века и оставаться одним из великих достижений наследия мировой литературы новейшего времени.

Перевод лирики известного русского поэта XX века Александра Александровича Блока на таджикский язык показывает, что многие наши переводчики еще недостаточно хорошо владеют стихотворной техникой. В таджикском литературоведении только в последние годы стали появляться работы, в которых ставятся проблемы мастерства, формы, исследуется техника стиля. Многие литературоведы до сих пор считают, что не обязательно переводчику учиться стихотворной технике, достаточно владеть языком и уметь rhymeовать. Пренебрежением к форме можно объяснить некоторый застой в переводческом деле. Это первая причина. Вторая причина заключается в том, что не все наши переводчики правильно понимают свою творческую задачу. Стремясь как можно точнее передать содержание произведения, они игнорируют изобразительные средства и поэтические приемы поэта. Однако для создания истинно художественного перевода недостаточно сохранить одно лишь содержание. Перевод должен оказывать то же эмоциональное воздействие, что и оригинал — иначе задача его не будет выполнена.

Поэт-переводчик должен уметь различать и воссоздавать те средства, при помощи которых выражается идейное содержание литературного произведения и его эмоциональный настрой. Опираясь на то, что наиболее характерно для данного произведения, он сможет

освободиться от скованности, свободно обращаться с материалом.

Третья причина кроется в самом переводческом методе. Некоторые наши переводчики боятся отступить от буквы оригинала. Слепое копирование, как правило, наносит ущерб художественной стороне переводимого произведения. Однако следует отметить, что небольшая часть переводов на таджикский язык сделана на высоком художественном уровне. Таджикские переводчики раскрыли перед своим читателем неповторимо прекрасный мир идей и трагически-возвышенных образов Александра Александровича Блока, неиссякаемый родник истинной поэзии, обогатив тем самым духовную жизнь своего народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

1. Блок, А.А. Собрание сочинений: / А.А.Блок — В 8-ми т. — Т. 5. Л.: Худож. литература, 1962.— 162 с.
2. Блок, А.А. Собрание сочинений: /А.А.Блок.— Л.: Худож. лит., В 6 -ти т. 1980. — 376 с.
3. Блок, А.А. Собрание сочинений: / А.А.Блок/ В 8-ми т. Т. 5. — Л.: Худож. литература, 1962.— 162 с.

1.Научная литература

4. Адамович Г.В. А.А.Блок / Г.В.Адамович/. Одиночество и свобода.— М.: Республика. 1966. — с.37-52.
5. Адамович Г.В. Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. М., 1994. — 453 с.
6. Айхенвальд Ю.И. А.А.Блок / Избранная поэзия. Книга для ученика и учителя (Под ред.А.С.Гуревой).— М.: Олимп. 1996. — С.579-609.
7. Айхенвальд Ю.И. И. А.А.Блок / Ю.И.Айхенвальд / Силуэты русских поэтов. М.: Республика, 1998. — С.115-132.
8. Альберт, Д.И. Проблема памяти в системе этико-философских и эстетических взглядов А.Блока /Д.И.Альберт/ Вопросы русской литературы. Львов: Изд-во при ЛГУ издательского объединения «Вища школа», 1983. Вып. 1(41). с.113-120.
9. Архангельский А.Н. Последний классик /А.Н.Архангельский / А.А. Блок. Избранная проза. Книга для ученика и учителя. Под ред. А.С.Гуровой. М.: Олимп, 1996. с.5-19.
10. Аскар Хаким Творцы созвучий.- М.:Советский писатель,1988.- 254 с.
11. Асозода Х. Таджикская литература XX века. Душанбе: Маориф, 1999.

12. Афанасьев В.Н. А.А.Блок / В.Н.Афанасьев / М.: Просвещение, 1966. 385с.
13. Афонин Л.Н. А.А.Блок. Памятка читателю / Л. Н. Афонин/. Орёл,1958. 50с.
14. Ахматова А. Вечер. Избранные сочинения. Тегеран: Просветители, 1984 (на перс. яз.)
15. Ахори Х. Творческая работа или просто обычное ремесло /Х.Ахори/ Душанбе, 1955. 105 с.
16. Ашукин Н. Александр Блок, Синхронистические таблицы жизни и творчества. 1880-1921. Библиография 1903-1923. М.: Наука, 2001. 287с.
17. Бахтин М.М. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света / П.М.Бицилли / М.: Наука, 1993. 247с.
18. Белинский В.Г. Характер русской поэзии .- в книге Полн.собр.соch. т.3.-с.56
19. Бобоев Х. Поэты созвучий // Помир.- 1987. №5- с.65-71.
20. Бонами Т.М. Художественная поэзия А.А.Блока (1887-1966) /Т.М.Бонами. Владимир. 1962. - 120 с.
21. Борхес Х.Л. Семь вечеров / Х.Л.Борхес. СПб.: Амфора, 2000. 208 с.
22. Брагинский И.С. Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина / И.С.Брагинский / Народы Азии и Африки. 1966. № 4. с. 139-146.
23. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI - XVII века /В.В.Бычков/. М.: Мысль, 1992. - 637 с.
24. Валиев Н.У. В.Маяковский и таджикская гражданская лирика /Н.У.Валиев/ Душанбе. 1990. 87с.
25. Веселовский А.Н. Лики творчества // Веселовский А.Н. Л.: Наука, 1989. 848с.
26. Влахов С. Поэзия А.А.Блока /Влахов С. М.: Московский

- рабочий, 1969. 448с.
27. Гаспаров М.Л. Лики творчества //М.Л.Гаспаров. Л.: Наука, 1989. 848с.
28. Голотина Г.А. Эволюция темы природы в лирике А.Блока 1900-х годов /Г.А.Голотина/ А.Блок и литературный процесс начала XX века (до 1917 года). Л.: ЛГПИ, 1985. с.82-100.
29. Гончаров Ю.Д. Воспоминания Паустовского. Предки А.Блока /Ю.Д.Гончаров./ Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1972. с. 79-173.
30. Гинзбург Л.Я. О лирике А.Блока /Л.Я.Гинзбург/. М.: Интрада, 1997. 415 с.
31. Гинзбург Л.Я. Характеристика перевода художественного текста /Л.Я.Гинзбург/. М.: Прогресс, 2007. 176с.
32. Горан В.П. Идея судьбы и зарождение личностного самосознания в древних культурах Месопотамии, Египта и Греции /В.П.Горан/ Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. с.76-83.
33. Горький М. Статьи 1905-1916 годов. М.: Наука, 1988. 342 с.
34. Горький М. Избранные произведения: В 3-х т. Т. 1. М.: Худож. литература, 1972. 447с.
35. Горелов А.Е. Звезда одинокая А.Блок / А.Е.Горелов / Три судьбы. Л., 1980. с.275-623.
36. Гречанинова В.С. Примечания к седьмому тому «Собрания сочинений » / В.С.Гречанинова / А.Блок Собр. соч.: В 9-ти т. Т.7. М.: Худож. литература, 1966. с. 366-396.
37. Григорьева Т.П. Идея Судьбы на Востоке /Т.П.Григорьева/ Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. с. 98-109.
38. Гроссман Л.П. Путь Достоевского, Л., М., 1984. 456 с.
39. Давронов А. Таджикско- армянские литературные связи

- /А.Давронов/. Душанбе: Ирфон, 2005. 364 с.
40. Демидчик Л. От правды жизни к художественной правде /Л.Демидчик/ Душанбе: Ирфон, 1985. 345 с.
- 41.Демин В.Н. Тайны русского народа. В поисках истоков Руси /В.Н.Демин/. М.: Вечер, 1999. 560с.
- 42.Дехоти А. Особенности перевода. Памир.-№4. 1967. с.45-55
- 43.Долженков П.Н. Мотивы и образы «Божественной комедии Данте» в произведениях Чехова /П.Н.Долженков/ Дантовские чтения. 1998. М.: Наука, 2000. с.78-88.
44. Дубровина В.А. Египетские мотивы. Дубровина В.А. М: Наука, 1986-180с.
45. Дюришин Д. Восприятие диалога / Дюришин Д. М: Наука 1997. 250 с.
46. Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» величое начало индийской литературы и культуры /Т.Я.Елизаренкова / Ригведа. Мандалы I-IV Пер. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989. с. 426-543.
47. Жирмунский В.М. «Познать тоску всех стран и всех времён». /Жирмунский В.М./ «Они питали мою музу». Книги в жизни и творчестве писателей. М.: Книга, 1986. с.154-173.
48. Иванов В. Роль семантико-композиционных повторов в создании символического строя поэмы А.Блока «Возмездие» /Л.А.Иезуитова/ А.Блок и литературный процесс начала ХХ века (до 1917 года). Л.: ЛГПИ, 1985. с.38-59.
- 49.Иванов В.В. Категория времени в искусстве и культуре XX века/
50. Иванов В.В. Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. с. 39-67.
- 51.Иванов В.В. Темы и стили Востока в поэзии Запада /В.В.Иванов/ Восточные мотивы. М.: Наука, 1985. с. 424-468.
52. Ильин И.А. Творчество А.Блока /И.А.Ильин/ О Тьме и Просвещении. М.: Скифы, 1991. с.27-72.

53. Иоаннисян Д.В. Природа, время, человек у А.Блока /Д.В.Иоаннисян/ Русская литература XX века. Калуга, 1973. с. 60-73.
54. Каленов П.А. Будда. Поэма /П.А.Каленов/. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1885. 80с.
55. Карапетьянц А.М. Концепция судьбы у древнекитайских философов /А.М.Карапетьянц/ Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. с. 84-91.
56. Карапетьянц А.М. Особенности творчества А.Блока /Г.Ю.Карпенко/. СПб. 1999. 19с.
57. Карпенко Г.Ю. Творчество А.Блока в контексте религиозно-философских и антропологических идей конца XIX начала XX века: (концепция человека) / Г.Ю.Карпенко/. Самара, 1992. 162с.
58. Карпенко Г.Ю. Характеристика перевода русской поэзии.- М.:Наука. 1987.- 298 с.
59. Карпов И.П. Поэзия А.Блока.: Учеб. пос. /И.П.Карпов/. М.: Флинта Наука, 1999.-336с.
60. Келдыш В.А. Русский реализм начала XX века /В.А.Келдыш/. М.: Наука, 1975. 280с.
61. Ковда Д.И. О роли эмоций и неосознаваемых психических процессов в художественном творчестве /Д.И.Ковда/ Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Тбилиси: Мецниереба, 1978. с. 622-627.
62. Колобаева Л.А. От временного к вечному (Феноменологический роман в русской литературе XIX века) /Л.А.Колобаева/ Вопросы литературы. 1998. №3. с. 136-139.

64. Колобаева Л.А. «Чистый понедельник» А.Блока. /Л.А.Колобаева/ Русская словесность. 1998. №3. с. 19-23.
65. Конюшенко Е.И. О «братстве» в «Братьях» А.Блока. (Миф в концепции человека и мира) /Е.И.Конюшенко/ Художественное творчество и литературный процесс Томск: Изд-во ТГУ, 1988. с.174-184.
66. Конрад Н.И. Запад и Восток/Н.И.Конрад/.М.:Наука, 1972. 376с.
67. Коптилов В. Примечания к шестому тому «Собрания сочинений А.Блока» / Л.В.Котляр / А.Блок Собр. соч.: В 9-ти т. Т.6. М.: Худож. литература, 1966. с.324-339.
- 68.Короткова М.С. Каждый человек- это целый мир. Поэма А.Блока «Двенадцать» в 11 классе /М.С.Короткова/ А.Блок. Избранная проза. Книга для ученика и учителя. М.: Олимп, 1996. с. 626-639.
69. Кочетков А.Н. Художественный перевод: диалог или интерференция культур /А.Н.Кочетков/ «Поиск смысла». Сборник статей участников международной конференции «Русская культура и мир». Нижний Новгород: НГПИИЯ, 1994.1. с. 95-119.
70. Кожемякина Л.И. Сюжетостроение рассказа А.Блока. /Л.И.Кожемякина/ Вопросы поэтик и художественного произведения. Алма-Ата, 1980. с.22-29.
71. Кочетов А.Н. Буддизм / А.Н.Кочетов. М.: Наука, 1983. - 178 с.
72. Кучеревский Н.М. О концепции жизни в лирической поэзии А.Блока (вторая половина 90-х начало 900-х годов) /Н.М.Кучеровский/ Русская литература XIX века. Калуга, 1968. с. 80-107.
73. Кучеровский Н.М. Поэма «Возмездие» А.Блока в критике 1910-х годов и эстетическая концепция жизни в его прозе /Н.М.Кучеровский/ Страницы истории русской литературы. Калуга, 1969. с. 50-67.

74. Кучеровский Н.М. Эстетическая сущность философских исканий АБлока (1906-1911 гг.) /Н.М.Кучеровский/ Научные доклады Высшей школы. Филологические науки. Вып. 6. М., 1969. с. 25-35.
75. Лавров В.В. Холодная осень (1920-1953). М.: Молодая гвардия, 1989. 500с.
76. Латухина А.Л. Цикл «путевых поэм» А.Блока: проблема жанра. Автореф. дис. канд. филол. наук /А.Л.Латухина/. Нижний Новгород, 2004. - 22с.
77. Линков В.Я. Мир и человек в творчестве А.Блока / В.Я.Линков/. М.: Изд-во МГУ, 1989. 173 с.
78. Литературное наследство. А.Блок /Литературное наследство. А.Блок/. Т.84: В 2-х ч. М.: Наука, 1973.
79. Лозинский М.Н. Изучение художественного текста. М.Н.Лозинский. М.: Молодая гвардия, 2006. 287 с.
80. Лосев А.Ф. Мастерство перевода. М.: Советский писатель 1977. с.558.
81. Лосский Н. Учение о перевоплощении / Н.Лосский / Переселение душ. Сборник. /Под ред. Г.И.Царёвой. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1994. с. 357-383.
82. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история /Ю.М.Лотман/. М.: Языки русской культуры, 1996.
83. Лобanova Т.К. Ориентальная проза А.Блока и духовно-эстетическое наследие народов Востока / Т.К.Лобанова / Русская литература и Восток (Особенности художественной ориенталистики XIX- XX вв.). Ташкент: Издательство «ФАН» УССР, 1988. с. 69-91.
84. Любимов Н.М. О переводах А.Блока / Н.М.Любимов / Блок А.А. Собр. соч.: В 9-ти т. Т.8. М.: Худож. литература, 1966. с.409- 421.
85. Лявданский Э.К. Действительность и жизнь сознания в прозе

- А.Блока /Э.К.Лявданский / А.Блок и литературный процесс начала века (до 1917г.): Межвузовский сборник научных трудов. Л.: ЛГПИ, 1985. с. 78-89.
86. Лявданский Э.К. К вопросу о типологии характеров в прозе А.Блока /Э.К.Лявданский/, Г.А.Голотина М.Ю.Лермонтов и литературный процесс начала века (до 1917 г.): Межвузовский сборник научных трудов. Д.: ЛГПИ, 1985. с.60-71.
- 87.Мавлютов Р.Р. Ислам /Р.Р.Мавлютов./ М.: Издательство политической литературы, 1974. 167 с.
88. Маасуми Н.Некоторые проблемы творческих связей А.Блока с таджикской литературой.- Душанбе, 1970. 152с.;
89. Массэ А. Ислам. Очерк истории /А.Массэ/ М.: Наука, 1982.192с.
90. Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет // Д.С.Мережковский. М.: Советский писатель, 1991 496 с.
91. Милославский П. Развитие учения о переселении душ в связи с пантеистической системой индийцев /П.Милославский/ Переселение душ. Сборник. Под ред. Г.И.Царёвой. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1994. с. 33-75.
92. Минц З.Г. Русская литература XX века (С девяностых годов XIX века до 1917 г.) / З.Г.Минц./ М.: Учпедгиз, 1939.- 420 с.
93. Минц З.Г. Работа А.Блока над темой Востока /Минц З.Г./ Творчество писателя и литературный процесс: Межвузовский сборник научных трудов. Иваново, 1981. с.216-227.
94. Михайлов О.Н. Примечания к девятому тому «Собрания сочинений А.Блока» /О.Н.Михайлов/ Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 9-ти т. Т.9. М.: Худож. литература, 1965. с.551-567.
95. Михайлов О.Н. Характеристика творчества А.Блока М.: Худож. литература, 1988. 176с.
96. Михайлов О.Н. А.А.Блок: Жизнь и творчество /

- О.Н.Михайлов./ Тула, 1987. 317с.
97. Морозов С.Н. Н.А. Тэффи и А.Блок: к истории творческих отношений /С.Н.Морозов/ Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М.: Наследие, 1999. с.280-286.
98. Муминов И.М. Выдающиеся мыслители Средней Азии /И.М.Муминов/. М.: Знание, 1966. 48 с.
99. Мясников А.С. Примечания к третьему тому «Собрания сочинений А.Блока» /А.С.Мясников / А.Блое. Собр. соч.: В 9-ти т. Т. 3. М.: Худож. литература, 1965. с. 447-464.
100. Нефёдов В.В. Чудесный призрак: А.Блок-художник /В.В.Нефёдов. Минск: Полымя, 1990. 237с.
101. Неупокоева И.Г. Художественный перевод – школа мастерства .- М.:Наука, 1999.- 342 с.
102. Николина Н.А. Образное слово А.Блока /Н.А.Николина/ А.Блок. Избранная проза. М.: Олимп, 1996. с. 639-653.
103. Никольская Л.Д. Социально-обличительное и философское в поэтике «Братьев» А.Блока /Л.Д.Никольская/ Проблемы истории критики и поэтики реализма: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.1. Куйбышев, 1976. с. 149-168.
104. Никулин Л.В. Блок А.А. /Л.В.Никулин/ Лермонтов, Чехов, Бунин, Куприн, А.Блок Литературные портреты. М., 1960. с. 171-264.
105. Никитин А. Хожение за три моря /А.Никитин/ Хожение за три моря /Афанасия Никитина /Отв. ред. Я.С.Лурье. Л.: Наука, 1986. с.5-58.
106. Новикова М. Особенности перевода художественной литературы.- М.: Наука, 1997.- 276 с.
107. Оболонская Ю.Л. На берегах Сены /Оболонская Ю.Л./ М.: Худож. литература, 1989. 336с.

108. Огнев Р. Будда. Его жизнь, учение и община. М.: Наука, 1987. 325с.
109. Ольденберг Г. Будда. Его жизнь, учение, и община /Г.Ольденберг/ М.: Издательство К.Т. Солдатенкова, 1984. 318с.
110. Ольденбург С.Ф. Буддийские легенды. СПб. 1984.
111. Панова А.Н. Памятники литературы Древней Руси: XII век./ Сост. и общ. ред. Л.А.Дмитриева и Д.С.Лихачёва. М.: Худож. литература, 1980.
112. Пелевин В.О. Чапаев и Пустота.- М.: Вагриус, 1996. 400с.
113. Перекличка веков: Размышления, суждения, высказывания /В.Г.Носков./ М.: Мысль. 1990. 432с.
114. Петрашко О.О. Тема детства в творчестве А.Блока: попытка сопоставления /О.О.Петрашко/ Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М.: Наследие, 1999. с.93-99.
115. Пиотровский М.Б. Ислам и Судьба /М.Б.Пиотровский/ Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. с.92-97.
116. Пономарёв Е.Р. Отзывы современников о книге А.Блока «Освобождение Толстого» /Е.Р.Пономарёв/ Русская литература. 1995. №4. с.168-171.
117. Пономарёв Е.Р. О творческой истории книги Блока /Е.Р.Пономарёв/ Русская литература. 1998. № 1. с.109 -119.
118. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 2. М.: Худож. литература, 1967.
119. Пырин А.Г. Философия Древнего Востока Философия: Часть первая: История философии. М.: Юрист, 2001. с. 25-47.
120. Рак И.В. Легенды и мифы Древнего Египта /И.В.Рак/ СПб. ТОО Нева. Университетская книга. 1997. 179с.
121. Ригведа. Мандалы I-IV Пер. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука,

1989. 768с.
122. Розенберг О.О. Труды по буддизму /О.О.Розенберг/. М., 1991. 678 с.
123. Саакянц А.А. Блок А.А. / А.А.Саакянц / А.Блок М.: Молодая гвардия, 1987. с. 4-26.
124. Савицкий П.Н. Степь и оседлость /П.Н.Савицкий/ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. Под ред. Л.И.Новиковой и И.Н.Сиземской. М.: Наука, 1993. с.123-130.
125. Сайфуллоев А. Значение взаимосвязей национальных литератур в развитии таджикской советской литературы. М.:изд-во АН СССР, 1961. с.339-342 .
126. Садыкова Н.А. Поэзия А.Блока /Н.А.Садыкова/. Душанбе. 1975. 88с.
127. Свет В.Е. Сопоставительный анализ стихотворения А.Блока «Сатана богу» и древневосточного памятника /В.Е.Свет/ Сравнительное изучение национальных литератур: Сборник научных трудов. Ташкент: Изд-во ГПИ, 1986. с.27-34.
128. Свет В.Е. Женские характеры в ориентальной поэзии А.Блока /В.Е.Свет/ Литературный процесс в его жанровом и стилевом своеобразии: Сборник научных трудов. Ташкент: Изд-во ГПИ. 1987. с.61-74.
129. Сергеев Е. Русская литература конца XIX- начала XX века Л.А.Смирнова. М.: Просвещение, 1993. 385с.
130. Сидякова Т.В. Жанровое своеобразие романа А.Блока /Т.В.Сидякова/ Содержательность форм в художественной литературе. Проблемы поэтики: Межвузовский сборник научных статей. Самара, 1991. с. 70-84.
131. Сливицкая О.В. Проблема социального и «космического» зла в творчестве А.Блока /О.В.Сливицкая/ Русская литература XIX

- века. Калуга. 1968. с. 123-136.
132. Сливицкая О.В. А.Блок и Восток (к постановке вопроса) /О.В.Сливицкая/ Материалы межвузовской научной конференции, посвящённой творчеству А.Блока. Елец, октябрь 1969. Воронеж, 1971. с.87-96.
133. Сливицкая О.В. О природе «внешней изобразительности» / О.В.Сливицкая / Русская литература. 1994. №1. с. 72-80.
134. Сливицкая О.В. К проблеме «Блок и Восток»: рассказ Блока глазами японских студентов /О.В.Сливицкая/ Русская литература. 1996. №3. с. 212-214.
135. Смирнова Л.А. М.Ю. Блок А.А. Жизнь и творчество /Л.А.Смирнова/. М.: Просвещение, 1991. 194с.
136. Спивак Р.С. Блок А.А. и его зарубежные истолкователи /Р.С.Спивак/ Русская литература в оценки современной зарубежной критики. М.: Изд-во МГУ, 1973. с. 325-339.
137. Ставицкий А.В. Реалистическое и «нормативное» начала в прозе А.Блока (Рассказ «Братья») /А.В.Ставицкий / Литературное произведение как целое и проблемы его анализа: Межвузовский сборник научных трудов. Кемерово, 1979. с.121-131.
138. Степун Ф.А. Россия между Европой и Азией /Ф.А.Степун/ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология Под ред. Л.И.Новиковой и И.Н.Сиземской. М.: Наука, 1993. с. 307-327.
139. Судьбы русского реализма начала XX века Под. ред. К.Д.Муратовой. Л.: Наука. 1972.-284с.
140. Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений. Буддийская каноническая книга, переведённая с языка пали на англ. язык доктором Фаусбеллем. Русский перевод и предисловие Н.И. Герасимова. М.: Издание Товарищества А.А. Левинсона, 1899. 197с.

141. Тареев М. Цель и смысл жизни /М.Тареев/ Смысл жизни. Антология Под ред. Н.К.Гаврюшина. М.: Прогресс - Культура, 1994. с.123-239.
142. Тартаковский П.И. Русская поэзия и Восток (1800-1950 гг.). Опыт библиографии /П.И.Тартаковский/. М.: Наука, 1975. 184с.
143. Тартаковский П.И. Русская советская поэзия 20-х – начала 30-х годов и художественное наследие народов Востока. Ташкент, 1977. 167с.
144. Твардовский А.Т. О Блоке /А.Т.Твардовский/ Блок А.А. Собр. соч. в 9-ти т. Т.1. М.: Худож. литература, 1965. с.7- 49.
145. Торчинов Е.А. Даосизм. Опыт историко-религиозного описания / Е.А.Торчинов/. СПб. Лань, 1998. 448 с.
146. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни /Е.Н.Трубецкой/ М.: Республика, 1994. 432с.
147. Трубецкой Н.С. О турецком элементе в русской культуре /Н.С.Трубецкой/ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология Под ред. Л.И.Новиковой и И.Н.Сиземской. М.: Наука, 1993. - с. 71-80.
148. Трубецкой Н.С. «Хожение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник /Н.С.Трубецкой/ Семиотика под общ. ред. Ю.С.Степанова. М.: Радуга, 1983. с. 437-462.
149. Трубина Л.А. «С глазами на Россию». Тема памяти в литературе русского зарубежья /Л.А.Трубина/ Литература в школе. 1996. № 6. с.26-42.
150. Турков А.М. А.П. Чехов и его время /А.М.Турков. 2-е изд., доп. и испр. М.: Советская Россия, 1987 - 528 с.
151. Турсунзаде М. Художественные традиции и прогресс искусства.- Душанбе: Ирфон, 1976.-126с.
152. Устами Лермонтовых: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В Зт. Под ред. М. Э.

- Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977, 1981, 1982.
153. Черников А.П. Блок А.А. в «Книгоиздательстве писателей Москвы» /А.П.Черников/ Блок А.А. и литературный процесс начала века: Межвузовский сборник научных трудов. Л.: ЛГПИ, 1985. 129 с.
154. Цетлин М.О. Блок А.А. Роза Иерихона /М.О.Цетлин/ Литература русского зарубежья. Антология: В 6т. Т. 1. Кн. 2. М.: Книга, 1990. с.358-359.
155. Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму /Ф.И.Щербатской/. М.: Наука. 1988. 432 с.
156. Щербатской Ф.И. Философское учение буддизма /Ф.И.Щербатской. Петербург, 1919. 50 с.
157. Шукров М. Перевод - школа мастерства /М.Шакури/ Обновление. М.: Наука, 1985. 387с.

11. Научно- исследовательская литература на русском языке

158. Литературный энциклопедический словарь /Под. общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987
159. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1980.
160. Покровская Т. Живая этика /Т.Покровская / Религии мира. Энциклопедия. М.: Аванта, 1999. Т. 7. с. 535-543.
161. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985. 1600с.

111. Статьи из книги, журнала и газеты на русском языке

162. Аброров Р. Занимательный рассказ об одном переводе /Р.Аброров / Памир. 1999.- №1. с.185-192
163. Авилов Н.С. «Петухи опевают ночь». /Н.С.Авилов / Русская речь.-1970. №3. с.27-29.

164. Антонов С.П. А.А.Блок «Возмездие» / С.П.Антонов / От первого лица. -М.: Советский писатель, 1973. С. 42-89.
165. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Мусагет.- 1987. 185 с.
166. Бобоев Х.Народное возмездие в творчестве мировых поэтов / Бобоев Х. Памир 1971-№5. с.80-91.
167. Блюм А.В. Литературный источник «Грамматика любви» / А.В.Блюм/ Наука и жизнь. 1970. - № 9. - С. 60-63.
168. Блюм А.В. «Под серпом и молотом» (А.Блок в советской цензуре) / А.В.Блюм / Звезда. 1995. - №10. - С. 131-137.
169. Брыжатая Н.П. А.А. Блок. «Цифры». Арифметика чувств / Н.П.Брыжатая, Т.А.Полежаева /Литература в школе. 1999. №1. с.92-96.
170. Бронич М.К. «Земля зовёт: спешите любить, творить». О стихотворении А.Блока «Ночные цикады» /М.К.Бронич/ Русская речь. 1989. №6. с. 102-104.
171. Бурсов Б.И. Творчество А.А.Блока / Б.И.Бурсов. Л.: Сов. писатель, 1974. 356 с.
172. Выготский Л.С. «Лёгкое дыхание» / Л.С.Выготский / Психология искусства.- 1968. № 4. с. 187-208.
173. Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи /Г.Гачечиладзе/. М.: Сов.писатель, 1972.-637 с.
174. Гейдеко В.А. А. А.Блок /В.А.Гейдеко. М.: Советский писатель,1987. 370с.
175. Гиппиус З.Н. Литературный дневник /З.Н.Гиппиус/ Русская мысль. 1911. №6. с.15-16.
176. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе /Л.Я.Гинзбург/. Л.: Советский писатель, 1971.
177. Горький А.М Полн. собр.соч.-
178. Гранин Д.А. Один из рассказов А.Блока / Д.А.Гранин / Тринадцать ступенек. Л.: Советский писатель, 1984. с.140-143.

179. Гречнев В.Я. Публикации и сообщения. Рассказ «Далёкое» / В.Я.Гречнев/ Русская литература. 2003. №3. с.133-137.
180. Гумилёв Н.С. Собрание сочинений: В 4-х т. М.: «ТЕРРА-TERRA», 1991.
181. Гусейнова А.Г.Азербайджанская литература в ее связях с творчеством А.Блока. Автореф. дисс. канд. филол.наук. Баку, 1998. 23с.
182. Долина А. На рубеже веков Л.К.Долгополов. Л.: Советский писатель, 1985. 352с.
183. Загородний А. Азия и Россия: цвет и свет. Репортаж из Орла /А.Загородний / Наш современник. 2001. №7. с. 217-225.
184. Калмановский Е.С. А.Блок Эскиз к портрету /Е.С.Калмановский/ Путник запоздалый. Рассказы и разборы. Л.: Советский писатель, 1985. с.226-253.
185. Килганова Г.В. Ориентализм в поэзии А.Блока. Дис. канд. филол. наук / Г.В.Килганова/. М.: МГПУ, 1996.
186. Краухфельд В.П. Литературные отклики. /В.П.Краухфельд/ Современный мир. СПб, 1912. №11. с.350-351.
187. Крапивин В.В. Штудии. Окно на Восток. «Кушитство» и «иранство» в русской прозе 1910-1930 годов /В.В.Крапивин/ Литературная учёба. 2000. №1. с.120-147.
188. Крапивин В.В. Штудии. Между Сиаем и Цейлоном. Восток в прозе Лермонтова /В.В.Крапивин/ Литературная учёба. 2000. №5. с.145-169.
189. Крутикова Л.В. В мире художественных исканий А.Блока (Как создавались рассказы 1911-1916 годов /Л.В.Крутикова/ Литературное наследство А.Блока, т. 84: В 2 ч. М.: Наука, 1973.Ч.2. с.90-120.
190. Крутикова Л.В. «В этом злом и прекрасном мире». /Л.В.Крутикова / А.Блок Стихи. Воронеж, 1978. с. 5-31.

191. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник /Г.Н.Кузнецова/. М.: Московский рабочий, 1995. 409с.
192. Кузнецова Г.Н. Памяти А.Блока /Г.Н.Кузнецова/ Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1972.- № 3. с. 187-189.
193. Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости. Воспоминания о А.И. Куприне /М.К.Куприна-Иорданская/. М.: Советский писатель, 1960. 240с.
194. Куприн А.И. Собрание сочинений: В 9-ти т. Т. 4-5. М.: Худож. литература, 1971-1972.
195. Лавров В.В. «Я обречен, познать тоску всех стран и всех времён». А.Блок: история трёх автографов /В.В.Лавров/ Литературная учёба. 1987. №5. с. 129-137.
196. Ланда Р.Г. Россия и Восток. Россия и ислам: Взаимодействие культур /Р.Г.Ланда/ Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. 2000. №5. с. 18-31.
197. Лозинский М. А.Блок в английских и американских исследованиях конца 1960-х начала 1970-х годов /Н.В.Лошинская/ Русская литература. 1974. №3. с.242-253.
198. Ломидзе Г. Дружба народов /Г.Ломидзе/ Литературная газета. 1972. 15 марта. с.5
199. Лошиц Ю.М. Тема Востока в творчестве А.Блока /Ю.М.Лошиц/, В.Н.Турбин Народы Азии и Африки. 1966. №4. с.147-160.
200. Ляушева С. «Читал я сладостный Коран». О том, как великие русские поэты вдохновлялись исламом /С.Ляушева/, С.Яхиев Религии. Независимая газета. 2000. 29 ноября. с.7-8.
201. Майкова А.Н. О власти бессознательного («Чистый понедельник») / А.Н.Майкова / Русская литература. 1999. № 3. с. 48- 49.
202. Маркин Г.И. Художественное время и пространство новеллы

- «Чаша жизни» /Г.И.Маркин/ Сюжетосложение в русской литературе: Сборник статей. Даугавпилс, 1980. с. 80-89.
203. Мальцев Ю.В. Забытые публикации /Ю.В.Мальцев/ Континент. 1983. №37. с.337-359.
204. Мескин В.А. Человек в круге бытия (О творчестве А.Блока) /В.А.Мескин / Русская словесность. 1993. №4. с. 16-24.
205. Михайлов О.Н. Строгий талант: А.Блок. Жизнь. Судьба. Творчество /О.Н.Михайлов/. М.: Современник, 1976. 278с.
206. Михайлов О.Н. Освобождение поэта /О.Н.Михайлов/ Слово. 1990. №7. с.55-57.
207. Мицкевич Б. П., Крупкина Г. В. О переводе А.Блока одного из стихотворений Г. Гейне «На севере диком» /Б.П.Мицкевич/, Г.В.Крупкина Вестн. Беларус. ун-та. Филология, журналистика, педагогика, психология. Минск, 1978. № 2. с.23-27.
208. Муллоджанова З. О литературных парах, партнерстве и «улучшенных версиях». Памир. №11, 1983. с.60-65;
209. Мэн Сю-юнь. Символика природы в поэзии А.Блока: (В сопоставлении с русскими и китайскими традициями). Дис. канд. филол. наук /МэнСю-юнь/. М. 1996.
210. Нарсенян ЕА. Армянский реализм и творчества Блока. Автореф. дисс. докт. филол.наук. Ереван, 1997. 32 с.
211. Нарушевич А.Г. Истолкование рассказа А.Блока /А.Г.Нарушевич/, И.С.Нарушевич Русская словесность. 2002. № 4. с. 25-27.
212. Нинов А.А. М. Горький и Ив. Бунин: История отношений. Проблемы творчества /А.А.Нинов/ Л.: Советский писатель, 1984. 560с.
213. Песков В. Блоковские места /В.Песков/ Комсомольская Правда. 2002. 25 октября. с.18-19.
214. Раренко М.Б. За строкой поэта /М.Б.Раренко/ Папаха и посох

- Сулеймана. О национальном характере. М.: Советский писатель, 1987. с. 123-136.
215. Романович А. Проблема жизни и смерти в поэме А.Блока /А.Романович/ Русская литература. 1996. №4. с. 93-100.
216. Сливицкая О.В. «Что такое искусство?» (Блоковский ответ на толстовский вопрос) /О.В.Сливицкая/ Русская литература. 1998. № 1. с. 44-53.
217. Сливицкая О.В. Сюжетное и описательное в новеллистике А.Блока /О.В.Сливицкая/ Русская литература. 1999. № 1. с. 89-110.
218. Сливицкая О.В. Блок А.А. с точки зрения буддизма /О.В.Сливицкая / Русская литература. 1999. № 4. с. 161-163.
219. Сливицкая О.В. Чувство смерти в мире А.Блока / О.В.Сливицкая/ Русская литература. 2002. № 1. с. 64-78.
220. Смольянинова Е.Б. «Буддийская тема» в прозе А.Блока (Рассказ «Чаша жизни») /Е.Б.Смольянинова / Русская литература. 1996. №3. с.205-212.
221. Соболев Ю.В. Блок А.А. «Иоанн Рыдалец» /Ю.В.Соболев/ Путь. 1914. №1. с.62-66.
222. Солоухина О.В. О нравственно-философских взглядах поэта /О.В.Солоухина/ Русская литература. 1984. №4. с.47-59.
223. Спивак Р.С. Язык прозы А.Блока /Р.С.Спивак/ Научные доклады Высшей школы. Филологические науки. 1968. №3. с.23-33.
224. Спивак Р.С. Грозный космос поэта /Р.С.Спивак/ Литературное обозрение. 1995. №3. с.35-39.
225. Тартаковский П.И. Поэзия А.Блока и арабский Восток /П.И.Тартаковский /Народы Азии и Африки. 1971. №1. с.106-121.
226. Фозилов А. Значение русской литературы /А.Фозилов/

Памир, 1977 №2 с. 104-110.

IV. Статья из книг, журналов и газет на таджикском языке

227. Ашурев А. А.С.Пушкин ва А.Блок /А.Ашурев /Шарки Сурх. 1941. № 4. с.47
228. Гадоев Б. Поэт- символист/ Б. Гадоев /Садои Шарк. 1969 №5 с.50-61
229. Кутби Киром. Мир Востока в рассказе А.Блока. / Кутби Киром/ Садои Шарк. 2002. № 3. с. 19-36.
230. Розенфельд А.З. Переводы произведений А.Блока на таджикский язык / А.З.Розенфельд / Памир. 1978. №4. с.56-61.
231. Хуриев М. Революция в творчестве А.Блока// Хуриев М./ Садои Шарк. 1957. №4. с.25-34.
232. Чович Б. Мотив инстинкта смерти у Иво Андрича и А.Блока /Б.Чович/ Славяноведение. 1995. № 1. с. 61-68.
233. Шаламов В.Т. Работа Блока А.А. над переводом «Храбрец» /В.Т.Шаламов/ Вопросы литературы. 1963. № 1. с. 153-158.
234. Шодикулов Х. Таронасарои Ватан // Хабиб Юсуфи. Сатрҳои нотамом.- Китоби 2.- Душанбе: Адиб, 1987.- 250 с.
235. Шумаков. Блока в Эстонии // Ю.Шумаков //Молодежь Эстонии. Таллин. 1989. 11 ноября. с.6.

На таджикском языке

236. Блок А. Стихотворения и поэмы на таджикском языке. Душанбе. Ирфон, 1987. 126 с.
237. Давронов А. Блок дар такдири эҷодии Есенин // Тоҷикистони Совети.- 1981.-11 январ.- 2с
238. Кутби Киром. Русский поэт /Кутби Киром/ Душанбе,1985. 23с.
239. Мавҷҳои бародари.- Душанбе: Ирфон, 1988. 234 с.
240. Маасуми Н. А.Блок ва эҷодиёти у /Н.Маъсуми / Асарҳои мунтаҳаб т.1. Душанбе: Ирфон, 1977. 319 с.

- В книге. Паёми бародари. Душанбе. Дониш. 1972. С.7-26.
242. Улмас Хол. «Скифҳо» ва «Дар майдони Куликова» Навруста. 2015, №1 с.46-54
243. Фарзона. Муаттари гули мино. Душанбе: Интишороти Муштири, 2006.
244. Фозилов М. Характер поэзии // Помир.- 1986.- с.56-61.
245. Хабиб Юсуфи. Перевод русской литературы. /Хабиб Юсуфи./ Шарқи Сурх. 1940. №3. с.56-58.
246. Хабиб Юсуфи Сборник стихов // Х.Юсуфи. Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1962. 350с
247. Хамидов М. Исторические события в творчестве /Хамидов М./ Садои Шарқ 1967. №4 с.88-94.
248. Холмухамадова Н. Блок ва Шарқ // Н.Холмухамадова // Илм ва хаёт. 1989. №12. с.34-35.
249. Хошим Р. Влюблённый поэт /Рахим Хошим/ Садои Шарқ 1967. №4 с.84-90.
250. Хошим Р. Солҳо дар сахифаҳо. Маколаҳо ва ёддоштҳо.- Душанбе: Адиб, 1988.- 212 .